

Петербургская библиотечная школа

Санкт-
Петербургское
библиотечное
общество



Санкт-Петербургское библиотечное общество

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ ШКОЛА

СОДЕРЖАНИЕ
№1 2001

© Петербургская библиотечная
школа №1 2001

УЧРЕДИТЕЛЬ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 311 27 53
факс (812) 311 22 47
nmo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Ротапринт РИМ Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Тираж 500 экз. Зак. № 146
Номер подписан в печать 25.10.01

Наша профессия

В. П. Леонов Библиотечная профессия
и новые формы технологии 3-4

*Горизонты профессионального
мировоззрения*

**Философские аспекты подготовки
исследователей и практиков
библиотечного дела (материалы
“круглого стола”)** 5-20

Н. В. Збаровская. Изучение работы
публичных библиотек США
(по итогам стажировки) 20-23

Уникумы

М. Г. Рачко. Книжная коллекция
Государственного мемориального
музея А. В. Суворова в СПб 24-27

Е. А. Горбунова. Библиотека
Центрального технического училища
рисования барона
А. Л. Штигица 27-30

Л. М. Родионова. История
формирования фонда
Научно-технической библиотеки
СПбГУ путей сообщения 30-33

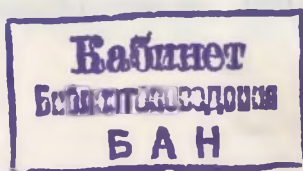
Г. М. Рослик. “На степень доктора”
(печатные диссертации российских
врачей XVIII — нач. XX вв. в фонде
библиотеки Военно-медицинской
академии) 33-35

С. А. Ковалева, М. И. Цаповецая.
К. П. Ларин — Рыцарь театра и книги
(по материалам С.-Петербургской
театральной библиотеки) 36-41

Л. Н. Подольская. Библиотека
С.-Петербургского аграрного
университета
(страницы истории) 41-45

Библиотека как культурный центр

Илкка Мякинен. “Золотой век”
финских публичных библиотек:
история учреждения, организации и
идеологии после 1960-х гг. 46-54



**Редакционная коллегия
библиотечная школа**

Чалова З. В.
Акимова Т. А.
Басов С. А.
Ежова М. Ф.
Комиссарчик Н. М.
Косачева Л. Г.
Кулинченко Л. В.
Лапинайте О. В.
Минкина В. А.
Монакова Т. Ю.
Новикова Т. И.
Рудая Э. А.
Секретарева Л. Г.
Соколов А. В.
Соколова Н. В.
Тихонова Е. В.
Шеповалова Е. В.

Литературная редакция

Володин Б. Ф.
Колпакова Н. В.
(отв. редактор),
Юдахина О. Г.

Л. Н. Гусева. О VI Мировом конгрессе
исследователей Центральной и
Восточной Европы и методологии
исторических исследований 55-67

Опыт наших коллег

**И. В. Азарова, А. И. Гладкий,
Р. И. Евстафьева и др.** Сохранение
фонда рукописей Библиотеки РАН:
фактографическое описание и
информационная карта 68-80

Хроника

Марианна Такс Чолдин. Какой
библиотека может стать... 81-84

Б. Ф. Володин. Интервью
с Марианной Такс Чолдин 84-86

Бернхард Фабиан. Речь на
презентации российского тома
"Справочника по немецким
исторически ценным книжным
фондам в Европе" 87-91

Е. Г. Муравьева. Книга - хранитель-
ница исторической памяти
народа 91-96





БИБЛИОТЕЧНАЯ ПРОФЕССИЯ И НОВЫЕ ФОРМЫ ТЕХНОЛОГИИ

В. П. Леонов — директор Библиотеки Российской Академии наук, д. пед. наук., проф.

Сегодня в эпоху телекоммуникаций, как никогда ранее, остро стоит вопрос о сохранении библиотекарей как профессионального сообщества. Современный библиотекарь растерян, он ни в чем не уверен и менее всего в себе самом. Он все еще ищет опору в своей профессии, но уже либо в нее не верит, либо верит, но с большим трудом. Однако в последние годы ситуация несколько изменилась, библиотекарь занял более активную позицию ко всему новому. Итак, какова же наша роль в обществе? Есть ли у нас будущее или мы обречены стать рудиментом прошлого?

Вообще мнения и оценки о нашей профессии, как и о любой другой, могут быть двойными. Прежде всего имеется в виду внутренняя, т. е. собственная, «своя» оценка тех, кто работает в библиотеке. А таких, по самым скромным подсчетам, в России трудится более 150 тыс. специалистов разного уровня: высшей и средней квалификации, а также неквалифицированных библиотечных работников. В отличие от «своей» есть и внешняя, пользовательская оценка. Не секрет, что мнения и оценки пользователей и библиотекарей не совпадают. Так было всегда, начало расхождения ведет свой отсчет еще с 1911 г., с первого Всероссийского съезда по библиотечному делу.

Конфликт двух культур, а в литературе это называется «информационной войной», существовал всегда, но никогда раньше он так остро не ставился. Мощь критики с конца 40-х гг. обрушилась на библиотеку как социальный институт, работающий неэффективно в эпоху информационного кризиса.

Среди аргументов называли: устаревшие системы предкоординатного индексирования документов, ручной одноаспектный, как правило, поиск в каталогах, нигилистическое отношение библиотекарей к механизации и автоматизации процессов обработки научной литературы. Библиотечных работников обвиняли в консерватизме, косности, инертности, неспособности понять последствия технологических изменений, вызванных вычислительной техникой. Вот результаты одного из исследований профессионального профиля библиотекаря в США в начале 1950-х гг. Элис Брайен, изучив профили 2395 библиотекарей, пришла к выводу, что интересы библиотекарей схожи с профилями артистов, музыкантов и писателей. Средний возраст — 42 года, 90% — женщины, 75% — незамужние. В ходе тестирования они были покорными и ощущали себя подчиненными. Больше тяготеют к эстетике, чем к науке и технике. В качестве альтернативы библиотекарю выступала фигура документалиста, выходящая из научной или технической школы с интересом к информации. Традиционная библиотека становилась «научным Ватерлоо», а библиограф рассматривался как «старый часовой» при внедрении новых методов поиска информации. Произошел раскол в рамках библиотечной профессии, ее единство было нарушено.

В результате конфликта двух культур был нанесен существенный ущерб обеим сторонам. Прежде всего, произошло понижение статуса библиотечной профессии. Так, только в США в 1978–1999 гг. закрылись 14 самых престижных

библиотечных школ, включая Чикагский университет (первая библиотечная школа, предложившая докторскую степень по библиотековедению), Колумбийский университет и университет Case Western Reserve. "Пиррова" победа досталась и документалистам. Как и в библиотечной профессии, закрывались престижные документационные центры. Центр А.Кента (CDCR) закрыл свои двери в 1971 г.

Подобная картина наблюдалась и в СССР. С середины 60-х гг. исчезли библиотечные институты как самостоятельные учебные заведения. Профессиональная библиотечная подготовка велась в рамках вузов культуры и искусства, очень редко в университетах. С конца 70-х гг. были упразднены факультеты специальных библиотек, а к началу 90-х отдельные библиотечные кафедры стали работать под прикрытием информационно-библиотечных факультетов. Закрывшие библиотечные школы в США и свертывание профессиональной подготовки в России показало бесполезность конфликта двух культур. Если информационные специалисты не могут работать вместе, их будущее в опасности. Даже в 80-е гг. отголоски борьбы не способствовали значительному повышению престижа.

Интернет перевернул традиционную библиотечную жизнь. Сейчас трудно судить о том, какие нас ждут перемены, но разделение поколения на "отцов и детей" уже произошло. Речь идет не о возрасте, а о психологии отношений. И "отцы", и "дети" теперь есть в любой крупной библиотеке. Точки зрения на библиотеку и книгу у них сильно отличаются. Я бы сказал так: "Новые поколения ("дети") мыслят компьютером, а старые ("отцы") — книгой". На смену книжной пришла посткнижная культура. Это, конечно, же крайность. Но, тем не менее, новые условия изменили качественно библиотекаря-профессионала. Его деятельность, вызванная ростом числа электронных библиотек, усложнилась. Он оказался под постоянным дав-

лением и, чтобы не отстать, пытается "двигаться" быстрее, чем ранее планировалось. Все это создает огромную нагрузку на персонал библиотеки и ее бюджет. Вот что пишет Леон Литвак в "Library Journal" (1998, vol.123, p.12-13) о библиотечной системе в Berkely, Ca: "В нашем жадном стремлении к внедрению новых информационных технологий отсутствует понимание необходимости равновесия, практически отсутствует осознание того, что разные научные дисциплины имеют разные потребности и не все они удовлетворяются новой технологией. А мы хватаемся за эту технологию не глядя, не думая о расходах, эксплуатации, надежности и ценности". Становится важным не только иметь у себя первичную информацию, сколько знать, где она находится и как ее получить. Отсюда еще одна проблема при росте ЭБ — самосохранение библиотекарей как профессионалов, умеющих работать в новых условиях. Какой будет библиотека завтра? Будет ли она по-прежнему хранилищем знаний или станет центром распределения информации? Кто будет в ней работать?

Отрадно, что отчетливее стали звучать голоса библиотекарей относительно автоматизации информационных процессов и приоритета в работе с информацией. В литературе подчеркивается, что современный библиотекарь ответственен за сохранность и распределение накопленного знания. Новая технология используется для повышения статуса и возможностей библиотечной профессии. Компьютеры рассматриваются не как угроза, а как экономический и профессиональный стимул библиотекаря. В современных библиотеках США гуманитариям и научным работникам говорят, что первый шаг на пути к пути к научным исследованиям состоит в том, чтобы познакомиться с библиотекарем-консультантом предметной области. Необходимо обсуждать эти вопросы не только в профессиональной печати, но и на сессиях ИФЛА, национальных библиотечных ассоциациях и обществах...

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПРАКТИКОВ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

(материалы "круглого стола") *

Е. В. Смолина (РНБ, ст. науч. сотрудник НИОБ, канд. пед. наук): В настоящее время библиотековедческие исследования опираются на достижения других научных дисциплин: социологии, информатики, культурологии, экономики и т.д. В зависимости от того, какая система знаний, какая методология используется, формируется предмет библиотековедческого исследования, интерпретируются его результаты и тем самым создается видение библиотечной реальности, ее проблем.

Во второй части "круглого стола" будут представлены в основном два направления в использовании знаний из других научных сфер: из информатики и социологии.

Одним из самых распространенных дискурсов, участвующих в проектировании библиотечной реальности является информационный подход, несмотря на то, что в мировой практике происходит и переосмысление информационного взгляда на природу библиотечных процессов, о чем говорит ряд международных конференций по концепциям библиотечной и информационной науки, где осознается необходимость выхода за пределы информационной теории и переход к использованию понятий и теорий из социогуманитарного знания. В России это самое мощное направление, которое сегодня формирует профессиональное сознание библиотековедов, в рамках которого создаются исследовательские программы.

Использование социологических знаний для исследования библиотечной реальности также имеет свои тенденции:

1. Продолжает развиваться традиция использования социологических позитивистских исследовательских программ, реализующих в основном количественные методы изучения и строящихся по типу маркетинговых исследований.

2. Начинает развиваться новое интеллектуальное движение, объединяющее социологов и библиотековедов, которые для исследований используют социальные теории и нормативную методологию, отражающую специфику библиотечного дела как социокультурного явления. Приходит понимание того, что в культурном разнообразии мира существует единое информационное пространство.

Я предоставляю слово Дмитрию Константиновичу Равинскому.

Д. К. Равинский

(РНБ, ст. н. с. НИОБ, канд. пед. наук)

Социальные проблемы библиотечной профессии

Уважаемые коллеги! Мое краткое выступление прошу рассматривать не как доклад, а как реплику, как реакцию на услышанное. В вопросе соотношения библиотековедения и информационной науки есть аспект, который мне кажется ключевым: является ли профессия библиотекаря профессией? В американском учебнике по социологии библиотечное дело относят к полупрофессиональным занятиям наряду с такими, как работа медицинской сестры, социального работника и др. Это большая область американской жизни, которая называется

* Начало см. в №1/2 2000

ся у них *care professions*, т.е. профессии, в специфику которых входит забота о людях. Вроде профессия, вроде нет.

Приведу пример из моей жизни. Алексей Николаевич Костин — человек, безусловно, любивший книгу и знание, на склоне лет сказал, что, когда он уйдет на пенсию с поста председателя Совета министров, он обязательно устроится работать в библиотеку, потому что лучшей профессии он просто себе представить не может и добавил: “Это же красотища — сиди и почи-тывай”. Поэтому наша надежда на то, что власти когда-нибудь поймут, что такое библиотечная профессия, — утопическая.

Есть два момента, о которых следует сказать. Первое — библиотекарь принимает участие в работе с социально незащищенными слоями населения, т.е. выполняет функции социального работника, общественного терапевта. Это сейчас стало модным. Теперь задача другая — социокультурная реабилитация людей. Социально незащищенные слои общества, т.е. 95% нашего населения, хотят ощутить себя нужными людьми. Тут Борис Васильевич говорил об этике, упадке, о том, что человек заинтересован в библиотекаре для личного контакта. Это не только у нас. По результатам социологического опроса, проведенного в 1995 г. в США, люди хотят, чтобы у каждого был свой персональный библиотекарь. Они заинтересованы в личностном контакте через книгу с теми, кто поймет их проблемы. Второе — люди хотят квалифицированного совета. Библиотекарь здесь выступает как эксперт. Этим он и отличается от клерка или от работников книжных магазинов. Это свойство профессии называют “руководство чтением”, хотя это выражение было скомпрометировано в советское время. Это то, что может сделать только библиотекарь и никто другой, — ни ученый, ни преподаватель, а именно библиотекарь, понимающий личные проблемы человека и даю-

щий квалифицированный совет, исходя из того, в чем человек заинтересован.

Теперь вот о чем я хочу сказать. Социальной проблемой библиотечной профессии является маленькая зарплата. Библиотекарям всегда платят мало. Не только у нас, но и в других странах. Это — следствие отсутствия финансов. Это — следствие приоритетов. На очень многое денег хватает, а на библиотекаря не хватает. Это странно, потому что библиотекаря все любят. У библиотекаря нет врагов. К ним все хорошо относятся: любят, жалеют.

Приведу пример из иностранного опыта. В 1996 г. фонд Бентона (социологическая организация в Америке) провел опрос об отношении американцев к библиотекам. Из пяти возможных оценок работы публичных библиотек (ужасно, плохо, нормально, хорошо, замечательно) подавляющее большинство выбрало ответ — “замечательно”. Как любят библиотеку!

Публицист Герберт Уайт, специалист по библиотечному менеджменту, нашел эти результаты весьма удручающими. Почему? Два десятилетия происходит неуклонное снижение финансирования библиотек, сокращаются ставки, услуги, а все довольны. Это не потому, что мы так хорошо работаем, а потому, что люди не знают, как мы можем работать, если нам платить достаточно денег. Г. Уайт, цитируя книжку по маркетингу, говорит, что успех деловой коммуникации не в том, чтобы сказать, что делается хорошего, а в том, чтобы объяснить, что хорошее не делается по таким-то причинам.

Библиотекари отчитываются в том, что они делают, но не объясняют, почему они не делают что-то. Уайт приводит пример полиции. Никто никогда не оценивает работу полиции как замечательную, но именно поэтому им каждый год увеличивают ассигнования. Смысл в том, что мы отчасти и сами виноваты: нет этого умения. У американцев есть любимая идея о том, что

в библиотеки идут работать люди с комплексом жертвы.

Когда-то я написал статью "Образ библиотекаря в советской художественной литературе". Я её назвал "Ловушка для интеллигента". Как интеллигенты попадают в библиотеку? Почти всегда — вследствие жизненных обстоятельств, крушения жизненных планов. Например, человек окончил испанское отделение, но оказалось, что в Испании — Франко, и испанисты не нужны. Он с трудом устроился в Публичную библиотеку и, хотя он был по натуре очень веселым человеком, ему все чаще задавали вопрос: "Что с тобой случилось?". У него стал такой образ — жертвы. Или вот другой пример. Отличница школы заканчивает педагогический институт, филфак, не выдерживает в школе и попадает в библиотеку.

Еще кое-что я хотел добавить. Олег Менделевич говорил насчет бесполезности профессиональных кодексов этики. Я с этим не согласен. Этическая проблема — главная. Без "Кодекса библиотекаря" мы не сможем решить эту проблему. Нельзя решать вопросы комплектования путем голосования. Здесь не может быть консенсуса. Профессиональная этика должна быть.

Татьяна Борисовна, вот в чем мне хотелось бы Вам возразить. Вы сказали, что о тенденциях в обществе можно судить по количеству выданных книг на ту или иную тему. Но можно ли оценивать работу библиотеки через количественные показатели. Если считать библиотеку досуговым учреждением, тогда количество книг срабатывает: чем больше, тем лучше, если её считать информационным учреждением — тогда нет. Если человек делает информационный запрос, то шесть книг ему не нужно, ему нужна одна. Если подойти к проблеме с этой стороны, то привычная книговыдача окажется совсем другой.

Сейчас я закончу мысль, которая кажется мне интересной. Американские

социологи относят библиотечную профессию к федеративным профессиям, как профессию инженера. Библиотекарей много. Когда мы говорим о библиотечной профессии, то встает вопрос, о какой? У библиотекаря специальной библиотеки — один подход, у библиотекаря массовой библиотеки — другой. Наша проблематика распадается. Другой вопрос — какие книги должны быть на открытом доступе, а какие — нет? Могут ли библиотекари решать эту проблему?

Я еще на первом заседании "Круглого стола" цитировал Ортега, который возложил на библиотекаря миссию гигиеническую. Книг слишком много, и беды человечества именно от этого. Библиотекари должны поставить фильтр между потоком книг и обществом. Библиотекари возмутились и не захотели брать на себя такую "почетную" миссию. Проблема в том, что задачу по регулированию потока и оценке книг библиотекарь на себя брать не может.

О. М. Зусьман (СПбГУКИ, доцент кафедры научно-технической информации, канд. пед. наук): Он только этим и занимается, выдача — оценка книг, списание — оценка книг, библиографирование — оценка книг.

Д. К. Равинский: Скажем так, он это выполняет, но не может взять на себя ответственность за это. Всякий раз, когда библиотекарь пытается решить: это нужно, а это не нужно — это ни к чему хорошему не приводит.

О. М. Зусьман: Если библиотекаря вооружить соответствующими методиками, то почему бы и нет.

Д. К. Равинский: Мы говорим о разных ситуациях. Вы говорите об оценке литературы, старении и т. д. Но если говорить о методике для массовой библиотеки, то мне кажется, всякая попытка библиотекаря решить эту задачу ни к чему хорошему не приводит.

О. М. Зусьман: Но отсутствие методик тоже ни к чему хорошему не приводит.

Д. К. Равинский: Именно поэтому существует такая методика — “общественный институт”, которая берет на себя эту обязанность.

Е. В. Смолина: Дмитрий Константинович имел в виду, что в практической деятельности эта оценка везде существует. Это, наверно, хорошо, но как идеология профессионального сообщества — это, действительно, опасно.

Л. Н. Гусева (научный сотрудник НИОБ, канд. пед. наук): Я хочу дать реплику по поводу “руководства чтением”. Дело ведь не в том, что этот принцип нашего профессионального сообщества не принят в настоящее время. Да, действительно, время изменилось, а “руководство чтением” — это социальная теория, т. е. выражение принципа деятельности какого-то профессионального сообщества. Этот принцип сформировался в советском обществе и был возведен в ранг научной теории и на его основе пытались руководить чтением всех социальных групп.

Проблемы начинаются тогда, когда на основании этого принципа пытаются руководить чтением тех, кто не хочет, чтобы ими руководили. Но есть определенные группы людей, которые хотят, чтобы их вели за собой, есть люди, которые любят, когда выступают какие-то ученые, диссиденты, общественные деятели, и для них это большая школа. То же самое происходит в художественной литературе: смысловое творчество писателей, их способность выражать идеи помогает нам осмыслить наши проблемы. Оказывается, очень много таких людей, которые ищут возможности общения с известными людьми, с профессионалами в своей сфере, и надо установить, кто эти люди.

Современная реакция на информационную теорию — это не отрицание ее.

Просто происходит ограничение использования теории. Есть общие принципы, но они не могут быть применимы для всех. Об этом говорил Борис Васильевич Марков. Когда мы на практике пытались реализовать общие принципы, то выяснилось, что люди не желают следовать им. Многие читатели хотят что-то другое увидеть в библиотеке, по-другому строить свои отношения с библиотекарями.

В то же время, если эти правила мы не определим, то читатели будут от нас требовать невозможного. С одной стороны, надо идти навстречу и пытаться руководствоваться принципами, создаваемыми в обществе, на основе которых мы могли бы удовлетворять потребности читателей и создавать те методы работы, которые читателям созвучны, связаны с их этическими, интеллектуальными и другими возможностями и способностями. С другой стороны, этические кодексы создаются библиотекарями, на основе которых они выделяются из этого общества и пытаются сохранять себя как профессию, как единое целое. Таким образом, существует разница между социальными теориями и профессиональными этическими кодексами. Я бы разделила эти понятия.

Е. В. Смолина: слово предоставляет **Т. В. Захарчуку.**

Т. В. Захарчук

(РНБ, и.о. зав. научно-исслед. отд. библиотекведения, канд. пед. наук)

Структура научных коммуникаций в современной библиотечной науке России

В 70-х гг. возникло новое направление социологических исследований, названное науковедами интерпретивной концепцией развития науки. Возникновение этого направления напрямую связано с постнеклассическим этапом развития современной науки, где главными

являются субъектно-субъектные отношения в научном сообществе. Характерным для исследований этого типа является то, что они представляют собой подробное рассмотрение отдельных, относительно замкнутых эпизодов развития науки. Поскольку для изучения всегда выбираются переломные моменты в содержательном развитии знания, то на первый план выступают конфликты в научном сообществе по поводу принятия — непринятия новых научных идей и, следовательно, самой существенной стороной научной деятельности оказывается не получение нового знания, а его “узаконивание” в качестве общепринятого.

Таким образом, главным в этой концепции является изучение борьбы научных групп за утверждение собственной точки зрения. Сторонники этой теории ставят на первое место субъект познания, а весь процесс познания представляют как непрерывные новые и новые интерпретации знаний, производимые учеными. Чем более известно созданное ученым знание, тем больше шансов у него завоевать сторонников и получить заслуженную известность. Следовательно, ученые заинтересованы не в анонимном распространении знания, а в идентификации его с творцом.

Кроме того, интерпретивная концепция, уделяя большое внимание соперничеству в научном сообществе за признание, значительно повышает и роль указателей трудов научных коллективов, которые могут быть одним из аргументов в решении научных конфликтов, в борьбе за лидирующее положение в науке.

С другой стороны, в отличие от концепции Р.Мертон, убежденного в неизменном характере научной деятельности, эволюционном развитии науки, последователи интерпретивной теории развития науки узаконивают регулярный пересмотр значения работ предшествующих поколений, что ведет к необходимости

постоянного анализа деятельности ученых прошлого.

Исходя из этого, сегодня в значительной мере усиливается роль научных коммуникаций, позволяющих ученым решить многие проблемы через различные каналы профессионального общения (как формальные, так и неформальные). Чем больше развита система научных коммуникаций, тем больше шансов у научной области, научной дисциплины, научного направления получить признание в научном сообществе и толчок к дальнейшему развитию теории и методологии.

Существующие сегодня в российском библиотековедении научные коммуникации во многом являются продолжением советской системы профессионального общения (узкий круг контролируемых журналов, научные конференции, которые носили чаще всего идеологический характер и т. д.). Если в других науках сегодня происходит бурное развитие профессиональной печати (профессиональные журналы издаются не только центральными издательствами, но практически каждым крупным институтом и научным обществом), то в библиотековедении наличие практически единственного архивного и самого читаемого в профессиональной среде журнала “Библиотековедение” не позволяет развернуть широкую дискуссию, ввести созданное ученым знание в научный оборот в качестве общепризнанного. И это понятно. Во-первых, у каждого журнала имеется своя идеология. Естественно, что редакция при отборе публикаций будет исходить из того, что этой идеологии соответствует. Во-вторых, объема одного журнала явно не хватает для ведения широкомасштабных дискуссий. В-третьих, журнал слишком дорог и домашняя подписка на него практически не осуществляется, а это важное условие комфортности профессиональной деятельности.

Профессиональные журналы издаются лишь в небольшом круге регионов Рос-

сии. В частности, такие журналы есть в Санкт-Петербурге, Татарстане и некоторых других регионах. Однако это не решает проблемы профессионального общения, т.к. эти журналы в столичные библиотеки и библиотеки других регионов почти не поступают. Отсутствие собственных научных журналов в крупных научных центрах в области библиотековедения (РНБ, ГПНТБ, ГПНТБ СО РАН и др.) не компенсируется выпуском отдельных тематических научных сборников, т.к. эти издания также малодоступны и публикации в них носят обычно констатирующий, а не дискуссионный характер. В связи с этим для того, чтобы представить собственную точку зрения, ученые-библиотековеды вынуждены обращаться в издания популярного характера.

Однако, несмотря на это, публикация сегодня остается для ученых чуть ли не единственной возможностью оповестить научное сообщество о вновь созданном знании.

Говоря о необходимости издания широкого круга профессиональных журналов в области библиотековедения, нельзя не сказать и о том, что библиотековедческое научное сообщество постоянно демонстрирует свою замкнутость, опираясь в своих исследованиях только на узкопрофессиональную печать. Проведенные опросы показали¹, что большинство российских ученых самого высокого уровня используют для пополнения своих профессиональных знаний лишь собственно библиотековедческие издания. Ни один из опрошенных не назвал журналы, относящиеся к смежным научным дисциплинам, и лишь немногие считают необходимым привлечение знаний, созданных в иных профессио-

нальных сообществах, для своей профессиональной деятельности.

Основным результатом труда ученого является публикация. Сегодня, когда резко сократилось число командировок, стажировок, мы узнаем о деятельности друг друга в основном по опубликованным работам.

В институциональном плане можно выделить следующие типы организаций, публикующих результаты своей деятельности:

1. Федеральные библиотеки.

Подавляющее большинство научных документов создается в двух национальных библиотеках, работающих практически во всех направлениях отраслевой науки (их вклад составляет примерно 38% от ежегодного потока научных публикаций). Остальные федеральные библиотеки проводят исследования, связанные со спецификой собственной деятельности. Ориентировочный вклад федеральных библиотек МК РФ (без РНБ и РГБ) составляет ежегодно лишь около 5% от всех научных работ.

2. Библиотечно-информационные факультеты вузов культуры МК РФ.

В настоящее время исследования ведутся практически во всех вузах. Однако по продуктивности и широте исследовательской тематики их можно разделить на 3 группы:

- к высокопродуктивным относятся МГУК и СПбГАК, которые дают около 20% всех отечественных научных публикаций;
- среднепродуктивную группу образует ряд провинциальных вузов (Кемерово, Казань, Челябинск, Самара, Краснодар), научная активность которых

¹ Опрос ведущих библиотечников проводился в рамках исследования "Тематическая и институциональная структура библиотечниковедческих НИР России" под руководством ст. научн. сотр. научно-исследовательского отдела библиотековедения, канд. филос. наук И. Г. Васильева. Были опрошены доктора наук, ведущие научные сотрудники библиотек и вузов культуры Москвы и Санкт-Петербурга.

достаточно заметна — около 9% всего научного документального потока.

- малопродуктивными являются библиотечные факультеты других вузов культуры, не проявляющих достаточной научной активности.

3. Библиотеки субъектов РФ.

Здесь можно выделить лишь небольшое число библиотек, результаты исследований которых публикуются в общероссийской профессиональной печати (Казань, Самара, Кемерово).

Особенностью организации библиотечной научно-исследовательской работы является наличие двух научных центров — Москвы и Санкт-Петербурга, где существуют крупнейшие библиотеки страны и самые крупные вузы культуры.

Именно в этих городах сосредоточены наиболее квалифицированные научные кадры и ведущие библиотечные научные школы. На их долю приходится около 80% всех научных работ, опубликованных в профессиональной печати. Это говорит о слишком высокой концентрации библиотечных исследований в центре и слабости периферийной науки (для сравнения: для гуманитарных наук нормальный уровень концентрации науки в центре оценивается в 67–70%).

Такое соотношение объясняется многими причинами. В частности, наибольшей концентрацией в этих городах высококвалифицированных кадров, более широкими возможностями публикации собственных материалов, а также тем фактом, что в имеющихся библиографических указателях и базах данных с большей полнотой отражаются именно работы столичных авторов. Деятельность центральных библиотек субъектов федерации отражается лишь на 10%. В основном это работы, опубликованные специалистами из регионов в Москве и Санкт-Петербурге. Получается, что профессиональное сообщество не имеет целостной картины собственного дела.

Слабо отражаются в библиографических указателях и базах данных и работы ведущих специалистов. Анализ списков публикаций, составленных самими ведущими сотрудниками РНБ и СПбГУКИ, показал, что в общем документальном потоке по библиотековедению и библиотечному делу их работы отражаются в среднем на 33–35%, что является чрезвычайно низким показателем.

Таким образом, можно говорить о том, что не только в центре члены профессионального сообщества недостаточно осведомлены о положении дел в регионах, но и региональные сообщества не получают достоверной и полной информации о том, что происходит в профессиональной жизни Москвы и Санкт-Петербурга. Происходит разделение профессионального сообщества на столичное, имеющее достаточно большие возможности для публикации своих достижений, и региональное, чьи достижения, как правило, остаются неизвестными российскому профессиональному сообществу. Сохранение и нарастание тенденции неполноты описания ценного опыта приводит к выводу о неполном соответствии существующей системы профессиональных коммуникаций реалиям сегодняшнего дня.

Однако, говоря о региональных профессиональных сообществах, нельзя не отметить, что и среди них существует некоторая дифференциация. Наиболее активны, например, центральные библиотеки субъектов федерации, работающие в тех городах, где имеются сильные вузы культуры. Это вполне объяснимо, т. к. в этом случае научный потенциал крупной научной библиотеки соединяется с потенциалом вуза. Важным условием становления отраслевой науки является наличие “связки”: крупная библиотека + библиотечно-информационный факультет вуза культуры.

Следует также отметить, что только треть проанализированных нами работ является

результатом научных исследований. В большинстве публикаций описывается опыт практической работы, анализируется работа библиотеки в той или иной области.

Частично недостатки формальной профессиональной коммуникации компенсируются за счет коммуникации неформальной. В последние годы проходит огромное количество конференций. Но анализ их тематики показывает, что в основном они посвящаются автоматизации библиотек и сводятся к технологическим проблемам, а часто носят юбилейно-официальный характер. Кроме того, состав участников этих конференций практически постоянен. Организация круглых столов, семинаров, где собираются специалисты, заинтересованные в решении определенного круга проблем, — скорее исключение, чем правило.

Для повышения эффективности деятельности профессионального сообщества, для совместного решения общих задач, стоящих сегодня перед библиотечным делом, необходимо постоянно совершенствовать систему профессиональных коммуникаций, проводить семинары и конференции, посвященные решению научных и практических проблем, с участием крупных специалистов не только в области библиотековедения и библиотечного дела, но и в смежных областях. Нужно создавать больше журналов, отражающих как научные представления, так и практический опыт, создавать условия для проведения совместных исследований федеральными и региональными научными центрами, совершенствовать систему информационной поддержки профессиональной деятельности.

Представляется также, что важным направлением повышения эффективности научных коммуникаций в области библиотековедения могло бы стать создание реферативного журнала "Библиотековедение", отражающего научные публикации по библиотечной науке и смежным научным дисциплинам.

Развитие системы формальных и неформальных научных коммуникаций сегодня — одно из главных направлений деятельности библиотековедов. Без хорошо налаженной системы научных связей функционирование науки в современных условиях становится невозможным.

Е. М. Высоцкая (РНБ, старший науч. сотр. научно-методического отдела, канд. пед. наук): Я присоединяюсь. Институты работают достаточно активно, но у нас нет информации о конференциях, о научных сборниках, которые выходят на местах. В России сегодня насчитывается 18 вузов культуры. Помимо названных, Челябинский институт прекрасно работает, стал интересно работать Тюменский институт. Издания Информкультуры далеко не полные. На сервере ГПНТБ, на сервере отдельных библиотек мы можем прочесть план мероприятий, но ведь не у всех есть компьютеры. Татьяна Викторовна совершенно права в том, что необходим реферативный журнал. Это было бы лучшим выходом.

О. М. Зусьман

Информационные ресурсы библиотек как база библиотековедческих исследований и педагогической деятельности

Уважаемые коллеги! Меня всегда волновала такая проблема. Библиографы создают различные указатели, каталоги, картотеки, ведут базы данных и используют их по традиции для поиска документов, для обслуживания. Получается так: вложили деньги в производство какого-то продукта, а продать его или даже не продать, а использовать для себя, для совершенствования своей работы — нет, это уже библиографам не надо. Я книжку выдал — читатель доволен, не ругается. Ситуация совершенно непонятная: создан ресурс и заморожен, когда известно, что треть или половина рабочего времени уходит на создание этих ресурсов.

Меня всегда волновало, почему библиотечное дело и библиотечная наука (библиотековедение) так не дружат между собой? Какие только реверансы библиотекведов не делают перед библиотечными работниками — никакой реакции. Я понимаю, что очень важны когнитивные аспекты коммуникации, но, по-моему, сегодня проблема лежит в социально-психологической плоскости.

Я постоянно об этом думаю, особенно когда стал работать в НИОБ и выслушивать некоторых начальников библиотеки. Я не понимаю самой постановки вопроса: библиотековедение — это только прикладная область деятельности. Так не бывает. Не может быть наука прикладной без какой-то фундаментальной части. Библиотечные работники воспринимают библиотечную науку, как помощь в решении каких-то задач практики. Что-то заболело и бегут к науке — дай мне примочку, чтобы что-то вылечить. Не вылечил, не дал, значит ты — плохой.

Одна из причин этого состоит в том, что исторически не сложилась нормальная институциональная структура науки. В любой области знания существует как минимум четыре сектора науки. Существует заводская наука. У нас в библиотечном деле — это методические отделы. Существует прикладная наука. У нас она встроена только в несколько отделов. Может быть, и нет фундаментальной науки, но фундаментальные проблемы в библиотечном деле есть. У нас сектора фундаментальной науки вообще нет. Мы понимаем, что в реальной жизни он существовать не будет, даже если будет необходимость решать такие фундаментальные проблемы как библиотеки в информационном обществе. Даже если такие отделы вдруг создадут в библиотеке, из этого мало что получится. Все равно производственные задачи будут давить над руководством, и оно любыми путями будет заставлять научные отделы решать практические задачи.

Я долго не понимал агрессивного отношения практиков библиотечного дела к библиотечной науке. Помогла философия. Прочитав случайно Мамардашвили, я понял, что происходит. В любом человеке лежит такая базовая психологическая потребность в самоуважении, а это самоуважение предполагает понимание окружающего мира.

У нас с 30-х гг. существует массовая техникумовская подготовка специалистов. Для того, чтобы воспитать этого массового библиотекаря, надо было упростить процессы, которые происходят в библиотечной сфере: познания, использования знаний. Упростить до такой степени, чтобы среднему студенту вуза не пришлось думать, мучаться, иначе он вообще мимо этого пройдет. И любой из нас, педагогов, стремится упростить, даже не задумываясь, хорошо это или плохо, но такова специфика педагогической работы. И мы постепенно, шаг за шагом, упрощаем, упрощаем, упрощаем. До каких-то элементарных технологий. Потом выпускаем этого библиотекаря и хотим, чтобы он думал, что есть библиотечная наука, а он этой науки не нюхал, для него все просто, как мычание.

Мамардашвили, который меня подтолкнул к этим горьким словам, написал: “Если человек достигает самоуважения посредством упрощенных схем, то он скорее убьет того, кто покусится на эти схемы, чем расстанется с ними”. Значит, всякое вторжение инородного тела, а, извините, ваши и мои изыскания для них — это инородное тело, всегда получит жесткий отпор именно из-за того, что организация сориентирована на сохранение существующей простенькой системы.

Я приведу еще один пример. Для того, чтобы выпустить массового библиотекаря на заочном факультете, есть такая форма подготовки выпускников библиотечных техникумов обучают 3,5 года. Таким образом, набирают группы тех, кто учится 5 лет после школы, и тех, кто окон-

чил техникум (обычно это уже люди, которые несколько лет поработали). Мне приходится читать один и тот же курс лекций в двух разных аудиториях.

Курс состоит из двух частей. Это документоведение. Первая часть очень простая: какие есть документы, какие у них свойства. Вторая часть — это закономерности развития документального потока. Вот я читаю библиотекарю со стажем про документы. Внимательно слушают, кивают головой, все довольны. Перехожу к пятилеткам. Для них это ново, скучно, неинтересно, но пишут. Перехожу ко второй части курса: закономерностям. Там уже есть математический аппарат, есть над чем задуматься. Читаю трехлеткам — как враг в аудитории. Они каждый день работают в библиотеке, а кто-то им говорит о закономерностях. Что они там напридумывали, в институте? Перехожу к молодежи. Читаю то же самое. Наконец-то проснулось внимание. У них уже есть над чем задуматься, значит это не просто выдача книг. Итак, отрицание всего сложно как бы заложено заранее.

Вторая проблема, о которой нужно сказать, — это противоречие в вузовской подготовке. Вы все знаете, что не готовит вуз ученых. У нас и в дипломе написано не “библиотековед”, библиотекарь-библиограф. Дмитрий Константинович, я на Вас сошлюсь. Мне понравилось, что от библиотекаря ждут совета. Обучают так, чтобы он был экспертом: выделяют много часов на историю, литературу, а остаток — на библиотечные технологии. Где же здесь наука?

Некоторые из нас наскребают часы на специализацию на последнем курсе для тех, кто захотел заниматься наукой. Здесь начинаются мучения у педагога: “А надо ли мне готовить этого ребенка? Вот передо мной талантливый человек, а куда я его потом дену. Он придет в любой отдел библиотеки и будет там чужак”.

самых талантливых, которые попадали в библиотеки, быстро оттуда убегали. Некоторых удалось перевести в один из двух научных отделов, но, по-моему, за последние 10–15 лет таких было 3–4. Самый последний пример. В позапрошлом году у меня было 5 дипломников. Одна иногородняя девочка сразу ушла работать в фирму, чтобы закрепиться в городе. Остальные четверо пошли работать в библиотеки, зная языки и компьютер. Прошел год с небольшим. В библиотеке, по-моему, осталась одна, которая сейчас учится на психфаке. Одна работает социологом, вторая в этом году поступила на психфак, и явно мы ее в библиотечном деле не увидим. Третья тоже ушла из библиотеки. Причем все 4 имели направление в аспирантуру, в которую их, конечно, никто не брал, потому что там 1 место на весь факультет. Вот осталась одна, работающая в Сестрорецкой ЦБС. Могу ли я после этого смотреть им в глаза и говорить: “Давай учись, давай сделаем научную работу”. Что дальше-то?

Я в последнее время стал сталкиваться с тем, что руководители практических отделов Публички запрещают своим студентам писать дипломы у тех вузовских педагогов, которые нацелены на науку. Несколько дней тому назад я встречаю девочку, которая у меня училась на вечернем факультете и упрашивала меня, чтобы я взял ее, когда она дойдет до последнего курса, а теперь отводит глаза и ждет другого преподавателя. Но я знаю, что случилось. Я знаю, в каком отделе она работает. Это уже не в первый раз, когда руководители возражают. Им нужен исполнитель. Они понимают, что из этого ничего хорошего не получится, что они этого человека теряют. Мало того, еще и конфликт внутри отдела будет, поэтому заранее ставят условия: на этой кафедре писать не будешь.

Возвращаюсь к тому, что надо как-то “онаучивать” эти отделы, “онаучивать” библиотечных работников. Для этого у нас

один путь: проводить исследования хотя бы совместно с теми, кто на эти слова откликается. Если, конечно, не запретят руководители их отделов. Работать хотя бы с теми, кто может. С ними, наверное, будет трудно вести исследования, они далеки от библиотечного дела, ну хотя бы нужно вернуться к идее использования ресурсов для науки, накопленных в библиотеке.

Оказалось, что я плохо знаю ресурсы Публички. Вот библиографические ресурсы я знаю хорошо. По библиографии я мог бы предположить массу проблем, которые можно было бы решать. А вот библиотечные ресурсы? Вспомнил последнее, с чем сталкивался в Публичке, — электронный каталог. Стал искать в нем труды родного института. Что я там получил? Документов нет. Издания за 1999 г. должны быть введены все. Ничего не стоит взять этот введенный год и сравнить с такой же базой данных Книжной палаты (она есть на CD-ROM), чтобы посмотреть полноту комплектования. Ясно одно: если мы не будем привлекать работников библиотеки, то продвижения не будет.

Е. В. Смолина: Это тема, особенно первый аспект, для меня жизненно важна. И я пришла вот к какому ответу на этот вопрос. Наш институт не может готовить исследователей или социологов науки, и он не должен это делать. Он не может готовить ученого, который бы изучал библиотеку. У нас наука понимается иначе. Если мы говорим о науке, и здесь я с вами согласна, то у неё должна быть какая-то фундаментальная часть, а не только прикладная. Значит должны быть совершенно другие курсы, должны быть другие факультеты, может быть даже при университетах где-то. Кто сейчас проводит исследование наиболее эффективно? Тот, кто получил дополнительное образование. При подготовке библиотековеда не заложено тех знаний, на базе которых проводятся исследования в библиотеках. Может быть, нужно новый институт создавать?

О. М. Зусьман: Я говорил о том, что преподавание библиотечного дела доведено до технологических элементарных процессов. Это связано и с тем, что так же библиотечную науку понимают почти 60% преподавательского состава, поэтому, естественно, от него нечего ждать. Но есть еще 30%. Подготовка ученого в нашем вузе идет только по курсу на кафедре Крейденко "Основы НИР", но сегодня несколько кафедр имеют свои подобные курсы. Они по-разному называются, например "Информационные исследования". Книговеды также готовят исследователей. Так нельзя говорить, что их совсем нет. Я, благодаря своим контактам, обратился социологии. Кто-то ушел в сторону менеджмента, например Валентина Альфредовна. Но подготовка ученых — это дело индивидуальное, поэтому так и должно быть: кто-то берет 2–3-х выпускников и с ними возится. Их также можно готовить из числа закончивших университет, прошедших переподготовку. Пути самые разнообразные. Не думаю, что полностью подготовку библиотековедов можно отдать куда-то и кому-то. Из этого вряд ли что-нибудь получится, потому что вы получите очередного социолога, но не получите библиотековеда, так как он будет на все смотреть другими глазами. Тогда давайте честно скажем, что есть социология библиотечная, психология библиотечная, экономика, история, тогда скажем, что никакого единого объекта исследования у нас нет. Но при одном условии: если объекта исследования нет, то и библиотекаря как субъекта тоже нет.

С. В. Шеляпина
(науч. сотр. НИОБ, РНБ)
**Профессиональные знания
библиотекарей как предмет
социологических исследований**

В современный период реформирования общественных отношений происходят

изменения и в социальных науках: переосмысливается их статус, методологические основания. Параллельно развиваются теоретические концепции, которые отличаются пониманием природы социального знания, откуда и вытекают разные методологические приемы.

Я не случайно отмечаю данную ситуацию развития самой социологии как науки, в которой не существует единого подхода, принимаемого всеми, поскольку она базируется на различных способах изучения социальной реальности. Как отмечает известный американский социолог Ньюман, современные исследователи нередко не отдают себе отчета в том, на какой из подходов они в конкретном случае опираются.

Для определения направлений деятельности библиотеки как социального института в современных условиях также необходима новая парадигма социологических исследований. Следует отметить, что сейчас библиотечная социология слабо реагирует на изменения, происходящие в социальных теориях, практически не используются новые методологии, она не выходит на содержательный уровень исследований (я имею в виду изучение профессионального знания).

Это обусловлено во многом такими внутренними причинами, как научная изоляция библиотечной социологии, ее развитие в рамках "ведомственной" социологии. Исследования проводятся на основе готовых методик. В основном, это анкетные опросы, где отношения в библиотеке рассматриваются как универсальные и устойчивые формы. Социальные группы (профессиональные библиотечные и читательские) выделяются по уже заранее выделенным социально-демографическим характеристикам. Раньше, в советское время, это было приемлемо. Сейчас наше общество, как мы знаем, очень сильно дифференцировано: постоянно появляются новые социальные, возра-

ные, профессиональные группы. Изменения в образовательной системе привели к новым специализациям. Тем самым, социальная структура нашего общества характеризуется неустойчивостью и плюрализацией.

Сложность социальных отношений мы можем увидеть на примере нашей читательской аудитории, ее социальной динамики, которую необходимо изучать для формирования новых концепций обслуживания, адаптируемых к новым условиям.

Что касается изменений в социальной структуре нашего профессионального библиотечного сообщества, то на первый взгляд можно сказать, что оно наиболее устойчиво и даже консервативно. Но, тем не менее, и здесь происходят перемены, появляются новые структуры и отделы, новые специализации (маркетологи, службы Public relations и т.д.).

Для того, чтобы выявить новые профессиональные группы и определить новые направления деятельности библиотеки, необходим иной подход к изучению ее социальной структуры. Этот подход предусматривает культуру как главный дифференцирующий фактор в формировании социальной структуры, образовании социокультурной идентификации. Это означает проведение исследования групп, которые еще не институализированы. Культура для социологов постепенно становится главным инструментом объяснения социальных изменений. Представителем этого направления "социологии культуры" среди отечественных социологов можно назвать Г. Ионина.

Данный подход предполагает описание исследуемой ситуации с точки зрения участников исследования. Цель такого исследования — выявить и описать многообразие типичных знаний, социокультурных групп в библиотеке. Предметом является социально конструированное представление о своей деятельности как библиотечных специалистов,

руководителей в области библиотечного дела, так и читательских групп.

Областью подобного исследования становятся дискурсивные практики или профессиональный дискурс. Знания библиотечных специалистов можно выявить из научных статей, публикаций, выступлений практиков на конференциях. Если эти знания используются в практической работе, то этот тип знаний мы определяем как институализированный, т.е. признанный библиотечным сообществом. Но если мы хотим определить новые виды деятельности в библиотеке, то предметом нашего изучения становятся вербализованные и невербализованные знания респондентов, которые еще находятся в процессе открытого дискурса между различными профессиональными группами.

Именно в процессе неформальной коммуникации рождаются новые знания, концепции, которые еще не институализированы и являются истинными только для отдельных групп профессионалов, а не для всего библиотечного сообщества. Но эти нормы могут быть уже превалярующими в регулировании отношений между сотрудниками внутри подразделений или при обслуживании читателей. Эти исследования дают возможность повернуть исследовательскую деятельность от изучения технологического процесса на человека любого пола, класса, возраста, этнической принадлежности, вероисповедания и сексуальной ориентации, как это происходит в современных зарубежных странах.

Задача подобных исследований обогатить библиотекарей знанием о современной социальной реальности, на основе которых читатели, пользователи понимают окружающий мир и действуют в соответствии с ним. В противном случае библиотекари создадут новые структуры в соответствии со своим пониманием и идеальными представлениями, а читатели начнут приспособля-

ваться к ним. Поэтому мы должны изучать образ библиотеки, создаваемый читателем, чтобы адекватно его обслуживать.

Д.К.Равинский: Мне важен методологический уровень библиотечных исследований. В период моды на социологические исследования все библиотеки, конечно, стали изучать мнение читателей о своей работе. Все читатели высоко оценивали работу библиотек, что было вполне нормально, так как это была возможность поддержать библиотеки в переходный период. Сейчас это время прошло, и нам, действительно, нужно узнавать правду. Вот эта проблема в библиотечной социологии стоит достаточно остро.

С. В. Шеляпина: Все правильно, но исследование социально конструируемого знания и изучение общественного мнения об образе библиотеки или науки — это разные предметы, требующие разных методов. К нам приезжают областные социологи и говорят нам: дайте нам готовые методички и мы сами будем проводить исследование. Но это — не выход. У многих из них нет специальной социологической подготовки. Развитие социологических исследований во многом зависит от развития социологии в конкретном регионе, городе, от наличия социологических центров в них, от того, насколько в них используются новые подходы к исследовательской деятельности, поэтому на местах возникает тесная связь библиотечных специалистов с профессиональными социологами этих регионов.

И. Г. Васильев

(науч. сотр. НИОБ, РНБ)

**Социологическое исследование
влияния библиотечной науки на
практику**

Я не специалист в области библиотечковедения и библиотечной практики. Поэтому мне было интересно выслушать специалистов в этой области и понять суть кризиса. Когда я попытался прочитать

статьи по библиотековедению, то чуть ли не в каждой из них говорилось о кризисе библиотековедения, но при этом никто не удосужился объяснить, в чем же здесь кризис. Как только начинаешь рассуждать на тему социологического исследования связи библиотечной науки с практикой, то первый вопрос, который возникает — что представляет собой библиотечная информационная наука? Совершенно справедливо было высказано, что это некая реальность, данная нам в ощущениях. Надо относиться к этому как к данности. Если идти от этого пункта дальше, то нельзя не сказать, что библиотековедение представляет собой некий комплекс предметов библиотековедения, так как оно включает в себя и информационную науку, и социальную, и гуманитарную. Попытаться их объединить в какой-то одной парадигме — дело безнадежное.

Мне попала на глаза работа Куна, который написал в 1967 г. книгу “Структура научных революций”. Профессиональные его интересы известны. Он физик и историк науки. Он 12 лет читал все, что пишут о его книге, и выступил со статьей “Новые размышления парадигмы”. Кун говорит, что после того, что он прочитал, у него закралось сомнение, все ли эти люди читали один и тот же том. Я хочу этим подчеркнуть, что даже тогда, когда автор какой-либо книги относительно строго судит о своем предмете, все равно возникает большое поле для искажения смысла того, о чем он говорит.

Если в это пространство точности и неточности расположить какие-то части библиотековедения, то получается, что в одной части, близкой к информатике, речь идет о знании более или менее достоверном, которое поддается эффективной проверке, которое всегда можно вписать в контекст этой области, можно точно определить, но если мы перемещаемся к другому полюсу, в гуманитарную область, то там — другие принципы досто-

верности. Достоверность в гуманитарных науках совершенно иначе обосновывается, она опирается на нормативно-ценностную структуру. Дальше начинается цепочка обоснований: соответствует она или не соответствует принятым в обществе ценностно-нормативным структурам?

Социальные науки находятся где-то посередине. Я много беседовал на эту тему с Борисом Федоровичем. Он квалифицирует библиотековедение советского периода как социальную науку, а, вообще говоря, считает, что библиотековедение должно быть в большей степени гуманитарной наукой. Судя по тому, что эта тенденция получила сейчас неожиданную угрозу со стороны информационных наук, то я бы поостерегся об этом сейчас однозначно говорить. Надо искать какие-то способы и считаться с тем, что информационная наука сюда вторгается, и какие-то парадигмы, стандарты работы в этой области должны быть, если не интегрированы, то как-то согласованы. Причина этого, наверное, не в том, что люди не понимают друг друга, а в том, что люди по-разному дисциплинарно образованы. Человек, работающий в другой ценностной системе, не воспринимает сказанное потому, что он этого не понимает.

Теперь я приведу эмпирическое подкрепление тому, что сказал. Мы задавали вопрос экспертам-исследователям по поводу того, какое у них представление о стандартах научно-исследовательской деятельности. Разное понимание парадигм отразилось в различных ответах. Люди говорят, что такие стандарты существуют и поддерживаются большинством членов сообщества (15% говорят, что “да”). В этих ответах есть желание приписать сообществу, что там есть такие стандарты, а на самом деле их, скорее всего, нет. Примерно такое же количество людей ответили, что небольшое число стандартов существует, но их придерживаются неконфликтующие группы. Боль-

шая часть опрошенных говорит, что такие стандарты не существуют: у каждого исследователя или группы исследователей существует собственное представление об этих стандартах. Ответ на этот вопрос подтверждает те рассуждения, которые я начал. Стандарты очень разные, в зависимости от близости к способам доказательства достоверности знаний. Чем ближе человеку более точные, достоверные способы доказательства, тем вероятнее его принадлежность к одной из названных групп, и наоборот.

С этим тесно связан вопрос, как оценивают состояние дисциплины библиотековеды-исследователи. Мы предлагали им отвечать по определенной шкале из 5-ти признаков. Большая часть (23%) ответила — в состоянии кризиса, т. е. эти исследователи требуют радикального изменения исследовательских ориентаций и стандартов. Самый распространенный ответ — достижений дисциплинарного уровня нет, но по отдельным направлениям получены важные новые результаты. Это констатация раздробленности парадигмы библиотечной науки.

Теперь несколько слов о том, как можно было использовать результаты библиотечных исследований. Необходимо понимать отношения между библиотечными исследованиями и библиотечными работниками как некий диалог в широком смысле, что подчеркивал Борис Федорович, когда говорил об опыте немецкой библиотечной традиции. Я бы хотел отметить одну особенность нашего российского диалога. Так, рассуждая о немецкой традиции, можно говорить, что существует диалог между библиотечными работниками, библиотековедами и учеными. Но мне кажется, что у нас ещё нет одного участника диалога — читателя.

Хорошо развитая социологическая культура зарубежного библиотековедения в какой-то степени решает этот вопрос,

потому что там диалог с читательской аудиторией в некоторой степени нерепрезентирован библиотечными исследованиями. Там это поставлено на поток, там есть мониторинг, там постоянно отслеживают изменения. И библиотековедение там представляет интерес. А у нас социологические исследования находятся в зачаточном состоянии. Инстанции, которые принимают решения на проведение социологических исследований, обладают своей ценностно-нормативной структурой, т. е. они хорошо знают, как это должно быть сделано. Знать, что хотела бы другая сторона, им не интересно.

Мы задавали вопрос, в какой степени реальная деятельность библиотечного работника зависит от библиотековедения. Ответы были следующими: только 10% (мы опросили 70 человек) хотели бы реально увеличить влияние библиотечных исследований на библиотечное дело; 66% полагают, что увеличение влияния результатов научных исследований на продуктивность работы было бы полезно; только 10% хотели бы существенно увеличить это влияние. Вопрос о том, что было бы полезно, опирается в то, какие данные они хотели бы получить. Евгения Николаевна здесь высказывала хорошую мысль о реферативных журналах. Мы спрашивали экспертов об этом. Это тот вид информации, который особенно необходим библиотековедению.

Ещё, может быть косвенно, мы спрашивали экспертов-практиков, какие знания они используют в профессиональной деятельности. Опрашиваемые в основном говорили, что они в равной степени используют знания и навыки, полученные из опыта практической работы и путем самообразования. Получается так, что самообразование и практическая работа — два основных источника пополнения профессиональных знаний.

Какие из этого можно сделать выводы? Запросы практических работников

в библиотечной сфере, прежде всего, ориентированы на те результаты библиотекосведения, которые могли бы им быть полезны на рабочем месте, непосредственно при исполнении их служебных функций.

Второй вывод состоит в том, что информационная база, источники, из которых они получают информацию, чрезвычайно узки. Здесь говорилось о том, что практически нет журналов дисциплинарного профиля. В ответах экспертов большого разнообразия не было, разве что один респондент назвал "Российский экономический журнал". Когда мы спрашивали о том, какие издания читают респонденты, то получили такую картину: журнал "Научно-технические библиотеки" отметили 25 респондентов, "Библиотекосведение" — 24,

"Библиотека" — 14. Остальные журналы упоминались от 1 до 6 раз. Из иностранных журналов 6 респондентов упомянули "Library Journal", другие журналы упоминались по 2—3 раза.

Е.В. Смолина: Это исследование интересно тем, что оно позволяет взглянуть на экспертов, нашу элиту с определенной стороны. Так же, как информационные ресурсы, и библиотечный каталог можно использовать в других целях, так по результатам этого исследования можно судить не только о состоянии нашей науки, но и интеллектуальной элиты, которая у нас существует.

У нас есть много проблем, которые мы можем обсуждать на последующих заседаниях. Мне хотелось бы поблагодарить всех за участие.



ИЗУЧЕНИЕ РАБОТЫ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК США

(по итогам стажировки)

Н. В. Збаровская — зав. методико-библиографическим отделом ЦБС Невского района

Институт "Открытое общество" (Фонд Сороса) долгое время работает с библиотеками Восточной Европы, предоставляя возможности обмена опытом с библиотекарями Соединенных Штатов Америки. В 1999 г. такая стажировка проходила в Queens Borough Public Library, в г. Нью-Йорке.

Queens Borough Public Library считается крупнейшей библиотекой Соединенных Штатов по книговыдаче (17 млн. томов в 1999 г.) и второй библиотекой страны по количеству читателей. Эта библиотека начала международное сотрудничество с библиотеками других стран в 1996 г. За это время в ней поработали в качестве

стажеров библиотекари Китая, Франции, Румынии, Хорватии и России.

Queens Borough Public Library обслуживает один из крупнейших районов Нью-Йорка (2,5 млн. жителей). Этнический состав населения этого района чрезвычайно многообразен, здесь проживают представители более сотни наций. Для половины из них английский язык является вторым языком.

Комплектование и каталогизация осуществляются централизованно, за исключением видеокассет и CD.

Для комплектования существует так называемая зеленая линия, скидка — до 50% от стоимости книги. Комплекто-

ванием электронных изданий, аудио- и видеоматериалов занимается специальное подразделение отдела комплектования. Это подразделение комплектует материалы для центральной библиотеки, контролирует комплектование филиалов, отслеживает новинки. В настоящее время фонд CD насчитывает свыше 400 названий.

С 80-х гг. началось комплектование фондов литературой на языках представителей наций и народностей, проживающих в Куинсе. На данный момент в системе Queens Borough Public Library существуют пять специальных книжных фондов на испанском, китайском, корейском, русском языках и языках Юго-Восточной Азии. Эти фонды комплектуются также аудио- и видеоматериалами. Всего в фондах библиотек представлены материалы на 65 языках мира.

Queens Borough Public Library — это независимая трастовая компания. В Совет акционеров (19 человек) входят мэр города Нью-Йорка и глава района, представители компаний и банков, а также собственный адвокат. Совет акционеров вправе определять приоритетное направление работы, распределение бюджета, состав фондов и тому подобное. Так, Совет акционеров принял решение об исключении из фондов системы литературы о всех видах оружия, но в то же время в компьютерной сети Queens Borough Public Library, согласно решению совета акционеров, отсутствует фильтр для INTERNET.

Библиотечная система заключила контракт с городом, согласно которому город обеспечивает 85% бюджета библиотек, но не вмешивается в библиотечную политику. 10% бюджета обеспечивает штат Нью-Йорк. Остальные средства поступают за счет пожертвований, платных услуг и членских взносов в Общество друзей библиотеки.

Кроме того, существует хорошо разработанная система грантов, позволяющая финансировать отдельные программы как

на уровне города и штата, так и на уровне федерального правительства. Так, более ста лет тому назад Queens Library, тогда еще нецентрализованная библиотечная система, а одна библиотека Куинса, одной из первых библиотек Нью-Йорка получила грант Эндру Карнеги. А в октябре 1999 г., благодаря успешной работе по формированию информационной грамотности населения, библиотечная система Queens Borough Public Library получила грант от компании Microsoft на дополнительное компьютерное оборудование и программы для пользователей.

Система Queens Borough Public Library состоит из 63 библиотек: центральной библиотеки и 62 филиалов. Во главе системы стоит Совет акционеров, которому подчиняется директор.

В ведении трех заместителей директора находятся библиотечное обслуживание, финансы и информационные системы, планирование по развитию библиотечной системы.

В непосредственном подчинении директору библиотечной системы находятся Общий совет библиотеки, департаменты обслуживания зданий, кадровый, безопасности, PR, каталогизации и обработки литературы, фандрайзинга.

В структуре библиотечной системы выделен специальный отдел центральной библиотеки. Кроме управления структурными подразделениями отдела обслуживания, этот отдел занимается внутрисистемным обменом, организацией работы Cyber Center и телефонной справочной службы.

Методические функции в Queens Borough Public Library выполняют отделы Program and services и PRD, а также заместитель директора по планированию и развитию, который занимается организацией повышения квалификации персонала и международными отношениями.

Организацией работы библиотек по целевым программам занимается отдел программ и услуг (PSD).

В этом отделе работают несколько групп специалистов, разрабатывающих и осуществляющих реализацию программ для взрослых: "Новые американцы" (NAP), программа формирования функциональной грамотности (Adult Basic Education Classes), программа English for Speakers of Other Languages — SOL, Центр обучения взрослых (Adult Learning Center). Детские программы: программа "семейной грамотности" — Literacy In Family Environment (проект LIFE), специальная программа KidsLinQ, позволяющая читателям-детям получить доступ к ресурсам INTERNET, Summer Reading Club (Летний Клуб Чтения).

Программа NAP включает специальные семинары для иммигрантов (как правило, на их родном языке), помогающие, например, в получении американского гражданства, при покупке дома, медицинском страховании и т. д. Кроме того, организуются культурные программы: фольклорные концерты, поэтические вечера, встречи с писателями, выставки, национальные праздники.

Эти программы предусматривают привлечение родителей в библиотеки, возрождение семейного чтения, пропаганду книг, обучение библиотекарей эффективным методикам работы и т. д. Так, в 1998 г. 483 читателя занимались в Adult Basic Education Classes.

Организация занятий в компьютерных классах, а также в Adult Learning Center осуществляется на основе стандартов информационной грамотности, определяющих различные уровни знаний и умений в работе с разнообразными источниками информации.

Методическое обеспечение и управление этой программой также обеспечивает отдел PSD.

В библиотеках Куинса организовано индивидуальное информационное обслуживание для людей, занятых поиском работы (Job Information Center). Деятель-

ность Job Information Center заключается в подборе литературы о той или иной профессии, о правилах поведения на собеседовании. Пользователь Центра имеет возможность найти информацию о вакансиях посредством INTERNET. Такой вид обслуживания как консультации сотрудников Центров занятости или иных социальных служб в Job Information Center не осуществляется.

С 1994 г. в Queens Borough Public Library проводится специальная программа для подростков — "Connecting Libraries and Schools Project (CLASP)". Эта программа предусматривает обучение учителей, учеников и их родителей навыкам работы с информационно-библиотечными ресурсами. Бюджет программы составляет около 2 млн долларов в год. Всего по программе CLASP работают 111 школ района. Обеспечением деятельности по этой программе также занимается отдел программ и услуг.

Отдел Public relations занимается связями с общественностью.

Библиотечная система Queens Borough Public Library активно сотрудничает со средствами массовой информации района, города и штата, в том числе и с телевизионными каналами. Газеты не только распространяют информацию об услугах, но и публикуют статьи в помощь обучению чтению.

Кроме того, в библиотечной системе выходит собственная ежеквартальная газета, в которой можно найти разнообразную информацию о библиотеках, предлагаемых ими услугах, организациях и людях, оказавших финансовую поддержку.

Кроме этого, отдел PR занимается организацией работы Общества друзей библиотеки и добровольных помощников библиотек, включая освещение их деятельности в изданиях библиотеки и города.

В задачи отдела входят также маркетинг и выполнение различных графических работ для оформления библиотек.

В связи с большим количеством целевых программ, а также высоким уровнем обслуживания одним из важных направлений работы Queens Borough Public Library является повышение квалификации сотрудников.

С этой целью регулярно проводятся семинары для администраторов, информационных менеджеров, библиотекарей и других сотрудников библиотечной системы. Курсы повышения квалификации для детских библиотекарей существуют с 1992 г., для библиотекарей, обслуживающих взрослых, — с 1996 г. Для повышения квалификации используются методы проблемно-развивающего обучения: “мозговой штурм”, взаимное обучение, а также встречи с руководителями программ и отделов. В настоящее время разрабатывается программа дистанционного обучения, которая предполагает, что пакет информационных материалов будет рассылаться по филиалам, а затем организуется обсуждение идей в маленьких группах.

Бюджет планируется в каждом отделе библиотеки и структурных подразделениях системы, затем сводится воедино, утверждается советом акционеров, а затем Городским Советом.

Долговременное планирование — это стратегический план развития системы на 40 лет.

Существуют также планы более кратковременные: на год, на пять лет.

Отчетность строгая и довольно обширная.

Отчет готовится по двум моделям: квартальный и годовой.

Кроме того, существует так называемый грантовый отчет — расходы из грантов на программы, как и всякий финансовый отчет по статьям.

Готовится специальный годовой отчет для совета акционеров, впрочем, этот отчет можно предоставлять и читателям.

Городские и федеральные службы получают статистические отчеты.

Помимо ознакомления с работой различных отделов и филиалов Queens Borough Public Library и формами обслуживания читателей в публичных библиотеках Нью-Йорка, в программу нашей стажировки входило посещение публичных библиотек северной части штата Нью-Йорк (в том числе Публичной библиотеки штата Нью-Йорк в г. Олбани и Upper Hudson Library System), презентации работы публичных библиотек России, Румынии и Хорватии, участие в конференции Нью-Йоркской библиотечной ассоциации (NYLA) в Буффало.

Очень насыщенным оказалось время пребывания на севере штата Нью-Йорк.

Изучая работу библиотек Upper Hudson Library System, мы ознакомились с работой отделов комплектования, PR, приняли участие в практической конференции директоров библиотек по проблемам инноваций, конференции трех библиотечных систем Олбани, посетили библиотеки колледжей и школьных медицентров.

Продолжительность стажировки составляла пять месяцев, что дало возможность ближе и подробнее ознакомиться с опытом работы наших американских коллег.

Основными социальными задачами для библиотек Нью-Йорка являются, с одной стороны, помощь в ассимиляции новых граждан США, а с другой — сохранение этнической и культурной связи с исторической родиной иммигрантов. Большое внимание уделяется изучению истории Соединенных Штатов.

В процессе работы с читателями активно внедряются новые формы и методы. В то же время, уделяя большое внимание использованию технических средств и информационных технологий, в значительно меньшей степени американские коллеги применяют методы проблемно-развивающего и модульного обучения. В работе со взрослыми читателями преобладают традиционные формы: дискуссии, громкие чтения, обзоры и беседы.



КНИЖНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ А.В.СУВОРОВА В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

М. Г. Рачко — зав. сектором “Научная библиотека”

История создания книжной коллекции музея А. В. Суворова неотделима от истории создания самого музея. Первым собирателем суворовских реликвий, составителем “Суворовского сборника” стал Василий Павлович Энгельгардт. Можно предположить, что книги о А. В. Суворове, в том числе и на иностранных языках, были приобретены Энгельгардтом во время его путешествия по маршруту суворовских войск в Швейцарии. Книжная коллекция включает разные сочинения, представляющие библиографическую редкость. Особенно следует выделить книги, входившие в личную библиотеку полководца. До наших дней сохранились лишь немногие экземпляры, например “Арифметика, писанная на французском языке собственноручно графом Суворовым в 1740 году” принадлежала самому Александру Васильевичу. Эту рукописную книгу разыскали в конце прошлого века, и она поступила в фонды из библиотеки Императорского Казанского университета.

Хранится и рукописная книга с авторграфом генералиссимуса “Устав прусской пехоты” на русском языке, изданная в Берлине в 1750 г. На титульном листе устава есть надпись, сделанная тогда еще только полковником А. В. Суворовым, о том, что он дарит этот экземпляр поручику Кошелеву, вероятно, одному из офицеров Суздальского пехотного полка, которым он в ту пору командовал.

Среди раритетов собрания — “Беседы Иоанна Златоуста к антиохийскому

народу”, книга, переведенная с греческого языка коллежским асессором Лукой Сичкаревым. Надпись коричневыми чернилами на внутренней части переплета гласит: “из книг Его превосходительства генерал-аншефа и разных орденов кавалера Александра Васильевича Суворова. 1787 года Августа 27 дня”.

Наиболее обширная часть книжного фонда научной библиотеки — Суворовский отдел. В этом разделе имеются, за редким исключением, все издания на русском языке, посвященные Суворову. Много книг о полководце, изданных в конце XVIII — XIX вв. на иностранных языках.

Книжный фонд включает уникальные энциклопедии, справочники, словари, научные сборники по истории военного искусства. Следует особо отметить раздел русской истории. Данный раздел собрания отличается разнообразием тем и основательным подбором изданий, в том числе и редких периодических, например рукописный “Журнал авангарда князя П. И. Багратиона”. Журнал написан скорописью конца XVIII в. на русском и частично на французском языках и охватывает период с 9 апреля по 28 сентября 1799 г.

Обширны разделы по истории полков Российской Императорской армии, военной формы, оружия. Как правило, это наиболее авторитетные издания. При комплектовании отыскивались лучшие по сохранности экземпляры: номерные и именные издания на особых сортах бумаги, издаваемые

тиражами 100–200 экземпляров, многие книги с экслибрисами. Первым, кто заносил книги в библиотечный реестр, был библиотекарь Академии Генерального Штаба Сергей Дмитриевич Масловский. Им же по решению Суворовской комиссии в 1901 г. была составлена и опубликована "Опись памятникам и предметам во временном помещении Суворовского музея при Николаевской академии Генерального штаба". Редакторами описи были профессора А. Э. Мыш-лаевский и В. М. Колобакин. Предисловие к описи написал начальник Академии Н. Н. Сухотин. "Опись" явилась первым в истории музея путеводителем. В Русском биографическом словаре опубликована в 1912 г. статья С. Д. Масловского о А. В. Суворове с обширными русскими и иностранными библиографическими источниками.

Немного об авторе "Описи": Сергей Дмитриевич Масловский (1876–1943), литературный псевдоним — Мстиславский, родился в Москве в семье известного военного историка — генерала Дмитрия Федоровича Масловского. Будучи студентом-естественником Петербургского университета, он примыкает к боевой организации эсеровской партии, участвует в революции 1905–1907 гг. За участие в подготовке вооруженного выступления войск Финляндского военного округа и за хранение оружия в библиотеке Генерального штаба Д. С. Масловский в мае 1910 г. попадает в Петропавловскую крепость.

С первых дней Февральской революции он — активный ее участник. Избирается членом ВЦИК второго созыва. В годы гражданской войны он являлся комиссаром партизанских формирований и отрядов при Высшем военном совете, занимал ответственные посты в Украинском Советском правительстве. Мало кто знает, какое место в истории библиотечных реформ, проведенных после революций 1917 г., занимал С. Д. Масловский. Он являлся первым заведующим библиотеч-

ной секцией Московского городского отдела народного просвещения. Сергей Дмитриевич известен также как один из организаторов проведения Первого всероссийского библиотечного съезда 1911 г. На съезде он назначается секретарем подготовительной комиссии работ секции государственных академических и специальных библиотек. Им был разработан новый план преобразования библиотечного дела. Он утверждал, что необходимо раскрепощение книги и слияние всех книжных запасов в единый фонд. Единый книжный фонд должен стать достоянием общечеловеческим, международным. С. Д. Масловский выступал за "предоставление полной самостоятельности библиотекарю в ведении библиотеки". Интересно и то, что, вопреки предложению В. И. Ленина использовать в нашем библиотечном деле опыт Соединенных Штатов Америки, он отверг его как не соответствующий условиям нашей действительности. В 1919 г. С. Д. Масловский переезжает в Киев, его назначают заведующим секцией в библиотечный подотдел Наркомпроса Украины.

После гражданской войны С. Д. Масловский занимается литературной и общественной деятельностью. Он работает во Всероссийском обществе культурных связей с заграницей, становится помощником главного редактора Большой советской энциклопедии (первое издание), принимает участие в деятельности Союза писателей СССР. Он публикует 15 романов и повестей, 10 пьес, десятки научных, литературоведческих и публицистических статей. Самыми известными из них стали "Грач-птица весенняя", посвященная Н. Э. Бауману, и роман "Накануне. 1917 год", который был написан в 1938 г.

Но вернемся к книжной коллекции музея. Среди этого редкого собрания нельзя не выделить наиболее известное произведение А. В. Суворова "Наука

побеждать". Эта небольшая по объему работа, насыщенная богатейшим материалом, показывающая, чему и как нужно учить солдата и в чем сущность искусства ведения боя. При жизни А. В. Суворова работа распространялась в войсках в виде рукописных списков. Первая печатная публикация этой книги увидела свет в 1806 г. уже после смерти прославленного полководца. С тех пор "Наука побеждать" неоднократно переиздавалась в нашей стране с комментариями историков и военных специалистов. Лучший комментарий, бесспорно, принадлежит перу известного военного деятеля Императорской России генералу М. И. Драгомирову. В советское время наибольшее число изданий "Науки побеждать" вышло в годы Великой Отечественной войны. До наших дней принципиальная сторона этой суворовской работы сохранила свою актуальность.

В числе многочисленных исторических исследований, посвященных жизни и боевой деятельности А. В. Суворова, одним из лучших остается до наших дней капитальный труд генерал-лейтенанта А. Ф. Петрушевского. Первое издание книги "Генералиссимус князь Суворов" появилось в 1884 г. За него Императорской академией наук автору была присуждена 1-я Макарьевская премия. Петрушевский продолжал работу, исследуя новые материалы и выясняя спорные моменты в биографии полководца. Авторский экземпляр 1-го издания книги с многочисленными пометками хранится в фондах музея. Выпуск второго издания был приурочен к 100-летней годовщине смерти А. В. Суворова в 1900 г. К сожалению, смерть А. Ф. Петрушевского в 1904 г. остановила дальнейшие исследования талантливого историка.

Книжный фонд библиотеки включает издания из 64 коллекций, в том числе издателя А. С. Суворина, историков И. Е. Забелина и Л. М. Са-

велова, военного историка М. И. Богдановича, кн. Е. Львова, гр. В. В. Левашова. Эти частные собрания имели многие книжные редкости, они являлись национальными сокровищницами. Эти коллекции представляли особую ценность, так как нередко включали книги, изъятые из обращения.

Значительную роль в формировании коллекций редкой книги сыграли дары и пожертвования, поступления личных собраний. Среди даров следует отметить коллекции А. И. Любимова, М. В. Люшковского, В. Н. Грусланова. Ими были любовно собраны редкие издания о А. В. Суворове, литература по военной истории, нумизматике, оловянной миниатюре. Почти полностью их собрания поступили в музей. На всех книгах имеются эксlibрисы этих коллекционеров.

Библиотека хранит редчайшие издания. Большинство из них украшены акварелями, гравированными рисунками. Книги в кожаных, деревянных переплетах с золотыми обрезами, шелковыми закладками, с застежками, в футлярах.

Отличительной особенностью библиотеки является наличие большого числа изданий с автографами, пометками авторов, владельцев, читателей, что делает их особенно интересными. Среди дарственных экземпляров — издания с автографами А. Ф. Петрушевского, А. Н. Фирсовича, К. В. Пигарева, Г. К. Жукова. Перечень имен дарителей помогает уточнить их научные связи и интересы, раскрывает путь пополнения книжных коллекций.

В 1918 г. вместе с экспонатами музея в Екатеринбург была вывезена и большая часть библиотеки.

В 1922 г. после ликвидации полковых музеев лейб-гвардии Кавалергардского полка и лейб-гвардии Саперного батальона в музей А. В. Суворова было доставлено все имущество, в том числе и книги. А библиотеку бывшего военно-

го министра П.С. Ванновского, находившуюся в здании музея с 1910 г., вывезли и передали в библиотечную секцию Отдела популяризации и агитации идеи милиционной сети.

В 50-е гг. фонд библиотеки значительно пополнился дублетными экземплярами из других библиотек, в том числе из резервного фонда Государствен-

ной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Артиллерийского музея.

На протяжении всей истории своего существования судьба библиотеки была неразрывно связана с судьбой музея. Издания из книжного собрания неоднократно экспонировались на выставках. В настоящее время библиотека является неотъемлемой и важной частью музея.

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА ТЕХНИЧЕСКОГО РИСОВАНИЯ БАРОНА А.Л. ШТИГЛИЦА

Е. А. Горбунова — библиотекарь Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии

Как и в Европе, во второй половине XIX в. в России стали создаваться специальные школы, в которых преподавались основы нового художественно-промышленного искусства. В Европе такие школы обычно возникали при музеях и библиотеках. В России же, наоборот, музеи и библиотеки создавались при учебных заведениях.

Крупнейшим художественно-промышленным учебным центром в России было Центральное Училище технического рисования, созданное в 1879 г. в Петербурге на пожертвования барона А. Л. Штиглица, в Соляном городке. В этом же году была основана библиотека училища, которая благодаря поддержке барона А. Л. Штиглица, стала одной из крупнейших в России в ряду подобных библиотек, таких как, например, библиотека при Обществе поощрения художеств в Петербурге и библиотека Строгановского училища в Москве. Достаточно сказать, что расходы на комплектование библиотеки в два раза превышали расходы на музей.

Фонды библиотеки с каждым годом увеличивались. В начале создания библиотеки покупалось много книг по истории искусств, архитектуре, орнаменту.

Была создана уникальная коллекция орнаментальной гравюры, в настоящее время хранящаяся в Государственном Эрмитаже, в состав которой входят коллекция Альфреда Берделе, парижского антиквара и владельца мастерскими по изготовлению предметов художественно-декоративного искусства из бронзы и красного дерева, а также коллекции Жана Лепотра, Эжена Берара и Юстуса Брикмана — известнейших коллекционеров и любителей гравюры.

Кроме коллекции орнаментальной гравюры, игравшей важную роль в учебном процессе, в библиотеке была собрана большая коллекция книжных переплетов, среди которых имелись книжные переплеты из личных библиотек Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI.

В библиотеке Училища находились подлинные рисунки Рафаэля, Рембрандта. Были собраны рисунки Николя Пино, громадное количество рисунков и гравюр европейских художников прикладного искусства, гравюры Николя Николини, Уго де Капри.

“... В первые годы существования училища для его библиотеки приобретались в основном учебные пособия — труды по истории, издания по искусству, архи-

текстуре и орнаменту”.¹ В основном это были дары частных лиц, представлявших собой тесный круг любителей прикладного искусства, сложившийся вокруг председателя Совета училища — Александра Александровича Половцева. Он был женат на Надежде Александровне, приемной дочери А. Л. Штиглица. Другом Половцева был и князь С. С. Гагарин, издатель альбома “Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры”, представляющего большую ценность для студентов художественных вузов и по сей день.

В 1880 г., через год после создания училища и библиотеки, князем Гагариным были пожертвованы книжные шкафы и специальные витрины для хранения уваржей. Библиотека располагалась в угловой части музея, примыкавшей к школе. Из музейного зала можно было попасть прямо в читальный. По фотографии, хранящейся в фотоархиве Государственного Эрмитажа, можно судить, как выглядела библиотека. Дубовая отделка, созданная архитектором и первым ректором Училища М. Е. Месмахером в 1883 г., сохранилась и по сей день. Основные стилистические особенности интерьера типичны для библиотек, создаваемых в эпоху историзма. Общее решение выдержано в “ренессансном” стиле: двухъярусный дубовый зал, встроенные книжные шкафы по периметру общего пространства библиотеки, изящная узкая лестница на антресоли, точеные балясины, волютообразные кронштейны, декорированные листом аканта. Эти черты можно найти во многих интерьерах библиотек этого времени.

Особенностью интерьера библиотеки Штиглица является ограждение по стенам

вдоль шкафов в виде рундука, т. к. в частных дворцах и особняках библиотека иногда выполняла также и функцию кабинета.

Сохранились воспоминания штигличан о библиотеке училища. Например, А. Рылов в своих мемуарах пишет: “Превосходна была библиотека: идеальная чистота и порядок, отделка шкафов, антресолей с балюстрадой и лестницы — из темного дуба. Я любил среди этой тишины просмагивать великолепные художественные издания”.²

Другой ученик школы Штиглица К. С. Петров-Водкин с большой любовью вспоминает библиотеку: “В угловой части музея, примыкавшей к школе, помещалась библиотека Штиглица. Этажи шкафов вмещали в себя мировые памятники прикладного искусства. Эта, единственная в России по богатству специального материала, библиотека охранялась ее цербером, профессором Галенбеком, страшным своей строгостью и романтичным георгиевским солдатским крестом за турецкую войну”.³

Ни одни воспоминания о библиотеке Штиглица не обходились без упоминания о ее “хозяине”, старшем библиотекаре Иване Андреевиче Гальнбеке. “Голова его многоволосая, курчавая, усы в стрелку, борода узкая, длинная с заостренным концом. Глазами сверкал. Стройная фигура выше среднего роста, с военной выправкой... В богатой училищной библиотеке, которой он заведовал, царил порядок и чистота. У себя на квартире Гальнбек устраивал для нас рисование с живой модели. В домашней обстановке он был добродушный, веселый, чудаковатый хозяин, подчеркивал гостеприимство и по-ребячески шутил”.⁴

¹ Ракова А. Л. Об истории коллекции орнаментальной гравюры. В сб.: Музей 8. М.: Советский художник, 1987. С. 222.

² Рылов А. Воспоминания. Л.: Художник РСФСР, 1977. С. 33.

³ Петров-Водкин К. С. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л.: Искусство, 1982 г., С. 330.

⁴ Бучкин П. Д. О том, что в памяти. Записки художника. Л.: Художник РСФСР, 1963 г. С. 27–28.

По окончании архитектурного класса Петербургской Академии Художеств он путешествовал по Европе, изучая архитектуру. Вернувшись в Санкт-Петербург, стал работать в Училище преподавателем рисунка, а в 1881 г. был назначен старшим библиотекарем.

По утвержденному Уставу и штатам 1877 г. в библиотеке должны были работать два человека: старший библиотекарь и его помощник. Для каждого отдела и мастерской Училища Совет разработал инструкции, определяющие права и обязанности каждого работника. Старший библиотекарь был обязан: "Вести надзор за точным соблюдением правил, установленных для пользования библиотекой, и сохранять в целостности все издания; составлять инвентарные алфавитные и систематические каталоги на книги-рисунки, коллекции гравюр и т. п.; заведовать изданием каталогов печатного вида по отдельным видам художественно-промышленных производств по фондам библиотеки; изучать содержание имеющихся в библиотеке изданий и коллекций и оказывать посетителям библиотеки, по возможности, содействие трудам их, указанием могущих быть полезным им источников, сведений, имеющихся в библиотеке; выставлять замечательные издания, гравюры, рисунки, фотографии".⁵

Что касается правил пользования библиотекой читателями, то в инструкции говорится: "Библиотекой пользуются преподаватели и учащиеся, а посторонние лица только по рекомендации одного из членов Совета Училища; издания из библиотеки на дом не выдаются; преподавателям разрешается получать под расписку, но не на дом, только на необходимый срок занятий в классах, и то за исключением особо ценных изданий, просмотр особо ценных гра-

вюр и увражей, помещенных на отдельных листах, допускается не иначе, как в присутствии библиотекаря или его помощника; калькирование рисунков с разрешения библиотекаря простым мягким карандашом, не с ценных изданий; соблюдать тишину и подчиняться библиотекарю, виновные немедленно удаляются из библиотеки властью библиотекаря; при библиотеке имеется ручной мыльник для омовения рук каждым посетителем предварительно для допущения его библиотекарем к занятиям в библиотеке".⁶

Гальнбек, строгий немец, со скрупулезной педантичностью выполнял эту инструкцию. В библиотеке часто слышалась команда Гальнбека: "Вычищайте ваши руки!" или "Не кашлять!". Бережное отношение к фондам библиотеки ее сотрудников обеспечило превосходное состояние их сохранности и по сей день.

Огромные средства отпускались на приобретение книг для библиотеки. Для Гальнбека "дорогих" в буквальном смысле слова изданий не существовало. Училище участвовало в качестве одного из крупнейших покупателей на международных книжных аукционах в Париже, Лондоне, Берлине, Вене и других европейских городах. И. А. Гальнбек и А. А. Половцев неоднократно ездили за границу с целью приобретения ценных изданий, для изучения постановки библиотечного дела в специальных художественно-промышленных библиотеках, в учебных заведениях, но, главным образом, при музеях. Они побывали, например, в Париже в Национальной библиотеке, в Лувре в библиотеке Школы декоративного искусства, в библиотеке Британского музея в Лондоне, в библиотеке Школы прикладного искусства в Берлине и др.

⁵ РГИА, ф. 790, оп. 1, д. 370, л. 159-160.

⁶ РГИА, ф. 790, оп. 1, д. 370, л. 160-161.

Библиотека ЦУТРа барона А. Л. Штиглица просуществовала сорок лет. За эти годы в ней были собраны и превосходно укомплектованы фонды по библиографии искусства, по истории искусства, архитектуре, скульптуре, живописи, многим видам декоративно-прикладного искусства, по истории орнамента.

В тесном сотрудничестве с музеем в библиотеке проводились выставки ценных изданий, рисунков, гравюр, увражей (например, "Выставка французских художников эпохи Людовика XIV и Регентства" (1912 г.), на которой были представлены 74 работы Н. Пино-отца). Издавались каталоги и сборники классных работ учеников школы.

После 1917 г., несмотря на изменившуюся ситуацию, библиотека продолжала развиваться. Увеличился штат сотрудников. Так, в 1918 г. в штате было всего четыре человека, а через год — уже десять. Работа по обслуживанию читателей велась в две полные смены.

1 июля 1924 г. вышло правительственное постановление о слиянии библиотеки Штиглица с библиотекой Государственного Эрмитажа.

И. А. Гальнбек был зачислен в штат библиотеки Эрмитажа. Осенью 1926 г. ценности библиотеки, часть ее имущества, предметы мебели были перевезены в ГЭ.

1 октября 1992 г. произошло слияние Училища с Академией художеств.



ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Л. М. Родионова — директор НТБ ПГУПС

В этом году исполняется 190 лет научно-технической библиотеке Петербургского государственного университета путей сообщения. Необходимость создания университета была продиктована самой жизнью. Россия с ее необъятными просторами нуждалась в разветвленной сети сухопутных и водных путей сообщения. 20 ноября (2 декабря по новому стилю) 1809 г. в соответствии с Высочайше утвержденным Императором Александром I Манифестом в России были учреждены Корпус инженеров путей сообщения и Институт корпуса инженеров путей сообщения. Основная цель создаваемого учебного заведения была четко сформулирована Августинном Бетанкуром — первым ректором института —

в записке к проекту института: "... снабдить Россию инженерами, которые по выходе из заведения могли бы быть назначены к производству всех работ в Империи".

В параграфах 111, 132 главы VIII Манифеста говорится о библиотеке, которая "должна заключать в себе превосходнейшие сочинения и журналы, до Инженерной науки относящиеся, равно как планы, карты и чертежи всех водяных и сухопутных сообщений".

Закупка книг для института была начата сразу в ноябре 1809 г. через посредство русского посла в Париже князя Александра Борисовича Куракина.

По счету от 10 июня 1810 г. в институт прибыли книги от Didot.

Кроме того, в институт поступили книги “до гидротехнических и гидравлических наук относящиеся” из бывшего департамента водяных коммуникаций.

Эти книги послужили основой для создания в будущем первоклассной научно-технической библиотеки.

Институт во все времена занимал высокое общественное положение благодаря преподавателям, работавшим в нем. Здесь преподавали Базен, Потье, Ламе, Клайперон, которые своими учеными трудами приобрели европейскую известность.

Некоторое время институт был единственным, готовившим инженеров-техников. Например, такой курс, как начертательная геометрия, не излагался в то время ни в одном из наших учебных заведений, а в институте он преподавался с большим успехом. Карл Иванович Потье был первым, кто составил учебник по начертательной геометрии, который так и назывался “Основы начертательной геометрии”. На русский язык этот учебник переведен бывшим воспитанником института Яковом Александровичем Севастьяновым. Учебник вышел в свет в издании Императорской академии наук в 1816 г., а в 1821 г. выходит оригинальный учебник Севастьянова “Основания начертательной геометрии”. Это был первый в нашей стране учебник по этой дисциплине, написанный российским автором на русском языке, что дает основание по праву считать Севастьянова основоположником отечественной начертательной геометрии.

Курсы, читавшиеся в институте, печатались и литографировались. Так как преподавание шло на французском языке, то многие курсы были подготовлены на французском языке. Все эти издания передавались в библиотеку.

Источниками комплектования библиотеки явилась передача книг из учреждений, подведомственных Главному управлению путей сообщения и публичных

зданий, из дворцовой библиотеки, получение дубликатов из Публичной библиотеки. В институте была учреждена традиция передачи в дар различных трудов. Позднее в фонд поступили личные библиотеки бывших питомцев института, или лиц, в той или иной мере причастных к ведомству путей сообщения.

С 1823 г. в библиотеку начали поступать труды Парижской школы мостов и шоссе. В 1826 г. появилось циркулярное оповещение главного управляющего путями сообщений о том, что с 1 июля 1826 г. будет выходить в свет ежемесячно “Журнал Путей Сообщения” — журнал отрасли. Первый том вышел на русском и французском языках и является уникальным изданием.

“По положению библиотека... должна быть составлена так, чтобы служить пособием не только профессорам и воспитанникам Института, но и вообще всем чинам ведомства путей сообщения”. Наряду с коллекциями по мостостроению, архитектуре и строительству начинает складываться богатейшая коллекция по железнодорожному делу.

Особая роль в истории библиотеки, в формировании ее фондов принадлежит Владимиру Петровичу Соболевскому, который с 1861 по 1882 год был директором Института. Он был большим знатком и любителем книг и постоянно пополнял фонды библиотеки.

В 1857 г. в отчете о заграничном путешествии В. П. Соболевский писал, что три лучшие технические библиотеки в Европе — это в Парижской школе мостов и дорог, в Берлинской строительной академии и в нашем Институте”.

В 1859 г. в отчете к 50-летию юбилею института с гордостью говорилось: “Библиотека, доступная для всех служащих по ведомству путей сообщения и, с особого разрешения, для лиц посторонних, заключает в себе до 11700 томов различных сочинений по пред-

метам, относящимся наиболее к специальности строителей; в этом числе заключается много изданий ценных и замечательных по своей библиографической редкости, а также и рукописей. Последние заключают ученые труды известнейших инженеров. Как собрание сочинений по инженерному искусству, архитектуре и механике, библиотека эта не имеет ни одной соперничающей с ней в России, и очень немного за границей”.

При В. П. Соболевском фонд библиотеки вырос в 7 раз, достигнув 35000 томов.

Он привез из-за границы массу книг, чертежей, дитографированных курсов, это он поручал делать и другим профессорам, кроме этого небывало расширились источники поступления документов в библиотеку. Был расширен круг книготорговцев в России и за границей, активнее привлекались к закупке материалов сотрудники посольств и консульств, кроме традиционного Парижа, сочинения стали покупать из Англии, Австрии, Германии, Голландии, Норвегии. Одновременно с пополнением фондов решались и вопросы их расстановки. В 1862 г. книги начали расставлять по форматам, шкафы обозначаются буквами алфавита, а нумерация книг производится на каждой полке отдельно.

В 1875 г. в институте возникает старейшее выборное учреждение — студенческая библиотека. Библиотека располагала довольно значительными в несколько тысяч рублей в год средствами, которые составляла плата, взимаемая с пользовавшихся библиотекою студентов, прибыль от издания и продажи лекций, от буфета. Литература в этой библиотеке была беллетристического и общеобразовательного содержания. Газеты, приходившие из всех концов России, предоставлялись в бесплатное пользование в буфете-читальне.

Печатные систематические каталоги библиотеки издавались с 1865 по 1927 г.

Преобладающая часть книг и рукописей, поступивших в библиотеку в первое столетие ее существования, представляет собой уникальные и чрезвычайно редкие издания. Это известные многим: План Парижа, Атлас “Описание р. Дона, Азовского моря и Понта Эвкийского с изображением прокопа, коим предполагалось соединить р. Дон с Волгою, составленный вице-адмиралом Крюйсом и поднесенный великому князю Алексею Петровичу”, топографическая карта Петербурга и его окрестностей, материалы, связанные с сооружением Исаакиевского собора, Александрийской колонны, коллекция проектов мостов и др.

В 1909 г. Советом Петербургского института путей сообщения на должность библиотекаря института был избран Борис Петрович Гущин, возглавлявший ее более четверти века. К этому моменту библиотека насчитывала 80000 томов хранения, но часть фонда (около 1/3 всего состава библиотеки) не была описана, печатный каталог не охватывал и половины имеющегося фонда, карточных каталогов не существовало. Менее чем за 10 лет Борису Петровичу удалось справиться с этими проблемами.

В 1920 г. Борису Петровичу удалось добиться объединения научной и учебной библиотек. В 1920–1923 г. Б. Г. Гущиным были заложены основы современной научно-технической библиотеки.

В 1932 г. Ленинградский институт путей сообщения (ЛИИПС) был разделен на два учебных комбината, Б. П. Гущину удалось доказать, что фонд библиотеки делить нецелесообразно, необходимо было сохранить единую библиотеку. Ликвидационная комиссия ЛИИПСа на заседании 31 марта 1932 г. принимает решение о том, что библиотека остается неразделенной.

Это время для библиотеки было очень тяжелым, так как отсутствовало финансирование.

В 1934 г. Борис Петрович снова обеспокоен положением Центральной транспортной библиотеке при ЛИИЖТе. В письме на имя члена Особой постоянной комиссии по транспорту при Академии наук СССР, председателя Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР Г. М. Кржижановского Гущин Б. П. пишет, что "... библиотека по количественному и качественному составу своих фондов, по размаху своего обслуживания переросла рамки вузовской, ее следует рассматривать как узловую для Ленинграда общетранспортную библиотеку, способную обслуживать научно-исследовательскую работу транспортных учреждений всех ведомств...".

Б. П. Гущин добился получения обязательного бесплатного экземпляра части выходящих в стране изданий. Эти издания поступали в библиотеку до Великой Отечественной Войны.

В 30-е гг. в Ленинграде возникает ряд технических высших учебных заведений.

Выделенные библиотекой ЛИИЖТа книги послужили основой для создания

фондов новых вузовских библиотек Ленинграда: Института инженеров водного транспорта, Института инженеров гражданской авиации, Кораблестроительного института. Но передача книг в другие библиотеки не повлияла на целостность фонда.

Во время войны наиболее ценные книги были эвакуированы в Новосибирск, остальные книги оставались в фонде. С 1 октября 1944 г. началась ежедневная работа библиотеки.

Институт продолжал развиваться, появлялись новые факультеты, на прежних — новые специальности. Менялась также и структура библиотеки, формы обслуживания читателей.

Увеличивался объем комплектования, расширялись его источники.

За годы существования университета из его стен вышли не только первоклассные специалисты, но и широкообразованные интеллигентные люди. Этому способствовала и библиотека, ее фонд, который является уникальным фондом отрасли.

Продолжая и поддерживая традиции в пополнении фондов библиотеки, мы надеемся, что и следующие поколения выпускников университета будут высокообразованными людьми.



«НА СТЕПЕНЬ ДОКТОРА»

(печатные диссертации российских врачей XVIII — нач. XX вв. в фонде библиотеки Военно-медицинской академии)

Г. М. Рослик — гл. библиотекарь библиотеки Военно-медицинской академии, канд. пед. наук.

В рамках программы по изучению истории ученых степеней (1) выходят сборники статей, монографии, публикуются библиографические указатели диссертаций, защищенных в университе-

тах и академиях Императорской России.

Исторически сложилось так, что библиотека Военно-медицинской (бывш. Медико-хирургическая) академии обладает

одной из наиболее полных – применительно к медицине — коллекций этих своеобразных малотиражных изданий. Нижняя хронологическая граница этого более чем трехтысячного собрания приходится на середину XVIII в. Именно в это время докторская степень перестала быть редкостью среди российских врачей, хотя еще полвека они писали и защищали свои диссертации почти исключительно в европейских университетах. Возвратившись на родину, молодые доктора медицины преподавали в госпитальных школах, занимали ответственные административные должности, а их диссертации оседали в первой публичной медицинской библиотеке нашей страны — библиотеке Медицинской канцелярии, фонд которой и положил впоследствии начало библиотеке Петербургской Медико-хирургической академии.

В 1801 г. сама академия получает право возводить в степень доктора медицины и, как свидетельствует статистика (2), быстро становится центром российского медицинского докторства. Среди соискателей ученых степеней, съезжавшихся в Петербург, были не только выпускники академии, но и питомцы российских университетов. Представляя в академию по 300–500 экземпляров своих диссертаций, они способствовали приращению коллекции, которая со временем стала гордостью академической библиотеки. По крайней мере, на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде (1896 г.) библиотека ВМА демонстрировала наряду со станком для карточного каталога и столиком для перевозки книг и образцы своих диссертаций (3).

К этому времени диссертации претерпели большие изменения как по содержанию, так и с точки зрения их внешнего оформления. Докторант XVIII в. писал именно “диссертацию”, т. е. “ученые рассуждения”, в которых подробно и обстоятельно рассматривал тезис, предложенный профессором. Апеллировал он

при этом не столько к практике, сколько к авторитетам, особенно античным. В гармонии с содержанием находилось и оформление работы: титульный лист украшали гравюры с изображением врачей древности, покровительницы науки Минервы, бога врачевания Асклепия, его животворящего жезла кадуция, обвитого аспидом; иногда в сюжете присутствовал и сам герой в лавровом венке со свитком докторского диплома в руках.



Кланке Ф. О назначении вен (Лейден, 1725 г.). Титульный лист одной из первых диссертаций, защищенных российским врачом.

XIX – нач. XX в. — другая эпоха, иная издательская культура. Недостаток материальных средств (докторанты печатали диссертации за свой счет) сделали российские диссертации скромнее, внешне приблизив их к знакомым нам авторефератам, кроме того степень доктора медицины в России стала не чисто ученой, а учено-практической, что требовало присутствия в диссертации серьезной клинической составляющей. Это, правда, не освобождало докторанта

от необходимости быть начитанным в своей области: «Исчерпывающее» знание литературы, полное изложение «истории вопроса» — обязательное требование от работ наших ученых, и за дефекты в этом отношении диспутантов жестоко терзают оппоненты на докторских диспутах», — вспоминал один из наших естественников (4). В конце 1850-х г. был отменен латинский язык, до того обязательный для написания и защиты медицинских диссертаций. Это вызвало облегчение и докторантов, и присутствовавшей на диспутах публики: «Нам случилось только менее слышать прерывающейся речи и видеть мысли, погибающей в обломках забытой и ненужной фразеологии», — записал на своеобразном языке того времени очевидец первой русскоязычной защиты на медицинском факультете Московского университета (5). В Петербургской медико-хирургической академии одним из первых (1859 г.) написал и защитил диссертацию на степень доктора медицины по-русски А. П. Бородин — будущий академический профессор химии и известный композитор. На рубеже XIX и XX вв. одним из главных объектов диссертационных исследований в академии стал Петербург: «Смертность населения Петербурга по возрастным группам в зависимости от рода занятий», «Алкоголизм и преступления в Петербурге», «К вопросу о петербургском квасе» — эти и другие диссертации были подготовлены на базе больниц и статистичес-

кого отдела городской Думы. Скрупулезно и профессионально грамотно выполненные, они могут быть востребованы в связи с приближающимся 300-летием Петербурга. В целом же дореволюционные диссертации — это большой, в достаточной мере еще не изученный пласт культурного наследия. Это уже история, но, как верно заметил один из историков медицины, «...неужели мы открываем эру, в которой нечему больше учиться у прошлого; в которой приносят в науку одно только настоящее?» (6).

Литература

1. Комплексная программа научных исследований «История ученых степеней в России: XVIII в. — 1918 г.» / Ставроп. гос. ун-т. — М., 1996. — 62 с.
2. Историко-статистические материалы по университетам России о количестве лиц, утвержденных в ученых степенях и учено-практических медицинских званиях (1794–1917) / Сост. Шаповалов В. А., Якушев А. Н. — СПб., 1995. — 235 с.
3. Больничная газета Боткина. — 1896. — Т.7, №9. — С. 638.
4. Кожевников Г. А. Американские воспоминания // Вопросы истории естествознания и техники. — 1995. — Б.т., №4. — С.116.
5. Московская медицинская газета. — 1859. — Б.т., №19. — С.156.
6. Модестов П. В. История медицины // Изв. Имп. ВМА. — 1912. — Т. 25. — С. 1015.



К. П. ЛАРИН — РЫЦАРЬ ТЕАТРА И КНИГИ

(по материалам Санкт-Петербургской
театральной библиотеки)

С. А. Ковалева — главный библиотекарь,

М. И. Цаповецкая — зав. отд. редкой книги, рукописей и архивной книги

В Санкт-Петербургской Театральной библиотеке хранится несколько книжных собраний. Каждому поступившему на работу с гордостью показывают книги М. Г. Савиной, собрание Н. Н. Ходотова, которое он лично подарил, и коллекцию К. П. Ларина. Последняя представляет собой драматургические произведения. На некоторых произведениях стоит штамп «Северная театральная библиотека К. П. Ларина». Так выяснилось имя владельца. Среди необработанных архивных материалов нашлась большая канторская книга в полукожанном переплете, куда была вложена записка: «Ларин Конст. Павл. Воспоминания.» Казалось бы, имея в руках 80 больших листов убористого текста с вклейками, можно узнать о человеке

все, но не тут-то было. Ларин удивительно мало оставил сведений о себе. Если бы не вложенная записочка, написанная другим почерком, было бы вообще непонятно, чьи это воспоминания. Позднее были найдены подтверждения, что автор этих воспоминаний действительно К. Ларин.

Ларин Константин Павлович родился в 1863 году в Харькове в дворянской семье. «Родился я, учился и начал свою сценическую карьеру в Харькове и горжусь этим.» (Воспоминания. Л.5. Далее при ссылке на «Воспоминания» будет указываться только номер листа).

Ларин рано увлекся театром. Отец заметил это увлечение сына и подарил ему игрушечный театр. Костюмы вскоре надоело играть один и тот же спектакль, и он стал сам мастерить кукольные театрики.

«... с 1873 года я начал вести записи спектаклей харьковских театров, как зимних, так и летних, начиная не только с этого года, но, найдя у отца связанные в пачках за целые годы старые газеты, я кое-что нашел интересное для меня, и потому мои записи начинаются с 1870 года». (Л. 7).

Фактически в 10 лет К. Ларин становится летописцем и историком харьковских театров. Он подробно описывает когда, в каком театре, кто и что ставил, кто был занят, как прошел спектакль, забавные и трагические случаи, бенефисы и гастроли, сбор и расход, мнение критики и публики, свои впечатления. Мы узнаем



о первых шагах Мамонта Дальского, когда он был еще студентом Нееловым, о “хвортелях” актеров и самодурстве антрепренера, который не хотел платить оркестрантам за паузы, о реформе К. Милославского в оплате актеров и смешных оговорках. Ларин подробно описывает харьковскую жизнь с 1870 г. по 1881 г. и 1884 г., а также провинциальные и петербургские театры, где ему впоследствии довелось работать. Это, безусловно, интереснейший материал для историков русского провинциального театра.

В 1875 г. Костя поступает в реальное училище, и в этом же году умирает мать. Отец был занят юридической практикой, и дети могли свободно распоряжаться своим временем. Уже в 1877 г. Ларин перестает заниматься кукольным театром. Во дворе жил ученик наборщика, который снабжал его театральными афишами. На двугривенный от завтрака Ларин стал так усердно посещать театры, что ему пришлось остаться в 4 классе на второй год. С шестнадцати лет Ларин начал устраивать спектакли дома и на даче, в училище и в столярной мастерской. Он выступал во всех качествах — организатора, режиссера, актера.

Однажды, по чьему-то доносу, в квартирах учеников училища был произведен обыск и у Ларина нашли запрещенную литературу. Так как его отец был очень известным человеком в городе, дело закрыли, но Ларину пришлось уйти из училища и заниматься дома, чтобы сдать экзамены экстерном. Он уже дебютировал на профессиональной сцене, и удачно. На афише не было указано его имя, но все равно он был безмерно счастлив. Когда пришла пора экзаменов, Ларин не сдал только один — по механике, но махнул на это рукой. Его уже пригласил в труппу крупнейший российский антрепренер П. М. Медведев. И закрутилась актерская жизнь: Симферополь, Ялта, Оренбург, Харьков. Играл он в год по сто и более

ролей, по несколько в одном спектакле. Однажды Ларину срочно пришлось заменить суфлера, и тоже удачно. Суфлер в те годы был фигурой значительной, так как спектакли готовились быстро. Если актерам платили 15–90 рублей, то за суфлерство Ларину предложили 60 рублей. С тех пор в течение многих лет он успешно совмещал две профессии, пока не перешел целиком на суфлерство. О своей актерской деятельности Ларин оставил очень мало сведений, но вот о работе суфлера он написал целую поэму.

«Суфлер — краеугольный камень, на котором зиждется великое здание драматического искусства. Публика этого не знает, и ей никто о том не скажет, кроме самого суфлера. <...> Отыди же аз многогрешный на лоно Авраамово, только и шуму будет, что стук от молотка, вколачивающего два гвоздя в тот ларчик, где ни стать, ни сесть, но в котором помещено тело, в течение полувека лишенное благотворных лучей солнца, которое две трети своей жизни погребено было в суфлерской будке, тело, в продолжение полувека угнетавшее душу, которая из самоотвержения в пользу искусства, одушевляла других, а сама должна была оставаться холодною. Никто не знал и не видал суфлера при жизни его, разве только иногда приходилось случайно услышать его голос, и никто по смерти суфлера не узнает, какую важную роль играл он в закулисном мире. <...> А чтобы получилось, если бы в минуту разгоряченной страсти, когда память не может поспеть за действием, из суфлерской будки не раздался бы глас спасения?..»

Права народная артистка В. А. Мичурина-Самойлова, говоря, что даже такие большие актеры, как Дузе, Режан, Сарра Бернар, всегда играли с суфлером, несмотря на то, что выступали сотни раз в одной и той же роли... К. С. Станиславский прямо говорил: “Уберут суфлера — уйду и я”.

<...> Суфлер должен быть на виду актера. Один вид суфлера с книгою совершенно иначе действует на психику актера. <...> Повторяю еще раз слово В. А. Мичуриной-Самойловой: "Что такое настоящий суфлер? Суфлер — это покой актера..."

<...> теперь <...> большинство актеров стараются лучше относиться к суфлеру. Этим мы обязаны совещанию суфлеров московских театров 1938 г., а в особенности блестящей речи народной артистки А. А. Яблочкиной: "Мы, старые мастера театра, считаем, что суфлер это наш ближайший друг и помощник в творческой работе <...> Суфлер — это безусловно художественно творческий работник <...> "Большое русское спасибо артистке! Низко до земли кланяюсь ей. Нашелся, наконец, среди актеров человек, который громко высказал свой взгляд на суфлера и оценил его труд. От слов А. А. Яблочкиной стало как-то легче работать, и кое-где зашевелились администрации театров, появились прибавки зарплаты, стали строиться суфлерские будки, устанавливаться норма спектаклей для суфлера» (Лл.1-4).

Мы позволили привести такую большую цитату, потому что вряд ли где еще мы прочтем об этой профессии столь проникновенные слова. У Ларина были все данные, чтобы сделать актерскую карьеру: рост, внешность, голос, талант, но он сознательно выбрал другую дорогу. Он дерепробует и небезуспешно многие театральные профессии, но верен останется суфлерству и книгам.

"Я начал с суфлера и, может быть, очень много сказал, но дальше буду говорить и о режиссерах, и о драматургах, и об актерах, и даже о маленьких (подчеркнуто К. Лариным) актерах. Может быть потому, что такой-то (имярек) был актером на вторые роли, о нем не стоит говорить? Но, во-первых, история нашего театра еще мало известна и при разработке ее кос-

нется, конечно, деятельности второстепенных актеров прошлых времен, а, во-вторых, значение актера или актрисы на вторые роли больше и важнее, чем многие думают. <...> В старину были люди особого склада, идей и рассуждений, горячо преданные театру и отнюдь не относившиеся к своему скромному положению на сцене, как к ремесленному занятию. <...> Наоборот, они считали себя не последней спицей в колеснице и делали это вполне резонно..." (Л.4).

В "Воспоминаниях" очень много таких верных, выстраданных собственной практикой замечаний.

В конце "Воспоминаний" есть несколько хронологических таблиц, содержащих графы: год, сезон, город, адрес [проживания], театр, событие, пьеса. В графу "Событие" К. Ларин заносит не только спектакли, в которых он играл, суфлировал или правил, но и другие значительные, и не только театральные, события.

1890 г. 18 февраля. Смерть Лидии (кто-то родной? жена? сестра? К.Ц.).

1895 г. 10 июля. Смерть отца.

1897 г. 15 августа. Побоище на Балт[ийском] вокзале.

1901 г. 1 мая бенефис суфлеров.

1904 г. Весна. Поездка с Савиной.

1909-1910 гг. За смертью пом. Полякова правил неск[олько] спектак[лей].

1911 г. 24 апреля. "Гамлет". Скандал.

За 22 сезона просуфл[ировал] 2000.

В последней графе "Пьеса" К. Ларин отмечал, когда шли его пьесы, переводы и переделки. Как драматург К. Ларин дебютировал в 1889 г. в Петербурге водевилем "Джек-половорез". Зная с детства немецкий и французский языки, он переводил много пьес. Всего им написано 120 оригинальных пьес, переделок и переводов. Многие из них с успехом шли на сцене: комедии и фарсы — "Бракоразводные процессы", "Муж охотится", "Пи-

кантный процесс”, “В любовном лабиринте”, “Жертвы Амура”; драмы — “Ненависть” В. Сарду, “Матери”, “Граф Монте-Кристо”, “Из-за короны”; водевили — “Я помню чудное мгновенье”, “Любви все возрасты покорны” и др. В Театральной библиотеке имеются отдельные издания пьес К. Ларина и собрание сочинений, которое необычно тем, что в 16 томов собраны и переплетены как изданные, так и рукописные пьесы.

По хронографу получается, что К. Ларин проработал в театрах 59 лет: режиссером в Павловске, антрепренером в Архангельске, Колпино, Териоках, суфлером в Кронштадте, Павловске, Киеве, несколько сезонов в театре А. Суворина, где он по совместительству был библиотечарем, и 25 лет в театре им. А.С. Пушкина (б. Александринском), где и закончил свою трудовую деятельность в 1940 г.

Кроме “Воспоминаний” К. Ларин оставил нам еще и “Пантеон” — краткие биографии покойных артистов, режиссеров, суфлеров, драматургов и прочих сценических деятелей с 1711 по 1941 г. Три папки сшитых школьных тетрадей. На 1052 страницах — 720 персоналий, затем на 38 страницах — оглавление, которое он успел сделать только на 18 человек. В обращении к читателям К. Ларин пишет: “Я брал биографию каждого лица из разных источников. <...> Я буду признателен читателям, которые укажут мне мои погрешности и заранее приноше им свою благодарность”. О многих людях, включенных в “Пантеон”, нет сведений ни в “Словаре сценических деятелей”, ни в Театральной энциклопедии именно потому, что Ларин считал все профессии и актеров всех рангов одинаково важными для истории театра. Интересно, что в число покойных, он включил и себя, оставив открытой дату смерти, которая до сих пор не установлена. Ве-

роятнее всего, это первая блокадная зима 1941–1942 г.

Как же попали к нам эти архивные материалы? В театре им. А.С. Пушкина очень недолго работала Т. К. Ларина. Скорее всего, это дочь К. Ларина, которая и передала в библиотеку эти материалы.

Много адресов сменил К. Ларин в Санкт-Петербурге. Летом 1912 г. появился адрес: Литейный проспект, 49 (позже — проспект Володарского), а 1 сентября состоялось открытие Театральной библиотеки. Идея создания библиотеки появилась у Ларина давно, но кочевая жизнь не давала воплотить ее. Суфлер обязан был иметь свою библиотечку. Наверняка Ларин собирал книги и перевозил их с квартиры на квартиру. В его коллекции были не только книги, но и программки, афиши, без которых невозможно было так подробно записать хронику театральной жизни. Ему хотелось свою коллекцию сделать доступной для работников всех театров. Были заказаны экслибрис и два разных штампа. Один повторял форму и текст экслибриса: “Северная Театральная библиотека К. П. Ларина, СПб., Литейный пр., 49, тел. 122–74”; другой — “Театральная библиотека К. П. Ларина”. Северной она была названа не случайно, ибо была и Южная библиотека в его родном Харькове.

Существует много вопросов и предположений по истории создания Театральной библиотеки и ее фонда. Мы считаем, что библиотека насчитывала 18020 тысяч томов, т.е. инвентарных номеров встречается почти до 16 тысяч. Кроме того, одна и та же пьеса, даже в разных изданиях, могла числиться под одним инвентарным номером, а книги с экслибрисом или штампом — без инвентарного номера.

В настоящее время нам известно, что книги этой библиотеки находятся как минимум в четырех местах: 1196 книг —

в РНБ, часть книг в библиотеке РНИИ и в театре им. А. Пушкина. Основная часть — в Санкт-Петербургской Театральной библиотеке. Как нам любезно сообщили в РНБ, книги в отдел рукописей поступили в 1943 г., но уже из книгохранилища. Года два-три тому назад женщина, выезжающая из квартиры, где жил когда-то К. Ларин, принесла около 40 книг со штампами Северной Театральной библиотеки в театр им. А. Пушкина. К сожалению, никто не поинтересовался, кто она.

Мы же библиотеку приобрели в 1935 г. в количестве 15 384 ед. у самого К. П. Ларина (ЦГАЛИ СПб., ф.28, оп.1. д.3, д.3).

Что вынудило К. Ларина продать свою библиотеку — преклонный возраст, материальные затруднения, национализация частных библиотек или наступление времен, когда книга стала уликой, — мы можем только предполагать.

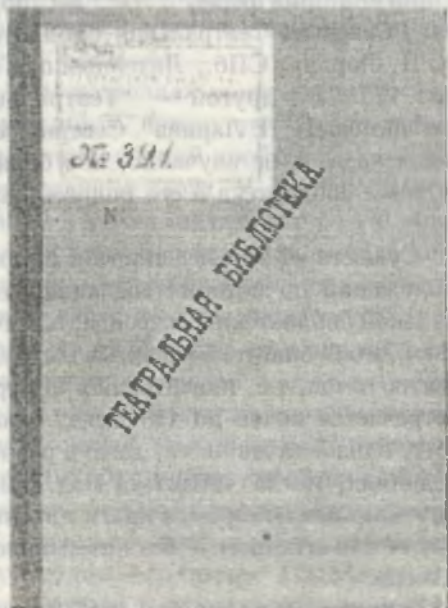
С 1929 г. заметно сокращаются новые поступления и количество рабочих материалов. Встречаются издания и бо-

лее позднего времени, вплоть до 1931 г. Есть устные свидетельства, что К. Ларин до конца жизни выискивал и покупал книги для библиотеки в букинистических магазинах.

В Санкт-Петербургской Театральной библиотеке книги и собрания К. П. Ларина выявлены в фонде читального зала и абонементов в количестве 1395 книг и на них составлена картотека. Это в основном книги, изданные в советское время в самых отдаленных и маленьких городках России.

В дальнейшем предполагается присоединить их к ларинской библиотеке. В отделе рукописей и редких книг на основе библиотеки К. Ларина создано собрание рукописных, машинописных, стеклографических, литографированных и печатных пьес XIX — нач. XX в., а цензурные экземпляры включены в цензурный фонд.

Чаще всего это отдельные издания русской и зарубежной драматургии. В этой коллекции представлены пьесы А. Аверченко, Л. Андреева, Г. Д'Аннунцио, Р. Бракко, Ф. Ведекинда, Г. Гауптмана, Н. Евреинова, Г. Зудермана, В. Сарду, Ф. Сологуба, А. Стриндберга, Л. Толстого, Н. Тэффи, В. Шекспира, А. Шницлера, многочисленные издания водевилей П. Каратыгина, Ф. Кони, Д. Ленского, множество произведений когда-то репертуарных, а сегодня малоизвестных авторов. В собрании хранятся также переделки для сцены произведений русских и зарубежных авторов — И. Гончарова, Ф. Достоевского, Н. Лескова, А. Пушкина, В. Гюго, А. Дюма, М. Твена и др. Библиотекой пользовались актеры, режиссеры и другие работники театров, поэтому на многих экземплярах имеются фамилии исполнителей, режиссерские и суфлерские пометки, иногда зарисовки, много автографов. Так как библиотека была частная, то это могли быть рабочие экземпляры раз-



Обложка книги с эксцифрисом из собрания К. П. Ларина.

личных театров. Именно поэтому эта коллекция ценна для людей, изучающих историю театра. Встречаются в собраниях и книги со штампами других частных театральных и личных библиотек. Скорее всего, эти книги были куплены у их владельцев или в букинистических магазинах. Коллекция так тщательно подобрана, что с ее приходом в библиотеку стал более полно представлен драматургический репертуар 2-й пол. XIX и первой трети XX в.

Одновременно с открытием библиотеки К. Ларин начал издавать пьесы и распечатки ролей, например С. Рассохина и С. Напойкина. Это была обычная практика театральных библиотек. С 1912 по 1918 г. К. Ларин издал почти 400 пьес и сборников. Перепечатка и переплет,

а также рассылка пьес делались либо самим К. Лариным, либо его домашними.

Примечательно то, что не все изданные К. Лариным пьесы есть в его библиотеке, да и своих пьес Ларин издал очень мало.

Мы узнали К. П. Ларина как удивительную и целеустремленную личность. Ни одного дела, начиная с детских лет, он не бросил на полдороге. Сам о себе К. Ларин пишет, что он “человек маленький, незаметный, по крайней мере, в глазах большой публики” (Л.1), но со страниц книги его жизни перед нами предстает самоотверженный подвижник театра и книги, скромный человек. И мы делаем все, чтобы сохранить имя Константина Павловича Ларина и его уникальную коллекцию.

БИБЛИОТЕКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

(страницы истории)

Л.Н. Подольская — зав. СБО СПбГАУ

В 1999 г. мы отметили 95-летие библиотеки СПбГАУ — одной из старейших сельскохозяйственных вузовских библиотек России, история которой повторяет сложный путь, пройденный Санкт-Петербургским аграрным университетом.

8 сентября 1904 г. торжественно открыты Высшие женские сельскохозяйственные курсы, основателем которых явился видный ученый-агроном Иван Александрович Стебут, по имени которого они и вошли в историю как Стебутовские.

В 1906 г. созданы Петербургские (Камменноостровские) высшие сельскохозяйственные курсы и, наконец, в 1908 г. — Вечерние агрономические курсы Общества народных университетов.

При всех этих курсах существовали свои библиотеки. Загруднительное материальное положение курсов не позволяло

тратить средства на покупку книг. Лишь малая их часть была приобретена за счет курсов, остальные же книги были пожертвованы Департаментом земледелия Главного управления землеустройства и земледелия, Императорским Вольным экономическим обществом, Академией наук, многими губерскими и земскими управами, сельскохозяйственными обществами, а также частными лицами: гр. С. В. Паниным, гр. М. П. Шуваловым, П. Ю. Шмидтом, И. И. Мещерским, преподавателями и слушателями курсов.

Таким образом в фонды библиотеки попала книга из частного собрания Д. М. Цвета, которая является самым “древним” изданием в библиотеке СПбГАУ, — прижизненное издание “Систематики растений” К. Линнея, выпущенное в Париже в 1760 г.

Самая старая сельскохозяйственная книга из фондов нашей библиотеки датируется 1829 г.: это изданная Вольным экономическим обществом книга "О пользе и необходимости водворения в России плодопеременного сельского хозяйства" (СПб: ВЭО, 1829).

Неизвестными путями попали к нам книги из царского дворца (А. Берклей "Жизнь и ее дети: Очерки животной жизни от амебы до насекомых". М., 1901).

Как правило, заведовать библиотеками на всех курсах назначались видные преподаватели этих же курсов, а библиотекарями являлись их слушатели. Так, на Стебутовских курсах библиотекой заведовал проф. Борис Лаврентьевич Исаченко, крупный микробиолог, в дальнейшем академик АН СССР. Его помощницей, библиотекарем курсов, была слушательница курсов М. Ф. Фофанова (позднее, став членом Петроградского Совета, она сблизилась с Н. К. Крупской, и ее квартира на Сердобольской ул. стала последним подпольем В. И. Ленина).

Библиотекой Петербургских сельскохозяйственных курсов с момента их открытия заведовал Константин Николаевич Кржишковский (доктор медицины, преподаватель анатомии и физиологии животных, ученик И. Павлова), затем — Иван Вениаминович Сладковский, ученый-агроном, который читал курс организации сельского хозяйства. С именем И. В. Сладковского связан выпуск самого значительного сельскохозяйственного издания дореволюционной России — "Полной энциклопедии русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук" в 13-ти томах, выпущенной знаменитым издательством А. Ф. Девриена в Санкт-Петербурге. И. В. Сладковский являлся редактором последних томов этого издания.

К сожалению, в списке преподавателей Петроградского агрономического института (бывших Вечерних агрономических курсов) не отмечено, кто из них

осуществлял заведование библиотекой.

Следует отметить, что эти преподаватели часто не только не получали плату за работу в библиотеке, но и расходовали свои средства на приобретение книг.

Характерной особенностью развития всех курсов являлось то, что при них по инициативе слушателей и преподавателей организовывалось очень много различных кружков, каждый из которых стремился иметь свою библиотеку. Особенно была развита система работы подобных библиотек на Стебутовских курсах.

В Кружке общественной агрономии под председательством М. В. Фофановой было решено заняться изучением популярной сельскохозяйственной литературы в интересах будущей агрономической деятельности. Для этого решено было устроить витрину-библиотеку, где всегда имелись брошюры по актуальным темам. Средства в размере 50 рублей для осуществления этой работы выделил Попечительский совет курсов.

Библиотеке Кружка систематики растений основную часть книг подарил академик Иван Порфирьевич Бородин, брат известного композитора.

В Ботаническом кружке незначительные его средства, состоящие из небольших членских взносов (50 коп. в год), не позволяли покупать книги, и ядро библиотеки также составили книги, пожертвованные разными лицами и учреждениями. На заседаниях этого кружка систематически проводились обзоры литературы: "О текущей ботанической литературе" (рук. кружка Н. А. Буш), "О новых ботанических книгах" (преп. В. Н. Сукачев).

В 1922 г. после слияния трех вузов была образована большая фундаментальная библиотека.

Управляла библиотекой комиссия и состояла она из проректора по учебной части, трех профессоров — преподавателей факультетов, зав. библиотекой (ею

была в то время С. Рагозина) и представителей студенческой организации.

Показателем высокой научной ценности книжного фонда того времени является то обстоятельство, что в состав его вошли книги из личных библиотек видных ученых института. Так, из библиотеки Н. К. Гедройца к нам попали прижизненные издания основателя нашего вуза И. А. Стебута ("Гидсование почв". СПб., 1868). Многие из этих книг имеют автографы таких известных авторов, как К. А. Тимирязев и др.

Выдача книг была организована в двух пунктах: в помещении Центральной библиотеки (Сергиевская ул., 7) и в помещении института на Каменном острове.

Мы имеем бесценные свидетельства тех лет, связанные с библиотекой на Сергиевской. Именно в библиотеке Агрономического института на ул. Сергиевской работала и там же жила со своим сыном великая русская поэтесса Анна Андреевна Ахматова. Сегодня мы с гордостью говорим: Ахматова работала в нашей библиотеке!

Несмотря на то, что была создана большая фундаментальная библиотека, ощущалась необходимость в специализированных фондах по сельскохозяйственной экономике, о чем и заявили студенты, принимавшие в то время активнейшее участие в работе библиотеки. И из состава основной библиотеки института в 1923 г. была выделена экономическая библиотека, насчитывающая свыше 23 тыс. томов. Она служила источником учебной и научно-исследовательской работы студентов и преподавателей не только экономического, но и остальных факультетов.

Литература, перешедшая в состав фонда нашей библиотеки из этой экономической библиотеки, представляет большой интерес и с научной и с исторической точки зрения. Так, в наших фондах есть несколько работ профессора нашего ин-

ститута Б. Д. Бруцкуса, ныне признанного одним из крупнейших экономистов XX в. ("Аграрный вопрос и аграрная политика". СПб., 1922 и "Экономия сельского хозяйства". Пг., 1924). Ученому не простили публичной правды об истинном экономическом положении Советской России: 17 августа 1922 г. он был арестован, а затем вместе с семьей выслан из страны. Более, чем на 50 лет Б. Бруцкус был предан молчанию. Интересно, что еще несколько лет назад зарубежные ученые, заинтересовавшись идеями Б. Бруцкуса, пытались разыскать его работы в крупнейших библиотеках мира (библиотеки Британского музея, Сорбонны, Конгресса США и т. п.) и не смогли отыскать их. Тем ценнее для нас издания, находящиеся в нашем фонде.

В 1997 г. в журнале "Отечественная история" был напечатан дневник жены Бруцкуса Эмилии Осиповны, который назывался "Дневник матери и хозяйки в годы революции в России в 1917–1921 гг.". Он может служить источником сведений по истории нашего института того периода. В нем, в частности, рассказывается о том, как профессор Петроградского сельскохозяйственного института Б. Д. Бруцкус читал красноармейцам популярные лекции, ночевал в казармах, висел на подножках товарных поездов, разгружал тяжелые бревна, размышляя при 3–4 градусах тепла в шубе и перчатках над фундаментальными проблемами русского социализма.

Еще одним интересным изданием, представляющим историю нашего вуза в 20–30-е гг., является книга "Против кажановщины" (М.; Л., 1931). Она посвящена анализу работ тогдашнего декана экономического факультета нашего университета Н. Н. Кажанова. Назвав Н. Кажанова "певцом отсталости сельского хозяйства", с неподражаемой страстностью авторы сборника клеймили позором экономические воззрения ученого, указывая

на необходимость беспощадной борьбы "с кажановщиной". К чести Н. Кажанова его сравнивают с А. Чайновым: "Чайнов по своим взглядам на развитие сельского хозяйства по существу ничем не отличается от Кажанова или вернее Кажанов ничем не отличается от него". Эта книга является бесценным свидетельством трагических страниц истории нашего вуза.

Сохранилась в нашем фонде работа Н. И. Вавилова "Центры происхождения культурных растений" (Л., 1928) с автографом автора, а также книги со штампом "Библиотека академика Н. И. Вавилова" (Вавилов Н. И. Иммуитет растений к инфекционным заболеваниям. М., 1918).

Разделение института в 1930 г. на ряд отраслевых вузов привело к дроблению библиотечного фонда. При каждом из институтов была создана своя библиотека. Мы обладаем крайне скудными сведениями о работе библиотек того времени, вероятно, в силу того, что основное их время уходило на организационную работу.

Знаменательным фактом биографии нашей библиотеки является то, что библиотекой одного из отраслевых институтов (Ленинградского плодоовощного) заведовал Георгий Гаврилович Фирсов, впоследствии один из выдающихся советских библиотечников, широко известный не только в нашей стране, но и за рубежом. После увольнения из армии в запас в 1932 г. в течение четырех лет он возглавлял библиотеку и одновременно учился на Высших курсах библиотечковедения при Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. В течение трех десятилетий он преподавал в Государственном институте культуры им. Крупской. К сожалению, большинство фамилий тех десятков людей, которые работали во всех этих библиотеках, нам ни о чем не говорят, об их судьбах

можно только догадываться. Так, мы можем себе только представить, какими жизненными путями попала на работу в нашу библиотеку Елизавета Матвеевна Дерибас, писавшая в графе "социальное происхождение": из дворян г. Одессы.

Уже через несколько лет начался обратный процесс слияния вузов и библиотек. Нам этот процесс оставил в наследство 11 параллельных рядов инвентарных книг!

Колоссальный урон был нанесен библиотечному фонду в период Великой Отечественной войны. Из всех институтов больше всех пострадал фонд Пушкинского института, который находился на линии фронта. Здание библиотеки, как и почти все помещения института, было превращено в руины.

Немногим лучше было положение библиотеки Ленинградского сельскохозяйственного института. В первые дни войны она в спешном порядке была переведена в другое здание. В период блокады фонд в неразобранном виде находился на территории воинской части и сохранился не полностью.

Все оборудование, оставшееся в здании, которое библиотека ранее занимала, тоже не вернулось к ней после войны.

Медленно, по крупицам, воссоздавался фонд библиотеки. Книги собирали по подвалам разрушенных корпусов, ходили по ленинградским квартирам и выпрашивали, у кого что есть. В 1945 г. библиотеке предложили передать книги из Сельскохозяйственного музея на Фонтанке, но пригодных книг оказалось немного, т. к. в помещении музея при бомбардировках города два раза попадали бомбы. Осенью 1945 г. около 70 тыс. книг было перевезено в помещение, не приспособленное под библиотеку.

С объединением Ленинградского и Пушкинского сельскохозяйственных институтов произошло также объединение

библиотек, окончательно завершившееся лишь к концу 1951 г.

С 1953 г. библиотекой стал заведовать видный ленинградский библиотековед Элья Эфраимович Рабин. Под его руководством в библиотеке заново создается каталог, впервые организуется картотека журнальных статей (от нуля до 220 ящиков), налаживается информационная работа, вводятся занятия по осно-

вам библиографии со студентами и аспирантами.

Осенью 1996 г. в музее истории Царского Села состоялось заседание, посвященное 90-летию юбилею этого замечательного человека.

С 1971 г. библиотека размещается в новом корпусе института. Это означает начало качественно нового этапа деятельности библиотеки.





“ЗОЛОТОЙ ВЕК” ФИНСКИХ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК: ИСТОРИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ, ОРГАНИЗАЦИИ И ИДЕОЛОГИИ ПОСЛЕ 1960-х гг.

Илкка Мякинен

Тот, кто бывал в Финляндии, знает, что в центре любого крупного города обязательно находится огромное по площади и современное по дизайну здание городской библиотеки. Но при этом ни одна из библиотек не похожа на другую, ибо каждая из них построена по индивидуальному проекту. Финская публичная библиотека поражает своими просторами и масштабами. Сюда может прийти каждый желающий. Здесь на открытом доступе представлен огромный выбор книг и других документов — видеозаписи, компакт-дисков и т. д. Финская публичная библиотека гостеприимна. Она предоставляет множество самых разнообразных услуг.

Публичные библиотеки Финляндии выгодно отличаются от аналогичных библиотек других стран Европы, особенно от стран южной Европы. В области же архитектуры публичных библиотек она стала общепризнанным европейским лидером.

Но стали они столь привлекательны не случайно и не за короткое время. Это результат изменения общественного сознания по отношению к ним. Статья финского коллеги Илкки Мякинена (в сокращенном варианте) дает ответ на вопросы, как, почему именно в этой стране стали возможными столь ощутимые перемены.

В 1950-х г. Финляндия намного отставала от наиболее передовых стран Севера — Дании и Швеции, а также от Великобритании. (McColvin 1956, с. 104). Однако К. Ч. Гаррисон в своем подробном обзоре скандинавских публичных библиотек середины 1960-х гг. уже находит множество положительных признаков в развитии финских библиотек, хотя при этом еще оставалась низкая статистика выдачи изданий (4,63 на человека в Финляндии при 9 в Британии) (Harrison 1969, с. 247). Развитие финских публичных библиотек после 1960-х гг. превосходит все ожидания, и важнейшим фактором успеха явился Библиотечный закон 1961 г. Необходимо подробнее остановиться на истории его принятия и непосредственных результатах применения.

Таким образом, я попытаюсь найти возможные объяснения как для конкретных изменений в библиотечном мире, его институтах, идеологии и профессии, так

и для широких общественных изменений, например формирование социального государства. На протяжении этих четырех десятилетий многое изменилось в стране. Она стала страной с европейской и мировой рыночной экономикой, членом ЕС, современным постиндустриальным информационным обществом с высокой плотностью пользователей Интернет и мобильных телефонов и т. д.; аналогичный путь развития прошли многие западно-европейские и особенно скандинавские страны. Но даже в этих условиях ничто не предвещало такого развития финских библиотек и их использования.

Многие серьезные изменения в финских публичных библиотеках являются непосредственными результатами Закона 1961 г., но все же остается вопрос: почему он был принят? Ответ на него частично раскрывает общий исторический фон библиотечного развития до наступления эры социального государства.

Новые законы нередко представляют собой реакцию на старые. Так случилось и здесь. Был первый финский библиотечный закон 1928 г. В нем публичные библиотеки еще именуются “массовыми”, или “народными библиотеками”, – термин, который все еще используется в скандинавских странах, а в Финляндии заменен на “публичные библиотеки”. Закон 1928 г. был хорош для своего времени. Он обеспечил распространение библиотек по всей стране за счет предоставления муниципальным библиотекам субсидий на покрытие до 50% , а в ряде случаев и 90% расходов, а также сыграл большую роль в распространении библиотечного обслуживания во всех уголках страны и обеспечении его минимального уровня, но его слабым местом было абсолютное ограничение верхнего предела государственных субсидий. В результате многолетней инфляции максимальная государственная субсидия была утрачена. Закон изжил себя.

После десятилетнего периода бесплодных ожиданий в 1961 г. был принят новый закон. Он наилучшим образом понимается в контексте финского социального государства. Сама его предыстория тесно связана с первыми планами создания социальной системы в Финляндии. Попытки создания институтов социальной защиты предпринимались до второй мировой войны (например, была создана система пенсионного обеспечения по старости), но практически создание социального государства произошло после войны. Отмечаются две фазы формирования финского социального общества. Первая относится к периоду непосредственно после войны, когда предстояло решить огромные социальные проблемы, как например, переселение 400000 карельских беженцев с территории, переданной Советскому Союзу, обеспечить работу и проживание для тех, кто вернулся с фронта, и позаботиться об инвалидах, вдовах и сиротах. Для ре-

шения этих и других проблем были созданы важные институты и системы. Кроме того, война проявила новое чувство солидарности в обществе, в котором прежде существовала иерархия и определенное недоверие между классами, вероятно, как наследие гражданской войны 1918 г. Годы непосредственно после войны называют “финским Новым курсом”, но фактически главным источником идей была не Америка, а Великобритания с ее планом Бевериджа и другими инициативами в направлении создания социального государства, и публичные библиотеки стали частью подобного плана.

Принятие нового библиотечного закона 1961 г. можно рассматривать как предвидение расцвета общественных преобразований, вступивших в новую фазу построения финского социального государства по Северной модели. Закон касался денежных средств и контроля за их использованием. Снимался верхний предел государственного субсидирования, но использование денежных средств строго контролировалось руководящими библиотечными органами. Финансирование библиотек повышалось до уровня начальных школ. Особое внимание уделялось сельским муниципалитетам – они получали две трети “утвержденных расходов” в виде государственных субсидий, а большие и малые города – всего одну треть. Некоторые специализированные системы, например больничные библиотеки, получали еще более щедрое субсидирование – 90%. В Закон были включены и передвижные библиотеки. Впоследствии они революционизировали библиотечную сеть. Закон также предусматривал специальные средства на строительство и ремонт библиотечных зданий. Также утверждалась долгожданная сеть региональных центральных библиотек. По новому Закону центральное управление библиотеками по-прежнему испытывало нехватку кадров, как и сегодня в Финляндии. В Бюро библиотек, административно размещавшемся в Совете школ,

были только директор и 2–3 сотрудника. В критические периоды увеличение персонала планирования и управления по библиотечным вопросам способствовало дальнейшему развитию публичных библиотек — например, когда решался, но так и не решился положительно вопрос о единой автоматизированной системе для финских публичных библиотек. Закон должен был обеспечить привлекательность для муниципалитетов, которые не слишком охотно вкладывали даже свою долю — треть расходов. Финансирование библиотек в то время было минимальным, как и прочей части производства услуг в муниципалитетах. Никто не мог предвидеть огромный рост муниципальных служб социального обеспечения в последующие десять — двадцать лет. Без роста муниципального хозяйства и общего желания вкладывать больше денег в производство услуг в обществе в 1960-х г. и далее не было бы и такого роста числа публичных библиотек.

Успех библиотек можно рассматривать как более или менее побочный фактор строительства социального государства. Можно предположить, что если бы закон был принят еще в 1950-х гг., развитие библиотек не имело бы такого непосредственного успеха в 1960-х и тем более в 1970-х гг., когда уже ощущались многие факторы создания социального государства, например общеобразовательная школа, подъем высшего образования, плюс общая либерализация культурного климата в стране.

Что же произошло в публичных библиотеках Финляндии за последние 40 лет?

Новый закон открыл кошелек государства, но средства должны были контролироваться, однако административная способность муниципалитетов была низка, и библиотекари в сельской местности в большинстве случаев работали на временной основе. Инспекторы су-

ществовали еще при старом законе, и фактически те же люди продолжали сохранять свои должности, но теперь их полномочия и объем работы расширились. Они уже знали, как использовать свои обязанности и авторитет для развития библиотек согласно господствующей в то время идеологии, которая представляла собой смесь американских идеалов публичной библиотеки и остатков старого моралистического финского национализма и эстетического консерватизма. Инспекторы также получили право широкого применения санкций в обеспечении выполнения указаний. Если муниципалитеты не желали выполнять их рекомендации, они могли уведомить региональные власти, Министерство образования или Совет школ. Крайней санкцией было снятие государственного субсидирования. Она использовалась в основном как угроза, но иногда и применялась. Библиотеки с временными штатами — огромное большинство в сельских местностях — строго контролировались. Директора крупных городских библиотек зачастую тяготились инспекторами и всей системой и сетовали на то, что городские библиотеки получают меньше поддержки, чем сельские, особенно в отношении библиотечного строительства.

“Золотой век” финских публичных библиотек начался, когда господствующая библиотечная идеология все еще включала задачи нравственного воспитания и просвещения и лишь затем, наряду с профессионализацией, двинулась в направлении либерализма. Библиотека рассматривалась как нейтральный коридор, где людям позволено брать книги по собственному выбору. Даже радикальный период 1970–1980-х гг. не поколебал эту идеологию. Людям дали возможность выбирать, что читать, как использовать свой досуг, какие вещи покупать и пр. Это произошло не толь-

ко в библиотеках, но и в других сферах общественной жизни. Изменение профессиональных позиций можно видеть на примере эволюции музыкальных библиотек — новой и перспективной области, где библиотекари особенно преданы своему делу. Недавно Санна Талья в своей докторской диссертации исследовала влияние музыкального мира на работников и посетителей музыкальных библиотек. Короткая история музыкальных библиотек (в их современном понимании) в Финляндии подразделяется на три периода. В период конца 1950-х–1960-х г. основное влияние на них оказывали представители небиблиотечных профессий, например композитор Сеппо Нурми, взгляды которого получили признание, когда в библиотеках были созданы новые отделы музыки. Для него настоящей музыкой была исключительно западная классическая музыка. По его рекомендации 90% фондов звукозаписей должна составлять западная классическая музыка, а остальное — джаз и народная музыка. Эти идеи подвергали сомнению социологи музыки в 1970-х г., которые считали, что музыкальная библиотека должна уделять внимание и альтернативным музыкальным стилям в противовес как классической музыке, так и коммерческой музыкальной индустрии. Многие библиотекари достаточно охотно приняли эту новую позицию, потому что первоначальный эксклюзивный стиль комплектования фондов не привлекал население. После 1980-х г. была принята единая ориентация на пользователя, но не на комплектование только по спросу. По данным исследования Санны Тальи, отмечалось удивительное единство взглядов библиотекарей и посетителей. И те и другие пришли к выводу — важен не только спрос. И самые горячие поклонники отдельного музыкального стиля не требуют комплектования толь-

ко “своего” вида музыки, даже если это означает, что их собственные желания удовлетворяются не всегда (Talja 1998). Возможно, общее согласие определялось стремлением к легитимности библиотек.

С оживлением деятельности библиотек возросли задачи инспекторов. Им предстояло сделать многое — и большое, и малое: обеспечивать укомплектование штатов компетентными сотрудниками, контролировать книжный отбор, даже проверять получение книг, читать годовые отчеты библиотек, инспектировать помещения, лично консультировать директоров библиотек, пытаться заставить руководителей муниципальных администраций выделять библиотекам больше средств и т. д. (Jdrvelin 1992, с. 264). Кроме того, они вели курсы для желающих работать в библиотеках на временной основе. Инспекторы играли важную роль в сельских местностях в первое десятилетие после принятия нового закона и сохраняли ее, пока в сельских населенных пунктах не сформировались компетентные библиотечные штаты на постоянной основе. Библиотечные инспекторы проводили регулярные совещания по согласованию норм и программ, которые менялись ежегодно. Так, например, в 1968–1969 г. основной темой была рационализация. Муниципалитетам было предложено внимательно изучить эффективность своей библиотечной сети, и, в частности, оценить возможность замены небольших филиалов или их частей на передвижные библиотеки. Масштабное наступление передвижных библиотек в 1960–1970-х г. революционизировало муниципальные библиотечные сети и значительно увеличило показатели выдачи.

Передвижные библиотеки революционизируют местные библиотечные сети.

К середине 1960-х г. число библиотек сети составляло более 4000, но к кон-

цу века оно значительно сократилось. Их стало:

1960	4007
1970	3015
1980	1608
1990	1151

(Источник: Статистический ежегодник Финляндии, 1998 и Kitjastot-Bibliotekken-Libraries, 1998).

Потери компенсировались за счет обслуживания передвижными библиотеками, число которых за 12 лет выросло почти в четыре раза (1969–5400; 1981–20000). Передвижные библиотеки не только совершили настоящий переворот в сельских местностях, но и сыграли важную роль в стремительно растущих городских пригородах. Передвижные библиотеки заменили сотни мелких библиотечных филиалов с неквалифицированными временными сотрудниками. В 1963 г. в стране было всего две передвижные библиотеки, а к концу десятилетия около 90.

Число передвижных библиотек:

1960	—
1970	89
1980	221
1990	232

(Источник: Статистический ежегодник Финляндии, 1998 и Kitjastot-Bibliotekken-Libraries, 1998).

В национальном масштабе библиотечную сеть реорганизовали региональные центральные библиотеки. Первой региональной центральной библиотекой стала в 1962 г. городская библиотека Йенсуу, но до учреждения второй прошло четыре года. Формирование сети региональных центральных библиотек началось с восточных и северных районов страны. Сегодня имеется 18 региональных центральных библиотек. Кроме того, с 1981 г. городская библиотека Хельсинки выполняет функции национальной центральной библиотеки среди публичных библиотек. В каждой региональной центральной биб-

лиотеке определенный сотрудник отвечает за работу региональной библиотечной сети. Он обязан поддерживать сотрудников местных библиотек путем организации обучения, встреч и бесед, а также формирования регионального межбиблиотечного абонемента. До автоматизации система МБА функционировала по иерархической методике: местные библиотеки посылали запросы в региональную центральную библиотеку, где имелись сводные каталоги и прочие пособия. Региональная центральная библиотека направляла запросы в соответствующие библиотеки, как публичные так и академические. Теперь иерархическая методика МБА уже не применяется, поскольку сводные каталоги имеются в WWW и библиотеки могут направлять свои запросы непосредственно в нужную библиотеку. Ввиду двойной функции, которую выполняют финские региональные центральные библиотеки (как городская библиотека и как региональная центральная библиотека), эффект системы не отражается непосредственно в статистике абонемента. Тем не менее они получили всеобщее признание, ибо обеспечивают укрепление единства библиотечной профессии, формирование новаторских направлений.

Одним из важнейших результатов Закона 1961 г. стало то, что к началу 1980-х гг. стерлось различие между городскими и сельскими местностями в отношении показателей выдачи. Предложения и использования библиотечного обслуживания в сельских местностях возросли до уровня городских муниципалитетов, несмотря на одновременный стремительный рост их в городских библиотеках. В 1970-х гг. показатели выдачи в сельских местностях выросли втрое, а в городах вдвое (New 1984, с. 69, 41).

В статистическом анализе (1984 г.) библиотечного развития за 1969–1981 гг. Ирмели Хови с полным основанием утверждала, что “в начале 1980-х гг. во всех

средних и крупных сельских муниципалитетах (свыше 6000 жителей), практически без исключений, существовала передвижная библиотека с библиотекарем на постоянной основе и преимущественно с новыми помещениями. Использование библиотек возросло не только в количественном, но и в качественном отношении. К книжным фондам прибавились фонды звукозаписей и периодики и прежде всего выросли показатели выдачи по нехудожественной литературе для взрослых” (Novi 1984, с. 69–70). По данным этого анализа, наиболее важным статистическим фактором роста выдачи является объем денежных вложений в библиотеку и привлечение постоянных сотрудников. Наиболее оживленная динамика выдачи наблюдается в средних городах (20000–65000 жителей). В больших городах – для Финляндии это свыше 65000 жителей – рост небольшой по причине высокого исходного уровня библиотечно-обслуживания (Novi 1984, с. 42–44).

Также необходимо отметить, что сельские дети стали посещать библиотеку, нередко передвижную. Следует напомнить, что в то время Финляндия все еще была сельской страной. Эти села представляли собой горстку домов, удаленных друг от друга: Финляндия оставалась той же “огромной «пустынной» страной”, которую описывал в начале 1950-х г. Лайонел Макколвин (с тех пор, когда началось переселение в города, она стала еще пустынее). Дети составляли значительную долю посетителей библиотек. По усредненным показателям, в 1981 г. ребенок в возрасте 5–14 лет получил в библиотеке около 50 книг за год (14 книг в 1965) – в 3–4 раза больше, чем взрослый. А в 1977 г. сельские дети сравнялись с городскими по любви к книгам (Novi 1984, с. 67).

Работа, начатая в 1960-х гг., реально стала приносить плоды в 1970-х. Показатели удвоились с 32 млн до 72 млн.

В 1960-х и еще более в 1970-х гг. систематическое планирование деятельности, финансирования и строительства библиотек развивалось на всех уровнях финского общества. Неудивительно, что библиотеки и их администрация были охвачены плотной сетью систем планирования. Она распространялась от центральной администрации на министерском уровне (где тон задавало Министерство финансов), до регионального, на котором действовали инспекторы, и муниципального уровня. Интеграция библиотечных инспекторов, отличающихся региональной бюрократией, представляет яркий пример того, как библиотечные вопросы выходили из изоляции и становились частью единого целого, можно сказать, теряли самостоятельность. В начале 1970-х гг. инспектирование библиотек, школ, социальной работы осуществлялось провинциальными административными комитетами. В формулировке законодательства библиотечные инспекторы определялись как “школьные инспекторы, инспектирующие библиотеки”. Теперь они становились обычными государственными чиновниками. Тем не менее, новый порядок вещей пошел на пользу библиотекам, поскольку для инспекторов открывалась новая широкая перспектива с возможностью расширения связи отдельных ветвей администрации. То же относится к другим уровням администрации и планирования, по крайней мере, в годы роста, когда первостепенной задачей было оптимальное распределение новых ресурсов.

Более точный механизм планирования библиотечного развития обеспечило планирование в сфере образования и культуры, начатое в 1960-х и усиленное в 1970-х гг. Убедительным примером нового механизма библиотечного планирования на высшем уровне является комитет по подготовке нового библиотечного законодательства под названием “Библиотечный комитет 1973-го года”. В док-

ладе Комитета (1975) упоминается целый ряд других комитетов образования и культуры, а также планирования, которые в свою очередь принимали участие в библиотечном планировании. Библиотекам предлагалось обеспечивать достижение прогрессивных целей общества с участием широких слоев населения, парламента и правительства. К несчастью, энергетический кризис и последующие экономические затруднения препятствовали дальнейшему развитию систем планирования и реформ и тем самым вызвали сдвиг парадигм в обществе, которое постепенно воздействовало на административную систему.

Вслед за определенным развитием централизации к концу 1970-х гг. полномочия и ответственность от центральной администрации постепенно стали переходить к провинциальным комитетам, а затем к муниципалитетам. В результате, центральное управление библиотек, в 1990-х г. переданное от Комитета образования Отделу по делам культуры в Министерстве образования, стало еще слабее, чем прежде. Эти административные перемены в сочетании с изменениями системы государственного субсидирования (начиная с 1978 г.) буквально вынудили в 1986 г. принять новый библиотечный закон, который не столько выражал новые идеи, сколько отражал происшедшие реальные перемены.

Развитие библиотек вызвало острую потребность в кадрах с высшим образованием и, наоборот, компетентное профессиональное библиотечное сообщество стало одним из решающих факторов успеха библиотечного движения. До второй мировой войны периодически проводились курсы, продолжительностью в несколько месяцев, для постоянных библиотечных кадров и краткосрочные курсы — для совместителей. В 1945 г. был организован годичный курс среднего библиотечного образования в Школе общественных наук

в Хельсинки. В начале 1960-х г. это учебное заведение было переведено в Тампере и преобразовано в университет. В 1972 г. там была создана кафедра библиотекведения и информатики (теперь — информационных исследований). Впоследствии новые кафедры по этой дисциплине были созданы в шведскоязычной Академии Або при Университете в Турку и Университете в Оулу. В развитии академического (высшего) библиотечного образования Финляндия не пошла по пути своих скандинавских соседей. Скандинавские библиотечные школы обеспечивали общую программу обучения по многим областям знания, необходимым для будущих библиотекарей. В Финляндии факультеты информационных исследований в университетах сосредоточились на научных исследованиях и базовых курсах. Студенты факультетов информационных исследований должны были изучать литературу, компьютерное дело, менеджмент как вспомогательные предметы. Не учитывались некоторые области образования, например библиотечная работа с детьми, больничным контингентом и пожилыми гражданами. Финский вариант библиотечного образования был удачен в качественном отношении, поскольку удалось сочетать исследования в этой области с образованием будущих библиотекарей.

1980-е гг. стали как бы промежуточным периодом, когда на протяжении ряда лет даже отмечался застой роста показателей выдачи. Появились первые признаки информационного общества: означает ли это конец библиотек? Одним из основных структурных преобразований стало изменение системы государственного субсидирования — его интеграция в общую систему государственных субсидий для муниципалитетов. Специалисты библиотечного дела и библиотекведения были встревожены тем, что статистика выдачи, невероятно выросшая за прошедшие десятилетия, начала стабилизироваться. Причины ус-

матривали в скромных попытках сокращения роста библиотечных расходов или в изменении стиля жизни населения: когда люди больше зарабатывают, меняются модели потребления и обнаруживаются новые, более индивидуальные способы использования досуга. Другие считали, что застой в показателях выдачи вызван тем, что дети, бывшие самыми активными пользователями библиотек, вышли из возраста чтения. (Novi 1984, Vakkari 1983b).

Первые попытки планирования автоматизации в библиотеках Финляндии относятся к началу 1970-х г. В связи с недостаточным финансированием и отсутствием специалистов внедрение автоматизированной обработки данных в публичных и академических библиотеках шло очень медленно. В конце 1970-х гг. появились отдельные удачные проекты в крупных библиотеках, а в 1980-х гг. автоматизация получила распространение в публичных библиотеках в виде самостоятельных муниципальных проектов, а также на основе регионального сотрудничества исключительно по инициативе самих муниципалитетов. Центральная администрация и Министерство образования поощряли такое сотрудничество. Для внедрения Интернета в конце 1990-х гг. в Министерстве образования был создан проект прямого финансирования. В настоящее время практически во всех финских библиотеках внедрена автоматизация библиотечных процессов и выход в Интернет.

В 1990-х гг. Финляндию охватила глубокая экономическая депрессия, и в худшие моменты уровень безработицы превышал 20%. В отношении библиотек были произведены жесткие сокращения расходов, прекратилось заполнение вакансий и снизилось комплектование. В 1991–1998 гг. годовые кадровые показатели (чел. / год) в финских библиотеках сократились с 4612 до 4193 (на 9%), в то же время расходы на комплектова-

ние сократились почти в пять раз.

Наряду с сокращением финансирования была введена новая система государственных субсидий для муниципалитетов, которая грозила подорвать позиции библиотек. Ориентация муниципалитетов на самостоятельность в использовании государственных субсидий привела к тому, что прекратилось целевое расходование средств. Муниципалитеты вправе самостоятельно принимать решение по поводу того, сколько денег вкладывать в библиотеку. Структура общей суммы государственной субсидии по-прежнему исчисляется из “номинальных расходов” на библиотечное обслуживание, но это не означает, что муниципалитет должен тратить определенную сумму на свою библиотеку. С другой стороны, согласно последнему библиотечному закону (1998) муниципалитет обязан обеспечивать доступность библиотечного обслуживания. Такое положение дел требует системы оценки библиотечных услуг, которая запланирована, но еще не внедрена. Существует опасность сокращения даже номинальных расходов, что может оказаться серьезным ударом по библиотекам. Тем не менее, библиотекарям удалось повернуть общественное мнение в свою пользу благодаря проведению массовых мероприятий в защиту библиотек. Население горячо поддержало их. Расцвет библиотечных кампаний пришелся на 1994-й г., когда Финская библиотечная ассоциация решила отметить 200-летний юбилей публичных библиотек. Финские библиотекари оказались весьма изобретательны. Они выбрали в качестве первой финской публичной библиотеки не одну из старейших приходских библиотек XIX в., а подписную библиотеку, созданную в 1794 г. в городе Вааса, — некий гибрид читальни Общества чтения и коммерческой абонементной библиотеки. Безусловно, это была не “народная”, предназначенная для низших слоев населения библиотека, а образец библиотеки, укреж-

денной Обществом для собственного пользования, при определенных условиях доступной для широких слоев населения, с богатым фондом, — подлинная предшественница современных публичных библиотек. Юбилей привлек огромное внимание и укрепил позитивный имидж библиотек. В том же году воззвание “За чтение и библиотеки” подписали почти 570000 человек, свыше 11% населения. К достижениям этого десятилетия можно прибавить и снижение налога на прибавочную стоимость для книг — с 22 до 8%.

Новый библиотечный Закон 1998 г. также можно считать благоприятным. Он гарантировал бесплатное обслуживание, по крайней мере, в традиционном смысле, предусматривал высшее профессиональное образование как минимум для заведующего библиотекой и открывал путь к таким новым возможностям, как, например, сетевое обслуживание.

С другой стороны, существует множество угроз для библиотек, сулящих осложнения в будущем, например, сокращение государственных субсидий муниципалитетам, обсуждение вопросов авторского права по электронным носителям, снижение требований к квалификации кадров и пр. Некоторые сомнения относительно будущего библиотек возникли по современному и перспективному развитию библиотечного обслуживания. Определенную выгоду библиотеки получили, когда правительство решило расширить их сетевое обслуживание. Благодаря этому публичные библиотеки вошли в информационное общество, обеспечивая равный доступ для всех, независимо от экономических или географических ограничений.

Возникает соблазн представить развитие финских публичных библиотек, как цепь успехов, но нельзя закрывать глаза на множество недостатков и неудач. Хотя книгооборот вырос до рекордных отметок и сохранил высокие показатели до последних лет, негативная сторона заключается

в отсутствии такого разнообразия библиотечного обслуживания, как, например, в Швеции, где населению предлагается множество социально ориентированных видов обслуживания, практически неизвестных в Финляндии. В последние десять лет особенно пострадали большие библиотеки, когда были сокращены специальные дотации на них. Можно сказать, что финские библиотеки предназначены для молодых и здоровых людей, которые могут посещать библиотеки (или сегодня имеют дома выход в Интернет). Недостаточное внимание уделяется и школьным библиотекам. Вкладывать средства в долгосрочное развитие библиотечных фондов стало затруднительно после 1990-х гг., когда были сокращены ассигнования на комплектование. Финские библиотеки расширили сетевое обслуживание, можно легко продлить срок выдачи через Интернет, посмотреть каталоги и получить другие услуги без посещения библиотеки. Все это влияет на книгооборот. В целом культурная ситуация в Финляндии традиционно сложнее, чем у наших западных соседей, и это проявляется, в частности, в том, что в библиотеки вкладывается гораздо меньше средств на душу населения, чем в Швеции или Дании. Финны склонны гордиться этим, утверждая, что у них библиотечное обслуживание экономнее и эффективнее. Сегодня библиотеки преодолевают серьезные трудности и не могут ожидать действительной помощи от государства. До сих пор не принимается во внимание то, что квалифицированные профессиональные кадры приближаются к пенсионному возрасту, а за последние десять лет привлечено совсем немного квалифицированных специалистов. Студенты, завершающие образование в университетах, предпочитают другую работу, потому что оплата труда в публичных библиотеках крайне низка.

Несмотря на эти трудности бесспорный успех финских публичных библиотек остается фактом.

О VI МИРОВОМ КОНГРЕССЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л.Н.Гусева — науч. сотр. НИОБ РНБ, канд. пед. наук.

С 30 июля по 3 августа 2000 г. в финском городе Тампере проходил VI Мировой конгресс, организованный Международным советом по изучению Центральной и Восточной Европы (ICSEES), Финским обществом по изучению России и Восточной Европы (FAREES), Институтом России и Восточной Европы (FIREES) и университетом в Тампере.¹

В конгрессе приняли участие исследователи в области социальных и гуманитарных наук, писатели, общественные деятели из разных стран мира. Тем не менее, основное большинство собравшихся для общения за границей составляли наши соотечественники. В концертном зале “Тампере-Холл” Василь Быков с болью поведал о кризисе белорусской культуры и языка, правозащитник Сергей Ковалев говорил о правах личности в аспекте глобализации, Андрей Битов представил Пушкина как первого русского постмодерниста, а социолог Яков Гилинский рассказал мировой общественности об организованной преступности в России.

В маленьких аудиториях в более тесном кругу обсуждались не менее острые проблемы и интересные темы, такие как: трансформация в экономике и образовании, профессиональная этика в русской журналистике, этические и религиозные процессы в России, природа этнических конфликтов, новые русские и интеллигенция в постсоциалистических странах, гражданское общество и политика, региональная политика, гендерные исследования и т. д.

Учитывая аудиторию журнала “Санкт-Петербургская школа”, я постаралась проанализировать в своей статье темы секций и отдельные выступления, наиболее близ-

кие библиотечным специалистам². В моей работе я основывалась на собственных знаниях и представлениях. Метафора “библиотечная школа”, используемая редакцией журнала, навела меня на мысль дополнить анализ докладов примечаниями, т. е. прокомментировать содержание используемых мною источников. Это дает мне возможность, как методологу, расширить представления библиотечных специалистов о понятиях и новых подходах, применяемых в зарубежной исследовательской практике.

Если говорить о темах, которые могут быть наиболее интересны для читателей “Петербургской библиотечной школы”, то, прежде всего, следует отметить, что в Тампере было уделено большое внимание исследованиям славянских коллекций в Восточной и Западной Европе. Среди участников стендов по данной теме были такие известные нашим читателям библиотечные специалисты, как Кристин Томас (Christine Thomas) (Британская библиотека, Великобритания), Роберт Дэвис (Robert Davies) (Нью-Йоркская публичная библиотека, США), Михаил Афанасьев (Государственная публичная историческая библиотека, Россия), Лариса Петина (Национальная библиотека Эстонии), Ирина Матвеева (Российская национальная библиотека) и др.

В основном речь шла об истории создания коллекций и их содержании, но, к сожалению, не были представлены результаты исследований аудиторий читателей³, распространяющих славянскую культуру в разных странах мира⁴.

Исключением является доклад Майи Петровой (Институт литературы Болгарской академии наук), которая изучила формирование, содержание и читателей

славянских коллекций "Meterika", а также аудиторию, представляющую религиозные идеи и литературные пробы специфической социальной группы, — мо-нахинь.

Если судить по материалам конгресса, то зарубежных и российских исследователей особенно волновали проблемы средств массовой информации в России. Они оказались в состоянии понять, кто стоит за так называемыми "свободными" журналистами и как те используют современную психотехнику, риторические и другие языковые средства воздействия на аудитории, способствуя формированию новых форм культуры.

В Тампере было много желающих обсудить на международном уровне такие темы, как: "медиа и посткоммунистическая культура", "изменение медиа в постсоветских обществах", "СМИ в современной России", "информационное общество и новые медиа", "роль медиа в политической трансформации", "ведущие новостей — агитаторы за капитализм", "массмедиа в Центральной Азии", "Российские медиа и общество в 1990-х" и т. д.

Как видно из перечисленных названий, основной исследуемый аспект — это взаимоотношения "власти" и "медиа", которые рассматриваются в марксистских традициях, т. е. различные медиа используются как средства идеологического давления доминирующей в обществе группы. Власть и доминирование социальных групп — это типичные темы для макроанализа средств массовой информации.

Микроанализ языка, дискурса, разговорных коммуникаций основывается на концепции "власть" французского философа Мишеля Фуко, который считал, что связь между обществом и властью не является вертикальной. Власть формируется снизу в многочисленных сетях индивидуальных взаимодействий. Дискурс может быть как инструментом, так и след-

ствием власти⁶. Критический дискурсивный анализ в настоящее время является способом соединения двух уровней, которые в повседневной жизни и в практической деятельности тесно взаимосвязаны.

Дискурсивный анализ не получил широкого распространения. Поэтому исследование власти доминирующих в России институциональных и профессиональных дискурсов (предпринимателей, медицинских, рекламных) оказалось "по плечу" только зарубежным специалистам из Австрии, Великобритании, Швейцарии, США. Библиотечный дискурс никого не привлек, видимо, потому, что библиотечные проблемы редко и мало обсуждаются в средствах массовой информации, хотя актуальные для российского общества темы существуют и в библиотечной практике.

В этом отношении представляется интересным доклад В. Р. Фирсова (РНБ, Россия): "Чтение на исходе эпохи: десакрализация мифа". Рассматривается важная проблема параллельного существования двух культур: книжной и медиа. Фирсов задает вопрос, как будет воспринимать книгу новое поколение, и считает, что ответить на него может только время. Думается, что ответ могут скорее дать исследования чтения, если, конечно, принять во внимание, как определяется понятие "чтение" в современном философском и научном дискурсе.

"Чтение" понимается как "декодирование", "интерпретация", "познание текста, на котором записаны смыслы бытия", "конструирование значений" и т. д. В семиотике не только литературные тексты, но и телевизионные программы, радиопередачи, рекламы, фотографии, театральные постановки, пение эстрадных певцов и много другое — все это тексты, которые читаются. Коллекции литературы также можно представить как собрание текстов, имеющих исторический и культурный контекст.⁷

На конгрессе особенно ясно проявилось то, что за рубежом язык, способы мышления, мировоззрения писателей и поэтов, их биографии в настоящее время являются самыми распространенными предметами исследований в гуманитарной сфере. Например, Хели Костов (Heli Kostov) из университета в Хельсинки на основе идеологического анализа особенностей платоновского языка раскрывает особую языковую модель мира платоновских произведений, понимаемую исследователем как отражение в организации языка всей концептуальной системы писателя. Михаил Макин (Michael Makin) (Университет Мичигана, США) предложил свою интерпретацию биографии Марины Цветаевой в докладе "Жизнь текстов и тексты жизней". Исследователи из Швеции и США обсуждали на секции тему "Язык как идеология в сталинский период".

Далеко не все отечественные литературоведы разделяют взгляд на культурный язык как на систему, управляющую сознанием людей. Многие придерживаются свойственному западным исследователям ответственному отношению к понятиям миф и реальность. Для того, чтобы понять это, достаточно было обратиться к стендам, посвященным исследованиям современной русской литературы и петербургского текста русской литературы, в который, как считает Мария Черняк, органично входят легенды и мифы о Петербурге.

Кроме перечисленных стендов, были еще и выступления Олега Клина (Московский государственный университет) "Петербургская повесть: мифы и реальность жанра", Наталии Полтавцевой (Российский государственный гуманитарный университет) "Городской текст в прозе Андрея Белого: "петербургский" и "московский" мифы", Лидии Колобаевой (Московский государственный университет) "Петербург А. Ремизова и "Петер-

бургский текст" русской литературы" и др.

Интересная дискуссия состоялась на секции "Мифы и тайны Петербурга". Организовал обсуждение Дмитрий Равинский (РНБ, Санкт-Петербург), который выступил с докладом о городской мифологии как части городской культуры. Татьяна Вольтекская (Санкт-Петербургский союз писателей) для подтверждения идеи своего выступления, что петербургский миф продолжает твориться в поэзии и сейчас, прочитала свои стихи о мифическом Петербурге. Наталья Казимировская (Швеция) увлекла присутствующих мистическими рассказами иностранцев о Петербурге.

В перечисленных литературоведческих докладах о Санкт-Петербурге миф рассматривается как нереальный, мистический образ города, нашедший отражение в творчестве различных писателей, городских легендах и преданиях. Дмитрий Равинский считает, что городская мифология лишь частично выражена в текстах. Заключил дискуссии, исполнив роль дискурсанта, Григорий Каганов (Институт теории архитектуры и городского планирования, Москва). В сфере научных интересов исследователя кроме истории архитектуры и градостроительства находится и "образ Петербурга в русской и западной культуре". Дав четкое определение используемым понятиям, он внес определенную ясность в увлекательную литературную и даже поэтическую дискуссии. Каганов показал роль мифа в социальном поведении, в выражении идеологии города.

В преддверии 300-летия Санкт-Петербурга участники конгресса не обошли вниманием и петербургскую тематику. "Санкт-Петербург: его настоящее и будущее", "Развитие гражданского общества в Санкт-Петербурге и России", "Ленинград в войнах 1939–1940 гг. и 1941–1945 гг.", "Студенты Санкт-Петербурга",

“Петербург в эмигрантском сознании”, “Русь и Петербург в Балтийском мире”, “Русская революция в Санкт-Петербурге”, “Судьба интеллигенции Санкт-Петербурга” и другие аспекты современного петербурговедения.

Писатели, поэты создают мифы городов, а историки предлагают мифическую интерпретацию исторических событий — такой вывод напрашивается после знакомства с историческим материалом, наиболее широко представленным в Тампере. В исторических исследованиях бывших социалистических стран миф — это языковое выражение, наглядный образ, форма идеологии. Доклад Олега Бодрука из Киева так и называется “Исторические мифы и их влияние на развитие межгосударственных отношений на постсоветском пространстве”. Национальную мифологию и национальную историю обсуждали на своем стенде украинские историки.

Необходимость переосмысления, переписывания истории, написанной в годы советской власти и имеющей ярко выраженный идеологический характер, отмечали почти все историки. Исследователи рассматривают “идеологию” традиционно в марксистской интерпретации как макросоциальный феномен, представляющий ценности и интересы доминирующей в обществе группы⁹.

Как считает Марина Румянцева (Москва), путь переосмысления истории — это “теоретические игры” с фактами, что представляет опасность для общества. Общественное мнение получает иллюзию нового знания, которое не может быть использовано для решения актуальных проблем⁹. Но так было всегда. Даже когда историк декларировал свободу от идеологии, анализ текстов показывает, что его суждения определяются конкретной системой знаний и представлений. А политики, вернее их команды, из всех имеющихся текстов всегда выбирали для

своих действий те знания и тот язык — систему понятий — которые соответствовали их целям, формулируя тем самым господствующую идеологию.

Якуб Лалатка (Jakub Lapatka) из Финляндии в своем докладе “Лицемерная Клио?” доказывал, что описание и толкование исторических событий во все времена и во всех государствах происходило по социальному заказу. “Именно поэтому переписывание истории началось практически вместе с ее написанием. Фараоны Древнего Египта ничтоже сумняшеся стирали иероглифические надписи своих предшественников, а цари царей Персии — клинопись своих предшественников. Они писали свою историю. Точно так же свою историю пишет и любой народ, выходящий на историческую арену [...]. Переписывание истории всегда широко применяется в так называемые переломные моменты истории, когда создаются новые государства и новые общественные устройства”¹⁰.

Но в условиях тоталитарного государства, как отмечает Татьяна Филиппова (российский исторический журнал “Родина”), “Создание” “универсальной” и унифицированной картины прошлого — важнейший, наиболее продуманный и функциональный компонент идеологического инструментария. В этом смысле сталинский “Краткий курс” истории ВКП(б) — классический образец мировоззренческой адаптации исторического знания к задачам обоснования иррациональной модели советской государственности под видом “рациональности” и “научности”¹¹.

В современных условиях поляризации взглядов на историю исследователи сконструировали два “кратких курса” российской истории, показав либеральный и консервативно-националистический проекты развития России. Владимир Федюк (Ярославский государственный университет) рассказал об источниках и механизмах формирования массового историчес-

кого сознания, которые были выявлены в процессе создания современного "краткого курса".

Перечисленные темы наглядно демонстрируют изменение направления гуманитарных и социальных исследований бывших социалистических стран. Они в большей степени связаны с исследованиями, проводимыми в западных странах на основе постструктурализма, а во многих случаях проводят их совместными усилиями. В рамках объединенной Европы интерес переносится на идеологические и этические проблемы разных социальных сообществ, на их культурное взаимодействие, а также на то, что передают СМИ и как воспринимают информацию в обществе, на исследования речевой коммуникации и различных текстов.

Изменение направления исследований требует переосмысления и методологии, что неоднократно отмечали специалисты из бывших социалистических стран, работающие в самых разных областях знания. Здесь можно отметить доклад Иво Поспишила (Институт славянских исследований, Чешская Республика) о проблеме литературных направлений в современной русской литературе (методологические и терминологические предпосылки).

Но нам особенно интересны методологические исследования представителей исторической науки, которая в настоящее время все больше приобретает междисциплинарный характер. На историческую науку оказывают влияние социология, экономика, этнография, антропология, политические науки и др. Можно выделить две попытки дать общую характеристику изменения подходов к изучению истории в России.

Ефим Пивоваров (Московский государственный университет) выступил с докладом "Новые исторические и теоретические подходы и необходимость и возможность переписывания актуальных аспектов социальной и экономической

истории России в XIX и XX столетиях". Он описал новую ситуацию в постсоветской России, отметил возможность доступа к архивной информации и интернациональный характер исторических исследований. Главные тенденции в российской социальной и экономической истории, по мнению Пивоварова, — сочетание микро- и макроподходов.

С точки зрения Александра Куприянова (Институт российской истории РАН, Москва) "отказ от исторического материализма как обязательного теоретического базиса вызвал кризис методологических основ исторической науки в России. Все многообразие путей его преодоления можно свести к трем направлениям: позитивизм, постмодернизм и историческая антропология". Старшее поколение историков ориентируется на позитивизм, время постмодернизма в российской исторической науке еще не пришло, а вот историческая антропология "вызывает живой интерес среди ученых среднего и молодого поколения". Куприянов объясняет поворот к человеку, к миру повседневности влиянием новейших тенденций мировой историографии, проявившихся в том, что историки уже не считают, что события прошлого детерминированы только глобальными социальными структурами.

Можно заметить нечто общее в оценке историками новых подходов к исследованию истории: поворот к миру повседневности, к частной жизни людей, к микросоциальным процессам. Но в то же время отмечается и поляризация макро- и микроподходов, замкнутых в рамках объясняющих и понимающих концепций.

В контексте выявленных направлений современных гуманитарных и социальных наук, и прежде всего истории, а также новых подходов к исследовательской деятельности, рассмотрим подробнее дискуссию о методологии

истории библиотек и информационной истории.

Ведущий обсуждения Борис Володин (РНБ) в своем вступительном докладе показал, каким деформациям подверглась история библиотек в СССР и других социалистических странах. "История библиотек" как научная дисциплина противопоставлялась буржуазной "истории библиотек". Историческая наука в социалистических странах развивалась в изоляции от исторических наук в западных странах, от происходящих в данной сфере научных дискуссий.

Идея Володина — изучать историю отечественных библиотек в контексте развития библиотек во всем мире — созвучна современному западному направлению исследования культуры. Знание культурных языков, опыта "других" специалистов позволяет понять, что наши библиотеки далеко не идеальны. А именно так представлялись библиотеки в недалеком прошлом с позиций единственно правильной идеологии. В методологическом плане деконструкция сложившихся в различных культурах и субкультурах представлений о библиотеках — это уже отход от традиционного для российских библиотечников описания "типов библиотек", когда выявляются и сравниваются общие для разных культур элементы.

Недостатком сравнительно-исторического метода, который отмечали и марксисты, является сравнение внешнего сходства нормативной концепции со структурно-функциональными моделями вне социокультурного контекста, т. е. значений, которыми наделяют окружающий мир действующие в этом мире практики. Методом, позволяющим объединить историю с географией понятий, с нашей точки зрения, является кросс-культурный анализ (разновидность дискурсивного анализа), который плодотворно используется для исследования

понятий "национализм", "гражданское общество" и др.

Отечественные социологи наглядно демонстрируют, что концептуальное единство обеспечивается не формальным совпадением структур, а формированием общей традиции или формы общественной жизни¹². В зарубежной практике исследование дискурса, опосредующего когнитивные и социальные структуры в конкретной стране, часто носит критический характер и дополняется семиотическим анализом текста.

Так, Илкка Мякинен (Университет в Тампере) считает, что изменение предмета исследования поможет библиотечной и информационной науке (LIS) выйти из тупика. Он рассматривает "информационную историю" как закономерный этап, сменяющий последовательно "экономическую историю" и "социальную историю". Его "информационная история" включает историю коммуникации, книги, библиотеки и новых информационных технологий. Потенциальными темами такой "информационной истории" являются: хранение и нахождение информации до создания письма и техники, значение памяти в риторике и рукописной культуре, современные методы хранения и организации информации и, наконец, электронные сети. Исследование этих тем позволяет увидеть феномен нашего времени как исторически детерминированный.

Таким образом, российский исследователь предлагает изменить представления библиотечных специалистов о библиотеках, изучая уникальный опыт зарубежных библиотек, т. е., говоря словами Пивоварова, он исследует микросоциальные процессы. Финский коллега предлагает переписать историю, интерпретируя исторические факты через призму современной "информационной" глобальной идеологии, появление которой, с его точки зрения, исторически детерминировано.

Существование подобной истории имеет все основания, но ее претензии на исключительность вряд ли обоснованны. Подобные высказывания связаны с тем, что в профессиональной среде библиотекосведов и информационных работников, ориентирующихся, в основном, на позитивистский подход в исследовательской деятельности, господствует мифология, что слова обозначают явления действительности, а истинное представление об истории, философии, коммуникации и т. д. — это только научное.

Другой точки зрения придерживаются философы-постмодернисты. В то же время, например, семиотики, которые начинали свою деятельность как позитивисты, в настоящее время все больше разделяют представление об относительном характере всех дефиниций¹³. А. М. Фуко не только изменил представление об истории¹⁴, но и поставил перед философами политические задачи — анализировать существующие нормативные концепты, предоставляя возможность для осуществления других реальностей. Его идея формирования конкретных областей знания как политического акта оказала влияние на сторонников нормативной концепции в библиотечной и информационной науке¹⁵.

Нормативный характер знания в библиотечной сфере, когда субъект и объект познания рассматриваются как взаимосвязанные друг с другом в пределах более общего целого, нашел свое отражение в моем докладе, где я выразила точку зрения, что главная проблема библиотечной истории — методологическая. Она общая как для бывших социалистических стран, так и для капиталистических, поэтому и решать ее надо на таких международных встречах.

Как уже отмечалось, специалисты современных социальных и гуманитарных наук поляризовались на исследовании макро- и микропроцессов общества. Если

перевести эти понятия на философский язык, то это будет — “объективное” и “субъективное”, “абстрактное” и “конкретное”. Последнее противоречие находит свое выражение в использовании философского (научного) и обыденного языков для интерпретации социальных фактов.

Все эти противоречия — между объективным и субъективным, абстрактным и конкретным — были характерны и для марксизма — методологической основы исследований социальной реальности советских ученых. Но в отличие от западной обществоведческой мысли только объективизм (материализм) и абстрактное (философские категории) соответствовали государственной идеологии. Работы сторонников субъективизма (идеализма) и конкретного или запрещались, или просто не печатались. Следует только подчеркнуть, что представление об абстрактном и конкретном знании, сложившееся в общественном сознании, отличается от его интерпретации Марксом¹⁶.

Концептуальный аппарат марксизма пронизывал все сферы науки, практики и повседневной жизни, объясняя и регламентируя нормы жизнедеятельности советских людей. Таким способом нормативные концепции соединялись с реальной исторической традицией. Идеология превращалась в элемент культуры. Поэтому когда на уровне государственной политики произошел отказ от марксистской идеологии, советское библиотековедение, не имеющее своего собственного научного языка, как наука, объясняющая настоящее, перестала существовать. Библиотековеды, сохранившие ей верность, обратились к историческим исследованиям библиотек, столкнувшись с теми же проблемами, что и все историки.

Но поскольку в соответствии со сложившимися стереотипами — объективное и абстрактное знание — это истинное знание, то постепенно библиотечная и инфор-

мационная наука (LIS), сформировавшаяся в США и претендующая на законы и обобщения для всей библиотечной деятельности, стала рассматриваться в России как общеметодологическая (метафизическая) составляющая преобразований библиотечной практики.

Действительно, если обратиться к библиотековедческим текстам, то можно заметить, что абстрактное понятие “информация” используется как метафора для объяснения всей библиотечной деятельности. Подобный процесс характерен и для западных библиотекарей. Здесь можно согласиться с высказанным мнением, что LIS не историческая, а скорее мифическая наука. В связи с чем обращение специалистов к истории, к эмпирическим исследованиям мифологии, понятий представляется необходимым и информационным работникам и библиотекарям, использующим традиционные библиотечные методы обслуживания¹⁷. Для библиотечной сферы становится все более очевидной необходимость исследования в исторической перспективе разрыва между концепцией “информационное общество” — современным политическим символом — и российской реальностью, чтобы конкретизировать контекст, в котором это понятие приобрело практический смысл в России и в зарубежных странах.

Таким образом, историческая наука как история понятий, в которых осмысливается реальность (History of Present), может быть использована для политических целей¹⁸. Контекстуализация описания библиотечного опыта включает исследование различных аспектов коммуникации библиотечных специалистов с другими социальными группами, а также результаты воздействия на их восприятие действительности экономической и политической власти.

На секции был еще один выступающий, так называемый прикрепленный докладчик, Елена Борисова (РНБ, Россия). Она говорила о теме, вроде бы свя-

занной не с историей, а с современностью: “Становление библиотечного законодательства в России”, но в связи с изложенным выше эта тема приобретает особый смысл.

Предпосылки становления библиотечного законодательства в России, по мнению Борисовой, появились в кон. 80-х — нач. 90-х гг. В результате чего сложилась трехуровневая (федеральный, региональный, местный) структура библиотечного законодательства. На содержание библиотечных федеральных законов оказали влияние международные нормы, на региональном уровне копируются федеральные модели, а формирование законодательства на местном уровне находится на начальной стадии.

Законодательное творчество — это работа с языком, имеющим правовой тип. Из доклада ясно, что культурные нормы и ценности различных социальных групп российского общества, находящие свое выражение в понятиях, не изучаются. Законодатели диктуют обществу свои понятия, поэтому и не возникает потребность в исторических исследованиях микросоциальных процессов, а отсюда и сложность законодательной деятельности в современных условиях на региональном и местном уровнях¹⁹.

Как и стоило ожидать, дискуссия на секции развернулась по двум основным проблемам, поставившим под сомнение сложившиеся мифологемы:

- Сколько должно быть исторических наук: одна или несколько?
- Может ли историческая наука быть прагматичной — предоставлять знания для политической деятельности?

Самыми активными дискурсантами оказались Ирина Матвеева (РНБ, Россия) и Кшиштоф Мигонь (Krzysztof Migon) (Вроцлавский университет, Польша).

Своеобразным дополнением к состоявшейся дискуссии о микро- и макропод-

ходах в гуманитарных и социальных науках послужило обсуждение проблем книговедения на секции, которую вел К. Мигонь. Она называлась “Русское книговедение XIX в. и круг славянской науки о книге”. В работе секции принимали участие Наталья Леликова (РНБ, Россия), Эмилия Огар (Украинская академия наук), Инга Шомракова (СПбГУ-КИИ, Россия). Они рассказали о различных этапах истории развития библиотековедения XIX — нач. XX в.

Н. Леликова и Э. Огар представили образцы переписывания истории книговедения в России и на Украине. Леликова рассмотрела этапы развития книговедения в России в XIX — 1-й пол. XX в. Э. Огар показала, что украинское книговедение — это самобытное явление с традициями, восходящими к середине XIX в. С анализом основных тенденций развития книговедения в России в последнее десятилетие XX в. выступила И. Шомракова. Она отметила как новые тенденции (изучение книжного дела Русского зарубежья, истории еврейского книжного дела и печати и истории цензуры), так и традиционные.

Выступающие затронули и проблемы методологии, например тенденции “психологизации” и “социологизации” книговедения. Оппонентом по этому вопросу выступил Михаил Афанасьев (Государственная публичная историческая библиотека), который обосновал необходимость проведения социологических исследований.

В настоящее время разные подходы к исследованию макро- и микропроцессов обосновывают и отечественные социологи.²⁰

Дискурсант Габриела Зибритова (Gabriela Zibritova) (Comenius Университет, Словакия) предложила для обсуждения тему: какое будущее у книговедения? С ее точки зрения книговедение противостоит общей теории коммуника-

ции и масс-медиа. К сожалению, эта интересная тема не нашла отклика у собравшихся, хотя как раз ее обсуждение и могло внести определенное понимание в то, какие социальные исследования необходимы для решения исследовательских задач в области книговедения.

Развитие общей теории коммуникации связано со становлением кибернетики (Н. Винер), обосновавшей общность информационных процессов у животных и в машинах, и созданием теории информации (К. Шеннон), разработавшей математическую модель информационных процессов. В дальнейшем общая теория коммуникации была использована и в различных теориях социальной коммуникации.

Менее известны библиотечным специалистам в нашей стране теории коммуникации, связанные со знаковыми системами и лингвистическими, литературоведческими, семиотическими, этнографическими исследовательскими традициями. Отдельные положения этих теорий были использованы в данной статье для анализа материалов конгресса. Знакомство с теориями коммуникации, ориентированными на политикокультурные и социокультурные исследования различных текстов и аудиторий дали бы хороший импульс для дискуссии в области не только книговедения, но и библиотековедения.

Как видно даже из такого краткого анализа докладов, участники конгресса в Тампере, имеющие отношение к библиотеке, книге, книжным коллекциям, в основном, занимаются историческими исследованиями. Современные проблемы библиотек решают технологи, программисты и маркетологи, которые не принимали участия в конгрессе. На фоне достижений других социальных и гуманитарных наук методологические проблемы библиотечной и книжной науки стали особенно заметны. В связи с чем

представляются перспективными задачами: обогащение библиотечных специалистов знаниями о западных традициях в исследовательской практике и самостоятельная работа в данной области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тезисы докладов опубликованы в Abstracts / VI World Congress for Central and East European Studies. Tampere, Finland, 29 July 3 August, 2000. Tampere, 2000. 490 p.

Ссылки в статье даются только на цитируемые тезисы.

² Каждый автор, в основном исходя из интуиции или личного опыта, имеет свое представление об аудитории, для которой он пишет. Кроме того, кодируя сообщения, он отбирает смыслы, находясь в собственной культурной рамке. Например, Ю. Н. Столярков, анализируя содержание журнала "Санкт-Петербургская библиотечная школа", вкладывает в понятие "философия" одно из самых распространенных в отечественной культуре представлений — обобщающая наука, т. е. существующим нормативным концепциям придается характер истинного знания. Он по-своему толкует понимающую (культурно-адаптивную) парадигму научного мышления, получившую обоснование в работах М. Вебера, и т. д. В то же время организаторы философских "круглых столов" в РНБ рассматривали философию в постмодернистских традициях, поставив задачу — проанализировать сложившиеся нормативные концепции библиотечной и информационной науки с точки зрения социального опыта и достижений других научных дисциплин, получивших свое развитие не только в нашей стране, но и в зарубежных странах, где сложились отличные от наших традиции когнитивной деятельности. Таким образом, Ю. Н. Столярков пишет для своей аудитории, имеющей определенные культурные рамки, т. е. для библиотечных специалистов, получивших образование в советское время, для которых, естественно, позиция редакции журнала "Санкт-Петербургская библиотечная школа", расширившей эти ограниченные рамки, кажется оригинальной. (Столярков Ю. Н. *Оригинальность позиции* // Библиотекарь, 2000. № 12. С. 60–62).

О положении семиотики (семиологии), заключающемся в том, что разнообразие смыслов зависит от природы языка и культурных рамок отправителя и получателя коммуникационного действия, см. работу: Эко У. *Отсутствующая структура: введение в семиологию*. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1998. 431 с.

³ С точки зрения "теории коммуникации" (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Р. Якобсон, Р. Барт, Д. Фиске, С. Холл, У. Эко и др.) исследование аудитории в организациях, выполняющих культурную функцию, требует не выявления предпочтений той или иной литературы (в сущности, маркетинговых исследований), а анализа текстов в соответствующих историческом, культурном и социальном контекстах. Для достижения данной цели необходимо проанализировать коды передающей организации, коды специалистов, работающих в организации, и коды, которые предположительно должны иметь представители разных аудиторий, чтобы понимать предложенный текст. В библиотеке это и библиотекари, читающие профессиональную литературу, и читатели художественной литературы и других областей гуманитарного и естественнонаучного знания. Читатели в состоянии сопротивляться идеологическому влиянию, поэтому декодированный смысл может отличаться от закодированного. Для изучения этих отличий проводятся полевые исследования с применением качественных методов.

⁴ Здесь уместно вспомнить слова Романа Якобсона, которые он написал еще в 1929 г.: "Необходимо (воспользуемся понятием из области коммерции) изучать рынок сбыта культуры, его запросы и возможности; необходимо выявить области, в которых прививка русской научной традиции, скрещивание с русскими культурными ценностями могли бы принести достойные плоды. Не стоит забывать о том, что было с давних пор усвоено великими народами Запада: к распространению языковой культуры за пределами страны нельзя относиться равнодушно с точки зрения интересов данной культуры, ее нормального развития" (Якобсон Р. *О современных перспективах русской славистики* // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С. И. Гиндин. М.: Росс. гос. гуманитар. ун-т, 1999. С. 27).

⁶ См., например, статью: *S. Green. How can of Foucault's ideas and perspectives be Usefully applied to the study of the mass media in society? som* — www.theory.org.uk Resources: Foucault and media. Она интересна еще и тем, что помогает понять точку зрения М.Фуко на историю и на понимание настоящего, на то, как власть создает знание на микроуровне. Взаимосвязь между властью и знанием изменяется в дискурсе, поэтому представление об истине неустойчиво.

⁷ Вигэнд Уэйн А. *Узкий взгляд и белые пятна: что прошлое говорит нам о настоящем: размышления об истории американского библиотечного дела XX века // Петербургская библиотечная школа. 1999. № 3. С. 23–43.*

⁸ В социальной антропологии идеология не противопоставляется культуре и рассматривается относительно различных социальных групп. Идеология — это представление "о социальном мире и о том, что в нем происходит, как проекта правильного социального порядка, содержащего этические установки" (*Романов П. В. Социальная антропология организации. Саратов, 1999. С. 65.*)

⁹ *Abstracts / VI World Congress for Central and East European Studies. Tampere, Finland, 29 July — 3 August, 2000. Tampere, 2000. P. 364–365.*

¹⁰ Там же. С. 241–242.

¹¹ Там же. С. 115.

¹² См., например, работу: *Волков В. Ответственность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 77–91.* Автор противопоставляет кросс-культурный (интерпретативный) перевод понятий тем семиотико-культурным и структуралистским способам, в которых ищут структурно-функционального и нормативно-соответствия.

¹³ Некоторую ясность в этот вопрос может внести наш отечественный семиотик Борис Успенский: "Существуют разнообразные возможности объяснения исторических событий, и, соответственно, одни и те же события могут получать различную интерпретацию — в частности, государственно-политическую, социально-экономическую, культурно-семиотическую и др. За каждым из этих объяснения стоит, оче-

видно, определенная модель исторического процесса, т.е. некоторое представление о его сущности [...] Культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признается то, что является значимым с их точки зрения" (*Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. С. 10–11.*)

¹⁴ После выхода книги М. Фуко "Слова и вещи" французский философ и писатель Жан П. Сартр выступил с критическими высказываниями, обвинив Фуко в том, что тот отверг историю. Как пишет Светлана Табачникова в своих комментариях к "Истории сексуальности", Фуко в одном из своих интервью ответил Сартру: "Существует своего рода миф истории для философов. Знаете ли, философы по большей части весьма невежественны во всех дисциплинах, кроме своей. Существует математика для философов, биология для философов, ну точно также — история для философов. Для философов история — это своего рода огромная и обширная непрерывность, где перемешаны свобода индивидов и экономическая или социальные детерминации. И как только затрагиваются до какой-либо из этих великих тем — непрерывность, действительное отправление человеческой свободы, сочленение индивидуальной свободы с социальными детерминациями, как только затрагиваются до одного из этих великих мифов — тотчас же этими добропорядочными людьми поднимается крик о том, что вот, мол, посягают на неприкосновенность истории или убивают ее. На самом-то деле такие люди, как *Марк Блок* и *Люсьен Февр*, английские историки и другие, давно уже положили конец этому мифу истории. Они практикуют историю совершенно иным способом [...] Что же касается *философского мифа*, который имеют в виду, когда обвиняют меня в том, что я его убил, — то я в восторге, если я его действительно убил. Если что я и хотел бы убить — так именно это, а вовсе не историю вообще" (*Dits et écrits, t., pp. 666–667*). Жорж Кангилем, принявший участие в полемике, пояснил, что термин "археология" означает у Фуко — "условие воз-

возможности иной истории — истории, в которой понятие *события* сохраняется, но где события касаются уже не людей, но *понятий*” (G. Canguilhem, 1967). (Фуко М. *Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности*: [Сборник / Сост., пер. с фр., коммент. и послесл., с. 396–443., С. Табачниковой]. — М.: Магистериум; Изд. дом “Касталь”, 1996. С. 350).

¹⁵ Если основываться на исследованиях Фуко, то и советское библиотековедение и современная библиотечная и информационная науки — идеологические дисциплины. Введя в политическую мысль вопрос об этическом субъекте и практик себя, Фуко создал почву для оптимизма, что возможны и альтернативные современным варианты управления библиотеками. Он в своем стремлении “помыслить иначе, чем мыслишь, и воспринимать иначе, чем видишь”, прошел путь от увлечения марксизмом, экзистенциализмом, психоанализом. Отойдя от общих философских категорий, претендующих на объективность, он в своих исторических исследованиях показал, что познающий субъект не является свободным, а находится в различных формах подчинения. В ранних работах: “Рождение клиники”, “Слова и вещи”, “Археология знания” и др. Фуко уделил внимание насильственной роли обыденных, производных от политических, представлений, конструирующих социальную реальность. Что истинно и что ложно в обществе, определяется в результате политического дискурса. В последних своих выступлениях и лекциях, а также в неоконченной работе “История сексуальности” Фуко говорит о возможности уже другой реальности, о том, что политическое правление должно рассматриваться как частный случай управления вообще. Последовательно переходя от исследования политики к этике, он попытался ответить на вопрос: “Как конструируется знание? Каким образом мысль как нечто, имеющее отношение к истине, тоже может иметь историю?” (Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.* — М., 1996. — 448 с.). Фуко проводил исследования “не затем, чтобы зас-

тавить говорить великий универсальный дискурс, который был бы общим для всех людей данной эпохи” (Фуко М. *Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко.* — Киев, 1996. — 207 с.), а хотел показать, как люди, говоря о различных объектах, имели разное мнение и осуществляли свой выбор.

¹⁶ См. анализ понятий “абстрактное” и “конкретное” в работах К. Маркса, проведенный Е. В. Смолиной в монографии: Гусева Л. Н., Смолина Е. В. *Библиотековедение. Нормативный подход (понимающая парадигма мышления)*. СПб., 1997. — С. 52.

¹⁷ История информационной науки представляется особенно интересной. Как известно, на формирование этой науки повлияли идеи Карла Поппера, который в своих работах уделил большое внимание критике “историцизма”, т. е. преувеличению роли действия неизбежных объективных законов исторического развития. Он утверждал, что ход человеческой истории в значительной степени зависит от роста знаний: личных и объективных, коллективных.

Несмотря на декларацию “объективного знания”, пренебрежение субъективным и социальным контекстом производства и использования знаний привели в исследовательской практике к отходу от объективистской концепции наук. Идея Попперовского “третьего мира” объективного знания подверглась критике как со стороны Куна, так и советских философов — сторонников объективизма. Для темы нашего обсуждения представляет интерес высказывание по этому поводу М. А. Розова, который утверждал, что знание, отвлеченное от человека и опредмеченное в знаках и символах — нормативно, и эти нормы исторически изменяются. (Розов М. А. *Знание и механизмы социальной памяти // На пути к теории научного знания*. М., 1984. С. 175–197).

¹⁸ Американский исследователь из Стенфордского университета (США) Дженифер Ли (Jennifer May Lee) разместил на сайте в Интернете статью, в которой описывает происходившие в середине 90-х г. в США дебаты о том, что историю можно читать как текст социальных, культурных и политических ценностей. Обсуждение национальных исторических стандартов, например, продемонстрировало и

то, как история может быть применена для политических целей. Было признано, что опыт различных социальных групп — этнических, религиозных, гендерных — различен, уникален и заслуживает исследования. Специфические цели этих групп могут быть описаны. История, таким образом, становится средством для анализа настоящего. Влияние идей М. Фуко и других европейских реформаторов на американские дебаты очевидно, но способ политико-культурных исследований, применяемый американскими исследователями, отличается: они имеют или междисциплинарный характер, или представляют собой нарративный анализ. Например, сам Дженифер Ли пишет, что он исследует, как нарративы прошлого на социальном и на личном уровне встраиваются в настоящее. (*Lee J. M. "It's Not the End of the World:" Agency and Identity in Historical (Con) Texts. URL: <http://www.stanford.edu/%7Emeehan/donnelyr/thhesis.htm>*).

¹⁹ О том, что, если понятия, которыми оперируют законодатели, не соответствуют нормативно-ценностным представлениям, сложившимся в общественном сознании, то трудно рассчитывать, что созданные ими законы будут выполняться, см. в работе: *Гусева Л. Н., Смолина Е. В. Библиотекосведение. Нормативный подход (понимающая парадигма мышления)*. СПб., 1997. С. 196–197.

²⁰ См. работу: *Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности*. — М.: Добросвет, 1999. 596 с.

В главе VI соавтор Ядова В. Семенова пишет об особенностях методологии качественных исследований. В частности она отмечает: "Для современной социологии настал период гуманизации, переориентации от рационального познания глобальных проблем к познанию и пониманию локальных сообществ, специфики меньшинств и каждодневной социальной практики людей; от макро- к микроанализу социальных явлений. [...] Если же мы хотим понять социальный мир человека, восприятие им внешней реальности и мир его самосознания, то здесь недостаточно рационального языка категорий и абстракций. Необходимо приблизиться к адекватному пониманию смыслов, которые человек вкладывает в различные суждения и действия. Кроме того, поступки человека далеко не всегда адекватно осознаются им самим. Чтобы уяснить их глубинный смысл, надо приложить немало усилий для расшифровки внешне наблюдаемых действий и высказываний и для интерпретации их в социологических понятиях" (с. 388).



СОХРАНЕНИЕ ФОНДА ИНОСТРАННЫХ РУКОПИСЕЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ФАКТОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТА

*И.В. Азарова, И.М. Беляева, А.И. Гладкий, Р.И. Евстафьева,
В.П. Захаров, Л.Г. Левашова, Ю.П. Нюкша, Г.Н. Питулько,
О.В. Скворцова, Е.В. Старова*

Обеспечение сохранности библиотечных фондов является не только технической задачей библиотек, но и представляет собой важную проблему сохранения культурного наследия в целом. Начиная с 1989 г., БАН ведет разработку фактографических баз данных по сохранности коллекций. Создание таких баз данных, описывающих состояние документов, является ядром информационного обеспечения работ по консервации и реставрации библиотечных материалов, реализуемых в Библиотеке Российской академии наук.

При разработке фактографических баз данных по сохранности фондов оказалось, что они важны для редких и рукописных книг. Их нынешнее, не всегда хорошее состояние является результатом многочисленной смены владельцев, неудовлетворительного хранения, поэтому и возникает потребность в продуманной системе описания и регистрации их состояния.

Информация из фактографических БД в первую очередь ориентирована на обеспечение задач по консервации книг, кроме того, она может использоваться для уменьшения затрат, связанных с ведением документации, при планировании выставок и реставрационных работ, создании библиографических указателей к фондам.

Перечень задач, решаемых на основе фактографических баз данных:

- анализ состава и физического состояния фонда или его составной части для

- подготовки ежегодных и перспективных планов консервации и реставрации;
- ведения документации, учета, отчетности, расчета материалов, реактивов;
- рекомендаций хранителям;
- определение объема и приоритетности частей фонда, которые нуждаются в первоочередной консервации (реставрации);
- наблюдение за состоянием отдельных коллекций в процессе хранения, а также после выполнения консервационных мероприятий и обработок;
- регистрация описания состояния документов;
- задание на мероприятия по консервации;
- перечень выполненных мероприятий с указанием исполнителей, дат, реставрационных протоколов, методик, инструкций, зафиксированных в других базах данных;
- определение количественных характеристик по каждому параметру для всей коллекции;
- создание экспертного модуля статистического анализа, который сможет обобщать информацию по некоторым параметрам (например, энтомологическим характеристикам повреждений) и выдавать рекомендации по общей стратегии сохранения фондов библиотеки.

Стратегия разрабатываемой в Библиотеке Российской академии наук технологии создания фактографического описания библиотечных фондов предпола-

гает их последовательное расширение и проведение, (а) анализа структуры данных, непосредственно связанных с параметрами сохранности, (б) разработки информационных карт-описаний фонда, фиксирующих эти структуры, (в) составления научных описаний структуры данных в виде инструкций по заполнению карт описания обрабатываемых фондов, (г) практического описания фондов с использованием карты-описания.

Перечисленные задачи определяют набор параметров и полей карты-описания фонда рукописей, разработка которой лежит в основе ниже приведенной технологии.

Перспективы усовершенствования фактографического описания

Информационная карта (ИК) ориентирована на определенные виды документов, причем во всех картах четко выделяются части (библиографическое описание, материаловедческое описание, консервация, мониторинг), каждая из которых может быть оформлена в базе данных как отдельный файл, связанный с другими через общие идентификационные признаки. Каждая часть ИК (файл), таким образом, может использоваться как совместно с другими, так и автономно.

Одним из наиболее важных аспектов усовершенствования информационного обеспечения задач по сохранению фондов является разработка специализированной схемы мониторинга состояния рукописи, которая предполагает последовательную регистрацию состояний ее отдельных особо ценных или сильно поврежденных компонентов рукописи. При этом повреждения точно локализуются, указывается их количественная и качественная оценка. В настоящее время предполагается мониторинг следующих данных: биологического контроля (микробиологических и энтомологических повреждений), физико-химического контроля (физико-механических и химических

повреждений, величины рН), реставрационного и консервационного контроля состояния документа, состояния контейнера, в котором хранится книга. Мониторинг проводится с целью отслеживания изменений в состоянии рукописи, причем в случае обнаружения повреждений задается необходимость дальнейших консервационных действий, например, нейтрализации, инкапсулирования и т.п. Предусматривается последующий контроль выполнения рекомендованных действий, оправданности конкретных методик проведения консервации и причины возникновения новых повреждений рукописей.

Виды информационных карт

Имеются два вида информационных карт (ИК) фактографического описания фонда иностранных рукописей: (1) ИК рукописной книги; (2) ИК рукописного документа (непереплетенной рукописи). Рукописный документ, как правило, не имеет обложки или переплета, следовательно, обширная часть материаловедческого и консервационного описания, касающаяся переплета, блока, тетрадей, у него отсутствует; в отдельных случаях будет отличаться и описание листов, например обреза. Одинаковыми у обеих карт являются лл. 1, 2 (библиографическое описание), л. 5 (задание по консервации); на л. 1 отмечается значение параметра-переключателя: "рукописная книга" или "рукописный документ". Выбор одного значения (в реально функционирующей БД) блокирует возможность выбора другого значения. Для удобства заполнения ИК все последующие листы (начиная с л. 3) информационного описания сопровождаются сигнальной надписью "рукописная книга" или "рукописный документ".

Характеристика информационной карты

Представленная информационная карта (см. Приложение) имеет 5 блоков информации. Она заполняется экспертами.

Библиотечно-библиографические сведения о рукописи. Блок включает детальные характеристики владельческих помет, экслибрисов, суперэкслибрисов, штемпелей и т.п., характеристик владельцев, коллекций. Блок описания оформления экземпляра рукописи — гравюр, чертежей, инициалов и т.п., причем отдельные элементы оформления, имеющие историческую, художественную или иную ценность, получают собственное описание как самостоятельный объект фактографического описания.

Материальная основа рукописи: материалы, используемые в листах, переплете, формировании блока, элементов декора, техники иллюстраций и т. п.; причем детальность описания, в первую очередь, обусловлена различными консервационными действиями над компонентами книги (возможно, дополнительное описание потребуется для обслуживания целей реставрации).

Консервационное описание различных повреждений рукописи: физических,

химических, биологических, а также количественные оценки состояния, в том числе значение величины рН. Описание можно производить как в обобщенном виде, характеризуя общий тип повреждений, встречающихся в рукописи, так и индивидуально сильно поврежденных ее компонентов.

Задание на консервацию и реставрацию содержит перечень консервационных действий, которые рекомендовано провести, а также отметки о дате их проведения с указанием дальнейших мероприятий по поддержанию сохранности рукописи.

Задание по хранению содержит рекомендации по расположению рукописи при хранении; последний срок экспонирования и копирования рукописи, а также рекомендованные интервалы "покоя"; потребность в фолиации (пагинации).

В соответствии с блоками информации можно выделить части описания информационной карты:

Тип информации	Листы описания	Эксперт по заполнению
Библиографическая	Библиографическое описание документа, лл. 1-2	Хранитель
Материаловедческая	Материальная основа документа, л. 3	Хранитель, Консерватор
Сохранность	Сохранность документа, л.4	Консерватор
Задание по консервации	Задание по консервации документа, л. 5	Консерватор
Задание по хранению	Задание по хранению, л. 2	Хранитель, Консерватор

Библиографическое описание составляет хранителем или научным сотрудником. Описание материальной основы рукописи преследует три цели. Во-первых, подробная характеристика материальной основы необходима для обеспечения оптимально разумных условий хранения рукописи. Во-вторых детали описания могут использоваться для составления разнообразных научных каталогов от печатных до электронных. В-третьих, имеющиеся данные описания полезны при отборе рукописей для проведения консервационных или рестав-

рационных мероприятий. Описание материальной основы рукописи предполагает три возможных варианта характеристики в зависимости от наличия переплета или обложки, а также их отсутствия.

В первом случае описание включает три раздела:

- (1) собственно переплет, блок и их декор (2.1.);
- (2) блок, тетради, листы и форзацы (2.2.);
- (3) текст, иллюстрации и другие данные его сопровождающие (2.3.).

Во втором случае описание состоит из трех частей:

- (1) обложка рукописи и декор блока (2.1.1.);
- (2) блок, тетради, листы (2.2.1);
- (3) текст, иллюстрации и другие сопровождающие данные (2.3.).

Наконец, в третьем случае, когда отсутствует и переплет, и обложка, описание включает две части:

- (1) характеристика листов (2.2.2.);
- (2) сведения о тексте, иллюстрациях и другие данные их сопровождающие (2.3.).

Описание сохранности включает (а) физические и химические повреждения; (б) биологические повреждения; (в) значение величины рН, характеризующей степень старения бумаги, выборочно определяется в нескольких указанных местах.

В табл. 1 приведено описание регистрируемых в ИК видов физических и химических повреждений переплета и характеристики трех степеней повреждения. Пользуясь табл. 1, консерватор проставляет рядом с указанным видом степень повреждения, записывая слово целиком или сокращенно (например, "выс.", "ср.", "низ.").

В табл. 2 приведено описание регистрируемых в ИК видов физических и химических повреждений листов, в том числе иллюстраций, независимо от наличия или отсутствия блока как элемента конструкции. Пользуясь табл. 2, консерватор проставляет рядом с указанным видом степень повреждения, записывая ее словесное определение.

В табл. 3 приведено описание регистрируемых в ИК видов физических и химических повреждений текста и иллюстраций, красочного слоя и красочным слоем. Пользуясь табл. 3, консерватор проставляет рядом с указанным видом степень повреждения.

Результатом визуального осмотра специалистом биологом является классифи-

кация документов по трем степеням биологического повреждения — низкой, средней и высокой, либо указывается отсутствие повреждений.

Характеристика биологического повреждения документа *низкой степени* — наличие слабовыраженной биопигментации, легко стирающиеся плесневые налеты на крышках переплета, форзацах или листах блока, одиночные личиночные отверстия в покрытии переплета; *средней степени* — наличие ярко выраженной биологической пигментации и колоний на крышках переплета или на форзацах, личиночные ходы и отверстия в крышке переплета, у корешка, на первых и последних листах; *высокой степени* — наличие обильной биологической пигментации, колоний, многочисленных и разнообразных энтомологических повреждений, биологическая деструкция материалов переплета и блока.

Консервация рукописи включает виды действий, направленных на ее сохранение, восстановление и поддержание эксплуатационных свойств.

Гигиеническая обработка проводится после осмотра рукописи специалистом-биологом и включает обеспыливание и полистную чистку.

В случае обнаружения биологической пигментации, колоний микромицетов производится отбор проб для определения жизнеспособности спор грибов. Если результат анализа положительный, дается задание на обеззараживание поврежденного документа с помощью антимикробных химических препаратов или физических воздействий.

В случае обнаружения в документе жизнеспособных личинок насекомых дается задание на проведение дезинсекции с применением инсектицидных химических препаратов или физических воздействий.

Все документы, в которых оказались биологические повреждения и проведе-

но обеззараживание, требуют особого внимания за их состоянием, проводится ежегодный контроль и при необходимости повторный отбор проб с поврежденных участков.

Если рукопись хранится в микроклиматическом контейнере, то консерватор делает собственную отметку в карте. При наличии предшествующей реставрации с применением искусственных материалов, например, ледерина, его не рекомендуется помещать в контейнер.

В задании может быть также указана необходимость других защитных операций, например, конвертирования, инкапсулирования, обертки. Конвертирование применяют для непереплетенных рукописных документов и рукописных книг с сильным повреждением шитья. Инкапсулирование используется для листов с высокой степенью поврежденности. Обертка применяется для рукописей с полностью утраченным переплетом либо для переплетов с поврежденной верхней или нижней крышкой.

Консервационные действия для переплета включают чистку, умягчение, ремонт, реставрацию, реконструкцию. Чистке подлежат покрытия из кожи или пергамента. Умягчение проводится для кожи. Реставрация выполняется, как правило, при высокой степени повреждения переплета. Ремонт осуществляют при средней степени повреждения переплета. Реконструкцию делают в том случае, когда переплет утрачен.

Консервационные действия по отношению к блоку включают ремонт, реставрацию, нейтрализацию, защиту от повреждения металлом. Ремонт производят при выпадении отдельных листов, наличии разрывов и утрат не более, чем средней степени повреждений. Реставрация осуществляется при нарушении шитья, выпадении тетрадей, высокой степени повреждения листов. Нейтрализация обязательна при значе-

ниях рН меньше шести. Защита от металла необходима в случае обнаружения повреждений листов блока, вызванных физическим или химическим взаимодействием с металлическими деталями переплета. Для этого изготавливают плотные прокладки из реставрационной бумаги. Дальнейшие меры против химического взаимодействия разрабатывает специалист химик.

Консервационные действия по отношению к иллюстрациям включают их защиту прокладками, фотодокументацию, фотореставрацию, закрепление. Прокладки используются для защиты иллюстраций, инициалов с использованием золота, при наличии высокой степени повреждения красками или для защиты от проникаемости чернил. Фотографирование делают при средней степени повреждения текста. Фотореставрация применяется при высокой степени повреждения текста. Закрепление выполняют при осыпании красочного слоя.

Задание по хранению определяется в основном экспертом по консервации, хранитель заполняет подполя: экспонирование, последнее копирование, ценность, обращаемость. В первом подполе указывается время экспонирования памятника на выставках, во втором — время последнего копирования. Поле ценность задается по шкале четырех условных определений: платина (уникальный памятник, имеющий значение для мировой культуры), золото (редкая рукопись, значимая для национальной культуры), серебро, бронза (рукопись имеющая научный интерес), медь (прочие). Поле обращаемость указывается на основании обращения пользователей рукописью по трем градациям.

На основании соотношения полей *ценность, обращаемость* и *степень повреждения* вычисляется *Очередность* реставрационных и консервационных действий в соответствующих полях блока *Задание по консервации*.

Физические и химические повреждения переплета

Вид повреждения	Характеристика повреждения	Характеристика степени повреждения		
		низкая	средняя	высокая
Отрыв	Крышки переплета и корешок отделены от блока книги	—	—	—
Деформация	Расхождение значений толщины корешковой зоны и обрезов переплета. Отклонение от плоскости поверхностей крышки	До 5 мм	От 5 мм до 15 мм	Больше 15 мм
Затек	Пятна более светлой окраски с неровными краями, в том числе с краев крышек.	Занимает менее 10% поверхности	Занимает 10–20% поверхности	Занимает более 20% поверхности
Изменение окраски	Устанавливается путем сравнения окраски кожи (пергамента) на заворотах переплета на крышках	Незначительное изменение	—	Полное изменение цвета
Пятна	Устанавливаются по локальному изменению цвета кожи (пергамента). Они, как правило, имеют ровные края	Единичные локальные пятна	Крупные единичные пятна, занимающие 10–20% площади	Пятнами занято более 20% площади
Разрушения	Нарушения целостности лицевого слоя (сдиры, потертости), красный распад кожи	Небольшие (до 1 см ²) сдиры, потертости с изменением окраски, не захватывающие основную толщину дермы	Потертости с полной утратой лицевого слоя, сдиры до 0,5 дм ² , локальный распад до 1 см ²	Красный распад, утрата лицевого слоя более 0,5 дм ²
Разрывы	Механические повреждения линейного характера с совмещающимися краями	Длина до 15 мм с локализацией по боковым обреза; до 5 мм в корешковой зоне	Длина до 5–10 мм в корешковой зоне; до 25 мм в других частях	Разрывы более 25 мм (боковые обрезы крышки); более 10 мм в корешковой зоне
Утраты	Отсутствие покрытия в результате отрыва, вырезания или полного износа	Локальные повреждения до 1 см ²	Повреждения 1–2 см ²	Повреждения более 2 см ²

Физические и химические повреждения листов блока

Вид повреждения	Характеристика повреждения	Характеристика степени повреждения		
		низкая	средняя	высокая
Деформация	Неравномерность толщины блока, волнистость листов	До 5 мм	От 5 мм до 10 мм	Больше 10 мм
Затеки	Пятна более темной окраски с неровными краями, локализация по краям блока (листов)	Занимает менее 10% поверхности	Занимает 10–20% поверхности	Занимает более 20% поверхности
Изменение окраски	Изменение белизны бумаги за счет естественного старения	Легкое потемнение	—	Сильное потемнение, снижающее контрастность текста
Пятна	Локальные изменения окраски бумаги, обычно ровные края, неопределенной локализации и любого происхождения	Пятна площадью до 0,5 см ²	Пятна площадью 0,5–2 см ²	Пятна площадью больше 2 см ²
Разрушения	Распад бумаги, обусловленный полной потерей механической прочности	Единичные вне текста	Площадью до 2 см ² вне текста	Локализация в текстовой зоне
Разрывы	Нарушение целостности листа линейного характера со сходящимися краями	Длина до 10 мм вне текста	Длина до 20 мм вне текста	Локализация в текстовой зоне; более 20 мм вне текста
Утраты	Отсутствие части площади листа (вырезанного, оторванного и т.д.)	До 1 см ² вне текста	1–2 см ² вне текста	Больше 0,5 см ² в текстовой зоне; больше 2 см ² вне текста

Физические и химические повреждения текста и рисунка

Вид повреждения	Характеристика повреждения	Характеристика степени повреждения		
		Низкая	средняя	высокая
Проницаемость чернил	Отпечаток изображения букв на обратной стороне листа	Слабо заметна	Может быть прочитан	Мешает чтению основного текста
Растекание чернил	Образование ореола вокруг букв	Незначительное окрашивание вокруг букв	Заметное окрашивание, буквы не сливаются	В строках буквы сливаются, ореол вокруг строк
Выпадение строчных мест	Изменение белизны бумаги по тексту за счет естественного старения	—	Нарушение целостности листа за счет разрушения бумаги с образованием отверстий на листе от букв	Полное выпадение строк
Угасание	Снижение интенсивности цвета букв	—	Интенсивность окраски снижена, но чтение затруднено	Слабое различие в окраске букв и листа. Чтение возможно с применением аппаратуры
Истирание	Изменение четкости и толщины красочного слоя за счет механического воздействия	Изменение интенсивности окраски за счет износа	Частичная утрата изображения за счет износа	Износ до основания бумаги (пергамента)
Осыпание	Отслаивание красочного слоя от основы.	Локальные утраты до 1 мм ²	—	Множественные утраты основного изображения
Растрескивание	Нарушение целостности красочного слоя из-за его жесткости, образование трещин	Единичные трещины	—	Образование сетки трещин с угрозой отслаивания
Повреждения красочным слоем	Изменение окраски и механической прочности бумаги под действием минеральных красок	Проявление изображения на обратной стороне листа	Изменение колорита рисунка, покоричневение бумаги	Образование коричневого окраса; миграция изображения на соседние листы

ИНОСТРАННЫЕ РУКОПИСИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ. ХРАНИТЕЛЬ (л.1)

Шифр:	БАН	Отдел				
Описание составлено	Отдел	ФИО	Дата:	Число	Месяц	Год
Тип знаковой информации		рукописный	смешанный	Печатный		
Рукописная книга		Рукописный документ				
Переплет	Обложка	Обложка				
Владельческий конволют		Аллигат				
Количество аллигатов		Листы аллигата				
Основные атрибуции:						
АВТОР(Ы):						
	Определение/титул	Фамилия	Имя	Отчество	Псевдоним	
Основание атрибуции:						
Переписчик						
рукописи:						
	Определение/титул	Фамилия	Имя	Отчество	Псевдоним	
Заглавие:	Язык	Унифицированный/Краткое заглавие:				
	Язык	Полное заглавие:				
		Перевод/Транслитерация заглавия:				
Содержание:	Язык					
	<i>Inclit</i>					
	<i>Finis</i>					
Время	Точная дата	Число	Месяц	Год	Основание датировки:	
создания	Приблизительный период	Нач. период	Век	Кон. период	Век	
Место	Страна (историческая область)		Населенный пункт		Монастырь	
создания						
Язык	Оригинала		Перевода		Промежуточного перевода	
формат	Тип письма		Филигрань			
Количество	Литерные		Чистые		Пропущенные при нумерации	

ИНОСТРАННЫЕ РУКОПИСИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ. ХРАНИТЕЛЬ (п. 2)

		РУКОПИСНАЯ КНИГА РУКОПИСНЫЙ ДОКУМЕНТ			
Литература	Библиография:				
	Ссылки на описание:				
Источник поступления	Форма приобретения	Время приобретения	Коллекция	Прежний номер	
Владелец					
	Тип	Фамилия	Имя	Отчество	Время владения

Владельческие пометы

Листы	Примечания
	Записи
	Экслибрисы, суперэкслибрисы
	Штемпели, монограммы, наклейки
	Другие пометы

Оформление экземпляра

(в случае необходимости индивидуального описания вставок номера листов помечаются звездочкой)

Листы	Примечания
	Печатный текст
	Чертежи и планы
	Миниатюры, рисунки, инициалы, карты
	Таблицы
	Маргиналии
	Печати
	Гравюры
	Прочее

Примечания

1 — задание; ? — дата выполнения

ЗАДАНИЕ ПО ХРАНЕНИЮ

с по

Легитимация
1 2

Экспонирование
Интервал
Последнее копирование

Условия хранения

Вертикальное
Горизонтальное

ИНОСТРАННЫЕ РУКОПИСИ

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА. ХРАНИТЕЛЬ—КОНСЕРВАТОР (л. 3)

Шифр:	БАН	Отдел	РУКОПИСНАЯ КНИГА	
Дата:	Число	Месяц	Год	ФИО

I. ПЕРЕПЛЕТ

МАТЕРИАЛ ОСНОВЫ		МАТЕРИАЛ ПОКРЫТИЯ		СОСТАВ ПЕРЕПЛЕТА	
Дерево	<input type="checkbox"/>	Кожа	<input type="checkbox"/>	Цельный	<input type="checkbox"/>
Картон	<input type="checkbox"/>	Пергамент	<input type="checkbox"/>	Комбинированный	<input type="checkbox"/>
Бумага	<input type="checkbox"/>	Ткань	<input type="checkbox"/>		
Другие материалы	<input type="checkbox"/>	Бумага	<input type="checkbox"/>		
		Другие материалы	<input type="checkbox"/>		
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ					
Ранее реставрирован	<input type="checkbox"/>	Полностью утрачен	<input type="checkbox"/>	Корешок	<input type="checkbox"/>
У переплета утрачены		Верхняя крышка	<input type="checkbox"/>	Материал покрытия	<input type="checkbox"/>
		Нижняя крышка	<input type="checkbox"/>		
РАЗМЕРЫ (мм)					
Длина	<input type="text"/>	Ширина	<input type="text"/>	Высота	<input type="text"/>
ДЕКОР ПЕРЕПЛЕТА И БЛОКА					
ТИСНЕНИЕ		УКРАШЕНИЕ		ОБРЕЗ	
Слепое	<input type="checkbox"/>	Накладки	<input type="checkbox"/>	Обычный	<input type="checkbox"/>
Золотое	<input type="checkbox"/>	Застежки	<input type="checkbox"/>	Золотой	<input type="checkbox"/>
Другие виды	<input type="checkbox"/>	Завязки	<input type="checkbox"/>	Окрашенный	<input type="checkbox"/>
		Надписи	<input type="checkbox"/>	Нет обреза	<input type="checkbox"/>
		Другие материалы	<input type="checkbox"/>		
Утраты элементов декора : завязки <input type="text"/> накладки <input type="text"/> застежки <input type="text"/>					
Дополнительная информация:					

II. БЛОК, ТЕТРАДИ, ЛИСТЫ, ФОРЗАЦЫ

СОСТОЯНИЕ					
БЛОКА		ТЕТРАДЕЙ		ЛИСТОВ	
Ранее реставрирован	<input type="checkbox"/>	Выпадают	<input type="checkbox"/>	Выпадают	<input type="checkbox"/>
СОСТАВ БЛОКА		Отсутствуют	<input type="checkbox"/>	Отсутствуют	<input type="checkbox"/>
Цельный	<input type="checkbox"/>	Нарушено шитье	<input type="checkbox"/>	Вырезаны	<input type="checkbox"/>
Комбинированный	<input type="checkbox"/>			Вырезаны	<input type="checkbox"/>
МАТЕРИАЛ ЛИСТА		МАТЕРИАЛ ФОРЗАЦА		Примечания:	
Бумага	<input type="checkbox"/>	Бумага	<input type="checkbox"/>	<input type="text"/>	
Пергамент	<input type="checkbox"/>	Пергамент	<input type="checkbox"/>	<input type="text"/>	
		Другие материалы	<input type="checkbox"/>	<input type="text"/>	

III. ТЕКСТ — ИЛЛЮСТРАЦИИ — ДРУГИЕ ДАННЫЕ

ТЕКСТ			
Рукописный текст		ПЕЧАТНЫЙ ТЕКСТ	
(Чернила) рукописи	<input type="checkbox"/>	владельческих помет	<input type="checkbox"/>
Железо-галловые	<input type="checkbox"/>	Железо-галловые чернила	<input type="checkbox"/>
Черные	<input type="checkbox"/>	Современные чернила	<input type="checkbox"/>
Красные	<input type="checkbox"/>	Химический карандаш	<input type="checkbox"/>
Другие виды	<input type="checkbox"/>	Простой (цветной) карандаш	<input type="checkbox"/>
		Другие виды	<input type="checkbox"/>
ИЛЛЮСТРАЦИИ			
Инициалы, миниатюры, гравюры		Чертежи, рисунки	
Техника		Материалы	
Аquareль	<input type="checkbox"/>	Минеральные краски	<input type="checkbox"/>
Многослойная живопись	<input type="checkbox"/>	Медные краски	<input type="checkbox"/>
Другие виды	<input type="checkbox"/>	Золото	<input type="checkbox"/>
		Карандаш	<input type="checkbox"/>
		Тушь	<input type="checkbox"/>
		Аquareль	<input type="checkbox"/>

ИНОСТРАННЫЕ РУКОПИСИ

СОХРАННОСТЬ. КОНСЕРВАТОР (п. 4)

Дата:	Число	Месяц	Год	ФИО	РУКОПИСНАЯ КНИГА
-------	-------	-------	-----	-----	------------------

I. ФИЗИЧЕСКИЕ И ХИМИЧЕСКИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ

ПЕРЕПЛЕТА (ОБЛОЖКИ)

Оторван	<input type="checkbox"/>
Деформация	<input type="checkbox"/>
Затеки	<input type="checkbox"/>
Изменение окраски	<input type="checkbox"/>
Пятна	<input type="checkbox"/>
Разрушения	<input type="checkbox"/>
Разрывы	<input type="checkbox"/>
Утраты	<input type="checkbox"/>

ЛИСТОВ

Деформация	<input type="checkbox"/>
Затеки	<input type="checkbox"/>
Изменение окраски	<input type="checkbox"/>
Пятна	<input type="checkbox"/>
Разрушения	<input type="checkbox"/>
Разрывы	<input type="checkbox"/>
Утраты	<input type="checkbox"/>

ТЕКСТА И РИСУНКОВ

Прохождение чернил	<input type="checkbox"/>
Растекание чернил	<input type="checkbox"/>
Угасание	<input type="checkbox"/>
Выпадение строчных мест	<input type="checkbox"/>
Другие виды	<input type="checkbox"/>
Примечания:	
<input type="text"/>	
<input type="text"/>	

СТЕПЕНЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ

ОСНОВЫ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Деформация	<input type="checkbox"/>
Пятна	<input type="checkbox"/>
Разрушения	<input type="checkbox"/>
Разрывы	<input type="checkbox"/>
Утраты	<input type="checkbox"/>

КРАСОЧНОГО СЛОЯ

Истирание	<input type="checkbox"/>
Осыпание	<input type="checkbox"/>
Растрескивание	<input type="checkbox"/>
Другие виды	<input type="checkbox"/>

КРАСОЧНЫМ СЛОЕМ

Повреждение красками	<input type="checkbox"/>
Примечания:	
<input type="text"/>	
<input type="text"/>	

СТЕПЕНЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ

II. БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ

МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ

ПЕРЕПЛЕТА

Пигментация	<input type="checkbox"/>
Колонизация	<input type="checkbox"/>
Деструкция	<input type="checkbox"/>
Жизнеспособная микробиота	<input type="checkbox"/>

БЛОКА

Пигментация	<input type="checkbox"/>
Колонизация	<input type="checkbox"/>
Деструкция	<input type="checkbox"/>
Жизнеспособная микробиота	<input type="checkbox"/>

ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Пигментация	<input type="checkbox"/>
Колонизация	<input type="checkbox"/>
Деструкция	<input type="checkbox"/>
Жизнеспособная микробиота	<input type="checkbox"/>

СТЕПЕНЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ

ПЕРЕПЛЕТА

Личиночные ходы	<input type="checkbox"/>
Экзуви	<input type="checkbox"/>
Личинки	<input type="checkbox"/>
Имаго	<input type="checkbox"/>

БЛОКА

Личиночные ходы	<input type="checkbox"/>
Экзуви	<input type="checkbox"/>
Личинки	<input type="checkbox"/>
Имаго	<input type="checkbox"/>

ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Личиночные ходы	<input type="checkbox"/>
Комментарий	<input type="text"/>
<input type="text"/>	
<input type="text"/>	

СТЕПЕНЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ

III. ВЕЛИЧИНА pH

Значение pH	Лист	Место замера

ИНОСТРАННЫЕ РУКОПИСИ

ЗАДАНИЕ ПО КОНСЕРВАЦИИ. КОНСЕРВАТОР (л. 5)

Шифр:		БАН		Отдел		РУКОПИСНАЯ КНИГА	
Дата:		Число	Месяц	Год	ФНО	РУКОПИСНЫЙ ДОКУМЕНТ	

1 — задание; 2 — дата выполнения

КОНСЕРВАЦИЯ

1 2

Гигиеническая обработка	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Дезинфекция	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Дезинсекция	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>

Помещение в контейнер	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Инкапсулирование	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Конвертирование	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Обертка	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>

ОЧЕРЕДНОСТЬ

реставрации	<input type="checkbox"/>
консервации	<input type="checkbox"/>

ПЕРЕПЛЕТ

Умягчение	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Чистка	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Ремонт	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Реконструкция	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Реставрация	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>

БЛОК

Ремонт	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Реставрация	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Нейтрализация	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Защита от металла	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>

ТЕКСТ и прочее

1 2

Прокладки	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Фотофиксация	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Фотореставрация	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>
Закрепление	<input type="checkbox"/>	<input type="checkbox"/>

И. БЛОК. ТЕТРАДИ, ПОВРЕЖДЕННЫЕ

<p>МАТЕРИАЛ ВОЛОС</p> <p>МАТЕРИАЛ ПОВРЕЖДЕН</p> <p>МАТЕРИАЛ ВОЛОС</p> <p>МАТЕРИАЛ ПОВРЕЖДЕН</p>	<p>МАТЕРИАЛ ВОЛОС</p> <p>МАТЕРИАЛ ПОВРЕЖДЕН</p> <p>МАТЕРИАЛ ВОЛОС</p> <p>МАТЕРИАЛ ПОВРЕЖДЕН</p>	<p>МАТЕРИАЛ ВОЛОС</p> <p>МАТЕРИАЛ ПОВРЕЖДЕН</p> <p>МАТЕРИАЛ ВОЛОС</p> <p>МАТЕРИАЛ ПОВРЕЖДЕН</p>
-------------------------------------------------------------------------------------------------	-------------------------------------------------------------------------------------------------	-------------------------------------------------------------------------------------------------

КАКОЙ БИБЛИОТЕКА МОЖЕТ СТАТЬ...

Марианна Такс Чолдин — директор Мартенсон-центра

международных библиотечных программ,

член информационного правления Института «Открытое общество» (фонд Сороса)

Я стала библиотекарем более 30 лет назад, мне кажется что это была какая-то другая эра — столь стремительны и велики изменения в мире. В США эти изменения происходили более плавно и постепенно, хотя не всё и всегда было легко.

Сейчас мы можем помогать современному сообществу гораздо лучше, чем делали это в прошлом.

Тридцать лет назад у нас в США было совершенно четкое понимание, что такое библиотека и какой она может стать. Мы всегда получали финансовую поддержку для своей работы. Несмотря на то, что компьютеры были достаточно громоздкими, занимали много места и не были настолько совершенны, как ныне, мы уже тогда понимали, какую помощь они могут оказать библиотечному сообществу и всем пользователям, хотя в чем конкретно это выразится мы тогда еще не знали. Мы понимали, что информация сможет немедленно поступать к нам, прямо на наш рабочий стол.

Тогда нам хотелось сиюминутных изменений, и мы не совсем понимали, как этого достичь, или, во всяком случае, какие трудности могут встретиться на этом пути. Но мы точно знали, что библиотеки и библиотекари станут совершенно иными. Однако мы не могли и подумать, что фундаментальная роль библиотекаря может быть поставлена под угрозу, что ей, как профессии, будет брошен вызов. Я и по сей день не уверена, что полностью отдаю себе отчет в грандиозности масштабов всех произошедших изменений и всей сложности решения предстоящих задач.

Библиотеки в США не являются теперь единственными источниками ин-

формации, как это было тридцать лет назад. Сейчас уже студенты могут заказывать свои собственные программы в режиме он-лайн, прямо со своих рабочих мест или из своего общежития. Они могут пользоваться как реальными, так и виртуальными библиотеками. Зачастую, не осознавая поисковых трудностей, они считают, что Интернет может полностью обеспечить их всей необходимой информацией. При этом большинство наших студентов не отдают себе отчет в том, что не вся информация, которую они находят в Интернете, является достоверной, и часть ее может быть даже просто искаженной. Это новая проблема для библиотек и библиотекарей, вызванная современной информационной средой, стоящая как перед небольшими, так и перед крупнейшими национальными библиотеками.

Библиотека Конгресса недавно подверглась бичеванию за то, что она в эту цифровую эру еще не определила четко своей роли. Наша Национальная сельскохозяйственная библиотека также подверглась критике, так как до сих пор не определила своих целей и задач.

В целом я могу сказать, что многое из того, какие цели и задачи может поставить и преподнести нам будущее, еще неясно.

Безусловно, существуют вопросы, которые необходимо решать, но библиотеки и библиотекари сами по себе не смогут дать на них ответы. Тем не менее мы должны быть готовы к этим вопросам.

Библиотеки будут изменяться, но какие изобретения и нововведения для этого будут нужны, что поможет им измениться, пока не ясно. Но полагаю, что опираться они должны все-таки

на традиционные ценности: открытый доступ, интеллектуальная свобода, право на тайну чтения, превосходное обслуживание, сохранение знаний и ответственность самих библиотекарей. Все эти ценности — непреходящи, они останутся навсегда, несмотря ни на какие преобразования наших библиотек. Я совершенно твердо убеждена, что без этих ценностей наши библиотеки и библиотекари будут либо заменены чем-то, либо их роль и права будут значительно усечены.

Некоторые элементы этих, уже грядущих, перемен сегодня абсолютно очевидны. Наши пользователи все больше надежд связывают с обновленными библиотеками и все больше предъявляют требований к ним. Они хотят быстрее получать требуемую информацию, в какой бы форме она не была.

Большинство студентов верят, что могут найти в Интернете ответы абсолютно на все вопросы. Мы должны направлять их поиски.

Таким образом, инструктирование пользователей сейчас является центральным звеном в деятельности библиотек США. Для этого мы должны четко знать, что же хочет пользователь наших библиотек и затем создать правильные методики такого инструктирования (обучения пользователей).

Библиотеки всего мира не раз пытались консолидироваться, чтобы шире использовать свои ресурсы, но пока для этого сделано очень мало. Полагаю, что общая стратегия не была четко разработана, не была направлена на то, чтобы действительно полностью ответить на все потребности пользователей.

Библиотечное партнерство и консорциумы в какой-то мере сократили операционно-эксплуатационные расходы, а также затраты на некоторые новые ресурсы. Это решило часть проблем по размещению ресурсов, однако возникли

новые дополнительные проблемы, например потеря самостоятельности младших партнеров, которыми руководят консорциумы. Так, библиотека, в которой работаю я, принадлежит к пяти международным консорциумам, трем национальным, нескольким региональным и примерно десяти объединениям в штате Иллинойс. Все это достаточно запутанно и неэффективно, потому что очень трудно четко запомнить, какой консорциум предлагает какие услуги и по какой цене.

Многие процедуры становятся очень длительными: сотрудники отправляются в частые командировки на бесконечные встречи, где что-то решается, утрясается, утверждается. Трудно сказать, что показал бы анализ затрат и выгоды подобных мероприятий. Мы такие исследования, правда, не проводили. Кроме того, некоторые члены консорциума преследуют чисто политическую цель, важную для головной организации. Мне еще неясно, сколько продержатся, проживут такие консорциумы.

Полагаю, что на протяжении предстоящего десятилетия мы увидим слияния некоторых из консорциумов, т.е. они станут крупней, а деятельность — эффективней. Думаю, что в будущем мы увидим другие товарищества, в которых осуществляется сотрудничество между самыми различными организациями, не обязательно только библиотечными.

Приведу один небольшой пример: сейчас некоторые из медицинских библиотек являются неотъемлемой частью процесса здравоохранения, т.е. они помогают врачам лечить людей. Врачи пользуются библиотеками в режиме он-лайн на дежурствах, на вызовах для поиска той информации, которая необходима им для профессиональной деятельности. Стоит подумать о том, чтобы распространить эту модель и расширить сферы ее применения.

Каковы бы ни были эти новые модели информационного обслуживания, они

будут более эффективны, чем простое адаптирование различных новых передовых технологий к новым потребностям. Наш успех будет зависеть от позитивного решения других, не связанных напрямую с библиотекой, проблем. Прежде всего с вопросами государственной политики, которые сделали бы библиотечные услуги легкодоступными для широких слоев пользователей, вопросами, связанными с организационными и правовыми моментами и требованиями к ним. Я полагаю, что в конечном итоге, вот эти вопросы окажутся гораздо важнее для наших библиотек, чем даже технические и технологические проблемы.

К этому следует добавить самое, на мой взгляд, важное — появление как можно больше образованных библиотекарей, которые будут развивать библиотечное дело и доносить свои знания до самых широких кругов общества. Мне кажется, из всех наших текущих проблем и задач это — самая главная!

В США и других странах Европы сокращается число прекрасно образованных библиотекарей и число тех, которые хотели бы занять какое-либо лидирующее положение в различных библиотеках. Могу назвать вам несколько причин этого явления.

1. В США, прежде всего, с демографической точки зрения, библиотекарь — это профессия, по которой работают много людей старшего возраста и я тому пример. Следовательно, предполагается уход на пенсию очень большого числа пожилых библиотекарей, которые начали свою деятельность в 60–70-х гг. В прошлом году из моей библиотеки ушли 12% библиотекарей. Это большая и совершенно невосполнимая потеря — целый пласт замечательных, “старых”, традиционных библиотекарей. Пока мы смогли найти достойную замену только двум из ушедших специалистов.

Если бы десять лет назад и больше был объявлен конкурс на замещение вакансий,

то 50–75 человек подали бы заявки. Сейчас, если мы наберем более полудюжины заявок, — это уже замечательно.

2. Можно утверждать, что географическая мобильность библиотекарей также намного снизилась. Сейчас библиотекари, как устроились на работу в библиотеку, так все время и держатся именно этой библиотечной организации, несмотря на то, что мы, американцы, любим менять места работы и переезжаем за время нашей, так сказать, “рабочей” жизни раз шесть.

Это означает, что у отдельной библиотеки очень мало шансов на достойную смену кадров, и молодое вино не вольется в старые меха.

Мы за то, чтобы наши библиотечные сотрудники какое-то время работали и в других библиотеках с тем, чтобы возвращаясь, они приносили какие-то свежие идеи, свежие взгляды и т. д.

3. Для того, чтобы влиться в профессиональный штат сотрудников библиотеки, у нас в США требуется обязательно не только университетское образование, но еще и аспирантура по библиотечному делу. Несмотря на открытие некоторых частных библиотечных школ в 1970–1980-х гг., они недостаточно повысили уровень образования обучаемых студентов собственно библиотечному делу. Число выпускников специальных библиотечных заведений снизилось с восьми тысяч в 1975 г. до пяти тысяч в 1997 г. Совершенно ясно, что мы должны привлечь новые молодые кадры в обновленные библиотеки, в том числе и национальные. Более того, мы видим, что многие выпускники библиотечных школ и университетов не идут на работу в традиционные библиотечные учреждения. Они становятся WEB-мастерами или разработчиками баз данных, или программистами в совершенно других организациях.

Очень многие библиотекари стремятся к различным управленческим долж-

ностям. Раньше библиотекари приходили в библиотеки для того, чтобы стать менеджерами, поработать и улучшить свои управленческие навыки. Я даже не хочу комментировать качество некоторых из таких управленцев, таких менеджеров.

В настоящее время библиотеки колледжей и университетов стараются повысить заработную плату на конкурентной основе. Это означает, что уже не надо мигрировать с места на место, менять работу для того, чтобы получить лучшую, более высокую заработную плату.

Помимо всего прочего, в последнее время значительно изменилась роль высшего руководства библиотек, в частности моя роль. Если раньше эта роль сводилась больше к управлению библиотекой, то сейчас — к сохранению финансового и политического статуса библиотеки, т. е. требуются совершенно другие навыки и совершенно другое управление. Многие библиотекари не рассматривают это как привлекательную альтернативу. Они хотят продолжать заниматься тем, чему их

обучали, и я не могу их за это винить.

В заключение могу сказать, что мы, библиотекари, сталкиваемся с очень многими проблемами. С одной стороны, — всё больше изменений, больше несоответствий, больше проблем, больше конкуренции и конкурентов, больше выбора, больше стресса, изменение ролей и все меньше уверенности и определенности в том, какими будут библиотеки будущего, меньше ресурсов и меньше людей, желающих управлять библиотекой. Но с другой стороны — я все-таки, наверное, оптимистка. Потому что, оглядываясь назад, я могу сказать, что все изменения и перемены выглядят преходящими.

И, хотя дорога в будущее пока в рытвинах и ухабах, мне кажется, что мы сможем вымостить ее так, что ехать по ней будет весело и приятно. То, каким будет наше будущее зависит от нас. Зная, какими талантами обладают люди в библиотечном сообществе, в моей и в вашей стране, я совершенно не боюсь заглядывать в это будущее, каким бы оно ни было.

ИНТЕРВЬЮ С МАРИАННОЙ ТАКС ЧОЛДИН

Б. Ф. Володин — вед. науч. сотр. НИОБ РНБ, канд. пед. наук.

Б.Володин: Прежде всего я хочу поблагодарить Вас за согласие дать ответы на вопросы читателям журнала “Петербургская библиотечная школа”. Вы являетесь одним из самых любимых, самых известных зарубежных коллег. Нам всегда очень приятно встречаться. Мой первый вопрос связан с Вашим интересом к России. Кто из деятелей русской культуры или просто исторических персонажей Вам особенно интересен, Ваши любимые литературные произведения, пристрастия и симпатии? Что в Вас поддерживает интерес к России?

Ответ: Скорее всего, впервые я влюбилась в русскую литературу после прочтения “Войны и мира”. К сожалению,

я читала “Войну и мир” на английском и в сокращенном варианте. Я тогда была очень молода, мне было всего лишь четырнадцать, так что мне это, наверное, простительно. В тот период, когда я читала эту книгу, я познакомилась с советским ученым-антропологом, который навестил моего отца. Пожалуй, это был первый советский ученый — представитель естественных наук, который появился в Америке после смерти Сталина. Он меня ругал и бранил за то, что я читала этот замечательный шедевр на английском языке и в сокращенном варианте, а не на русском. Я с ним была совершенно согласна, пото-

му что обычно никогда не читаю ничего в сокращенном варианте. Это было исключение из правил.

Три года спустя я уже была в университете в Чикаго. Там я начала изучать русский язык. И с того момента я никогда не прекращала учить русский язык. Вскоре я прочитала по-русски "Анну Каренину", и мне она очень понравилась. И еще мне понравились рассказы Чехова. Это стало моей следующей великой любовью.

В то время я могла мало что-либо найти, что бы меня действительно заинтересовало в современной советской литературе. Потому что у меня были связаны с этим плохие воспоминания, негативный опыт из-за того, что меня тогда в юном возрасте заставляли читать "Цемент" Гладкова, "Как закалялась сталь" и т. д.

Конечно, мои коллеги и может быть сверстники в Советском Союзе в то же самое время, вероятно, тоже читали, вынуждены были читать те же самые книги, которые им тоже не доставляли большого удовольствия. И, конечно, делали они это при гораздо худших обстоятельствах. Но, тем не менее, я не обращалась к советской, российской литературе в течение многих-многих лет.

В промежутке между этими временами я стала библиотекарем, специалистом по славянской литературе, а затем, когда я уже закончила свое высшее образование, получила право заниматься исследованиями российской литературы, культуры, истории и библиотековедением.

После этого я приступила к подробному изучению российской советской цензуры, которое продолжаю и по сей день.

Уже тогда я стала рассматривать литературу с другой точки зрения. Я вернулась к изучению советской литературы, и в конечном итоге у меня сформировалось о ней уже совершенно другое мнение. Тогда я обнаружила много писателей, творчество которых я полюбила:

Пастернак, Аксаков, Довлатов и многие-многие другие. Я прекрасно проводила время именно в таких открытиях, т. е. это был постоянный непрекращающийся процесс.

Я собираюсь прочитать (пока еще не начала) книгу Ирины Ратушинской. Поскольку несколько дней назад в Москве в библиотеку зашел Борис Акунин, с которым я, к сожалению, не смогла встретиться, то я попросила моих друзей дать мне несколько его книг. Я продолжаю свои исследования, свое изучение, свои открытия в области изучения российской и русской литературы.

Б.В.: Безусловно, современные российские библиотеки очень изменились за десять лет, но в то же время присутствие старой советской библиотеки в той или иной форме еще существует. Очень важно, что есть такие ученые, как Вы, которые изучают историю России, историю библиотечного дела. Без знания этой истории мы не сможем решить другие проблемы. То, что Вы изучаете цензуру, для нас очень важно. В связи с этим у меня вопрос.

Какие у Вас планы? Что в дальнейшем Вы предполагаете изучать в российской истории, истории цензуры, может быть какие-то параллельные аспекты?

Ответ: Мне трудно однозначно ответить на этот вопрос, потому что постоянно возникают новые идеи.

Сейчас у меня, основываясь на тех беседах, которые мы вели на протяжении последних дней, появились интересные мысли.

Вчера мы провели День книги, и я выступала в Областной библиотеке в Твери. Это был непростой разговор. Он включал в себя некоторые элементы нашего сегодняшнего общения и, кроме того, я пыталась объяснить моим коллегам, что они должны предпринять определенные важные практические шаги, необходимые

сегодня для русских библиотек, для того, чтобы действительно открыть доступ абсолютно ко всей литературе, неважно любима она, или нелюбима (приятна она или неприятна). Я использовала «Mein Kampf» в качестве примера весьма одиозной (неприятной) книги. Я постаралась объяснить, почему это необходимо, исходя из нашего американского опыта. Следует сочетать чтение таких одиозных книг (unpleasant books) с проведением определенных программ в школах, библиотеках, музеях. Я использовала как примеры свои выступления в Санкт-Петербургском музее Сахарова и Бухенвальде. Мое выступление в Бухенвальде, мне кажется, следовало опубликовать в России.

Месяц назад я прочитала ряд лекций в Твери и Восточной Германии, очень приближенно к такому варианту с использованием неприятного и шокирующего материала. Однако восприятие и обсуждение их в разных местах оказались совершенно различные.

Через десять лет после падения Берлинской стены Германия очень продвинулась. Взгляды коллег из ГДР за эти годы изменились в результате тесной работы со своими западными коллегами. Они оказались более подготовленными к тому, чтобы услышать мой послыл. Но это важно донести и для Петербурга и других многочисленных городов. И я чувствую себя обязанной попытаться им помочь.

Б.В.: В связи с тем, о чем Вы сегодня говорили, мне хотелось бы задать еще такой вопрос. Как Вы считаете, правомерно ли в современной России говорить об “информационном обществе”? А если говорить, то как, в каком контексте, в каком плане, как Вы думаете?

Ответ: Россия гораздо ближе к информационному обществу, чем многие другие страны. У вас есть инфраструктура, которая отсутствует во многих дру-

гих частях света. Вам не хватает средств для того, чтобы создавать информационные структуры, делать их доступными, нельзя не учитывать также менталитет.

У вас уже есть Интернет-центры, библиотеки по всей стране, в которых есть компьютеры, и вы получаете информацию на компакт-дисках.

Вы будете, как все мы, какое-то время в некотором неуравновешенном состоянии, т. е. у вас будут и взлеты и падения. Вы должны знать, что и у нас в США есть много граждан, у которых нет доступа к Интернету. Однако я согласна, что наша ситуация гораздо лучше, чем в России, не говоря о странах третьего мира.

В целом для всех проблема одна — как дать абсолютно всем и каждому доступ одного и того же уровня к любой информации. Это международная глобальная проблема. И решения могут быть только глобальные. Каждый должен стремиться решать их в своей собственной стране, но частично эти решения международные (global).

Б.В.: И последний традиционный вопрос: что можно пожелать нашим коллегам в это непростое для них и для всех нас время?

Ответ: Мы должны сделать библиотеки изменяющейся и эволюционирующей частью нашего общества. Это, конечно, очень болезненно. Все упирается в деньги и в менталитет. Но инновационномыслящие, созидательные люди у вас в библиотеках есть. Им предстоит переформировать библиотеку и библиотечный институт в целом и сделать его полезным в современном мире, необходимо привлечь новых талантливых людей в библиотечное дело, а для этого сделать свою работу новой и интересной. Мне кажется, этот самый лучший способ.

Б.В.: Огромное спасибо за очень интересную беседу. С надеждой на новые встречи в Петербурге.

РЕЧЬ НА ПРЕЗЕНТАЦИИ РОССИЙСКОГО ТОМА “СПРАВОЧНИКА ПО НЕМЕЦКИМ ИСТОРИЧЕСКИ ЦЕННЫМ КНИЖНЫМ ФОНДАМ В ЕВРОПЕ”

Бернхард Фабиан

Презентация российского тома “Справочника по немецким исторически ценным книжным фондам в Европе” и для Центральной редакции и для меня, как редактора, — особое событие. Этим томом работа над Справочником заканчивается. И, если не принимать во внимание еще находящиеся в печати тома с указателями, то российский том завершает более чем 15-летний труд Центральной

редакции. Презентация тома в этой огромной и достойной уважения библиотеке дает повод для особой радости и благодарности.

Первоначально было определено, что справочник должен был представлять собой не более чем документированное описание исторически ценных книжных фондов Федеративной Республике Германия в том виде, в каком они сложились к 1989 г. В стране, книжный фонд которой по историческим причинам разбросан по многим библиотекам, он должен был стать рабочим инструментом, способствующим проведению исследований в исторически сориентированных гуманитарных дисциплинах, и указывать не на отдельные книги, а на собранные вместе части фонда, т.е. стать своего рода указателем потенциальной общей мощности библиотеки и специальных коллекций, которые имеются в той или иной библиотеке.

Вместе с политическими изменениями, которые пережила Европа с 1989 г.,

изменился и Справочник. Но еще раньше стало очевидным, что география книги в Европе не совпадает с политической географией и что Справочник, не

смотря на его точно определенный научный характер, имеет и политическое измерение, хотя должен был стать, прежде всего, релевантным в культурно-политическом плане.

Центральная редакция, получив поддержку Фонда Фольксваген, планировала расширение содержания Справочника не только по отношению к бывшей ГДР, но и по отношению к странам, в которых немецкая книга (или, точнее, книга из немецкоязычного пространства) играла исторически заметную роль. Мы были уверены в том, что культурные связи в Европе, которые после двух мировых войн более не воспринимались, через документирование немецких исторически ценных книжных фондов снова могли бы стать ощутимыми.

Вскоре после 1989 г. я, как редактор, смог начать поиск контактов, которые могли бы привести к совместной научной работе, которая ранее была невозможной. Моим первым российским партнером по переговорам стал господин профессор Леонов, директор Библиотеки Российской Академии наук. Я познакомился с ним в Германии в то время, когда Советский Союз еще не распался, и можно



было предположить, что с помощью существовавших тогда административных структур возможно было бы организовать участие соответствующих российских библиотек в европейском томе. Но в силу политических изменений, которые произошли в бывшем Советском Союзе, эти надежды пришлось оставить.

Результатом нашей начальной совместной работы стал русский перевод моей книги о научных библиотеках, в которой было высказано предложение подготовить Справочник. По-видимому, проблемы сохранения литературы здесь все же не столь отличны от таковых в Германии. В связи с этим я хотел бы еще раз поблагодарить господина профессора Леонова за то, что он нашел возможность подготовить перевод книги, и я благодарю его также за все усилия, приложенные к организации перевода и изданию моей книги.

Участие России в работе над Справочником осложнялось еще и проводимыми в 90-е гг. переговорами о так называемых "трофейных" произведениях искусства. При этом следовало очень точно объяснить, что речь должна идти не о тех книжных фондах, которые попали в Россию после второй мировой войны, а о тех, которые всегда находились здесь. После того, как соответствующие разъяснения были даны (и я хотел бы поблагодарить директоров Академической и Национальной библиотек за вклад в соответствующее разъяснение), препятствий на пути к совместной работе более не было.

С октября 1995 г. началась подготовка российской части Справочника, которую мы сегодня, после длительной и очень непростой совместной работы, можем представить. Первоначально это должен был быть один том, но, как часто бывает, описание фондов заняло гораздо больше места, нежели предусматривалось. Так появились две части восьмого российского

тома, который мы разделили по региональному признаку. Том (8.1) посвящен библиотекам только Санкт-Петербурга. Здесь мне хотелось бы отметить, что отдельные тома посвящены немногим городам – Берлину, Мюнхену, Вене и Праге. Петербург вошел в круг городов, имеющих для немецкой науки и культуры особое значение. Том (8.2) включает в себя важнейшие московские библиотеки и ряд других библиотек, прежде всего областных, в которых немецкие фонды не могли быть изначально.

За то, что обзор немецких фондов российских библиотек стал возможен, благодарим мы многих, кто в разной степени обеспечил успех работы. Нашу благодарность заслужил господин профессор Зайцев, генеральный директор Российской национальной библиотеки, за его готовность реализовывать проект в его библиотеке и обеспечить здесь административное руководство. Для редакции Справочника работа, при которой руководство осуществляется через национальную библиотеку, была наиболее практикуемой и всегда самой удачной формой совместной работы, и мы рады тому, что здесь она тоже оказалась успешной. Со стороны администрации библиотеки за проект отвечала вице-директор госпожа доктор Небогатикова. Ей мы также выражаем свою благодарность за ее усилия по обеспечению хода работы над российской частью Справочника. Ей приходилось решать более чем непростую задачу использования выделенных средств наилучшим образом. Кроме того, большую благодарность выражаем господину доктору Володину. Его задачей была подготовка обоих томов, выбор библиотек, обеспечение контактов с ними, а также передача статей. Начиная с нашего первого обсуждения, которое состоялось в Берлине, до последней корректуры текстов по электронной почте он был для Центральной редакции со-

вершено незаменимым и неутомимым сотрудником.

Наконец, не в последнюю очередь мы приносим благодарность в адрес всех тех, кто готовил статьи. Из более чем 1600 участников работы над Справочником в целом в ней участвовало более ста российских авторов. Это гораздо больше, чем во многих других странах. Центральная редакция месяц за месяцем, неделя за неделей могла следить за тем, с какими трудностями сталкивались российские авторы. Поэтому следует всем тем, кто работал здесь, в Санкт-Петербурге, как и тем, кто работал в отдаленных библиотеках, выразить нашу сердечную благодарность. Завершаются наши выражения благодарности особой признательностью обеим дамам, которые трудились над переводами статей, — госпоже Семеновой и госпоже Володиной.

К особенностям договоренности Центральной редакции с Российской национальной библиотекой относится то, что первоначально подготовленные русские тексты остаются в распоряжении Национальной библиотеки и могут быть использованы для подготовки в дальнейшем Справочника по исторически ценным книжным фондам России по методике Справочника по немецким фондам. Центральная редакция желает этому проекту быстрой реализации и большого успеха.

Чего же мы хотели, когда обращались с предложением о совместной работе к Российской национальной библиотеке? Справочник по исторически ценным книжным фондам не является ни каталогом, который представляет отдельные книги, ни ретроспективной библиографией. Как уже указывалось, это инвентарь, документирующий огромные группы фондов. Он четко характеризует характер библиотеки и демонстрирует ее сильные стороны, как впрочем, и слабые. Он отражает профиль библиотеки.

Благодаря интенсивной совместной работе, удалось хорошо узнать Вашу

библиотеку и описать библиотечные профили большого числа российских библиотек. При этом в количественном отношении преобладают библиотеки Санкт-Петербурга, и, может быть, они оказались наиболее полно и разносторонне раскрытыми. Рядом с Национальной библиотекой по значимости стоит Библиотека Академии наук с представленными во всей полноте ее специализированными библиотеками по астрономии, ботанике, равно как по минералогии и зоологии. Рядом с ней стоит Университетская библиотека, а далее ряд специальных библиотек, аналогичных которым в духовных центрах других стран нет. Это богатая и насыщенная библиотечная структура, которую всем нам здесь удалось задокументировать.

Профиль этих библиотек, который раскрывается в "Справочнике по исторически ценным книжным фондам", является, естественно, специализированным. Он ограничивается исторически ценными немецкими фондами. В целом профиль этих библиотек имеет значительно большую дифференциацию, чем мы могли и хотели показать. Но одно стало очевидным: эти библиотеки имеют в своем распоряжении фонды, которые — и это мы теперь можем сказать точно — заслуживают особого внимания в международном плане.

Что касается исторически ценных фондов, Российская национальная библиотека является одной из самых больших европейских библиотек. Центральная редакция благодарна вам, а будущие пользователи Справочника будут не менее благодарными за то, что мы получили столь детальную статью Российской национальной библиотеки. Благодаря этому она стоит в одном ряду не только с крупнейшими немецкими библиотеками, но и с другими большими библиотеками, такими как чешская Национальная библиотека или датская.

Эти библиотеки называются в соответствии с их функциональным предназначением — национальными. Но они представляют собой нечто значительно большее, нежели библиотеки, отражающие в своих фондах в изобилии и с наибольшей полнотой национальную книжную продукцию страны. Они являются библиотеками, в которых представлено печатное наследие Европы. Это библиотеки, которые, как сформулировал директор одной из таких библиотек, в каждом случае подводят индивидуальный “итог письменного наследия всего континента”. “Они отражают историческое и культурное развитие огромных регионов, если не целого континента”.

Немецкие фонды, которые представлены здесь, как и в Российской государственной библиотеке в Москве, так и в некоторых небольших библиотеках оказались вовлеченными в контекст увиденного из России многообразного письменного наследия Средней и Западной Европы. То, насколько велика доля этих фондов, еще предстоит проанализировать. Но, естественно, доля немецкого письменного наследия является немалой. И имеются особые основания.

Немецкий язык долгое время служил в Средней и Восточной Европе не только языком общения, который сделал возможным понимание в самых широких сферах и в большом числе областей применения языка. Он стал тем основным языком науки, издания на котором выходили в относительно большом числе стран. Таким образом, за пределами Германии велось активное книгоиздательство на немецком языке. Санкт-Петербург был с конца восемнадцатого века важнейшим “немецким” центром книгопечатания.

Книги такого происхождения представляют особый интерес, в связи с чем Центральная редакция просила обратить на них особое внимание. С точки зрения Германии они, естественно, являются важ-

ным компонентом печатного наследия на немецком языке. Но они важны не только по этой причине. Они представляют интерес, прежде всего, потому, что мы, отталкиваясь именно от них, начинаем изучать структуры коммуникаций и коммуникационные пространства, которые переходили через государственные границы. В этой связи функция языка общения и функция механизма распространения играют важную роль.

В то время как французский язык был языком общения дворянства, дипломатов и европейского высшего общества, немецкий язык был первым примером коммуникационной функции современного языка в огромном неоднородном пространстве. Это пространство, с одной стороны, было настолько значительным, что сложность проблемы можно отчетливо увидеть, а с другой стороны, в количественном отношении обозримо в той степени, которая делает возможным проведение исследования. Иными словами, роль немецкого языка как языка общения и языка науки поддается изучению как парадигма.

Мы сегодня оказались в конфронтации с условиями, которые в их измерении с трудом поддаются обозрению и преодолению. Языки, которые сегодня служат языками общения, распространяются на значительно большие пространства и требуют принятия во внимание не только книгоиздания как коммуникации, но и других современных коммуникаций. Примером этого является испанский язык, также как и русский, и, конечно, английский как первостепенный *lingua franca* современного мира. Для того, чтобы понять, о чем идет речь, нам потребуются небольшие модели, и мы надеемся, что Справочник при анализе маленьких “немецких” моделей будет очень полезен.

При описании фондов каждой конкретной библиотеки история его формирования выступает вперед, а ее фонды представлены на фоне ее истории. Шаг

за шагом описание истории библиотек и повернули Справочник в направлении культурно-исторического справочного издания. С созданием нового тома, который мы представляли, этот аспект выступал все более отчетливо. В результате после своего завершения Справочник дает представления не только о книжных фондах, но и о развитии и судьбе более чем 2000 библиотек.

Значение этих индивидуальных описаний истории библиотек не ограничивается в первую очередь одним библиотекведием, хотя они и содержат важный вспомогательный материал для историко-библиотечных исследований. Значение состоит в том, что они индивидуальных описания библиотек охватывают всю Европу, образуя единую духовную и куль-

турную сеть, главными звеньями которой и являются библиотеки. Общие вспомогательные указатели, которые в ближайшее время будут готовы, должны сделать видимыми не только новые книжно-исторические связи, но и связи культурно-исторические. То, что удалось включить в эту сеть также и важнейшие российские библиотеки, наполняет нас радостью и удовлетворением. Мы надеемся, что Справочник будет содействовать тому, что культурные связи и культурные отношения, которые когда-то существовали, возможно вновь оживут. Разрешите мне еще раз сердечно поблагодарить всех, кто своим трудом сделал возможным подготовку обоих российских томов "Справочника по немецким исторически ценным книжным фондам в Европе".

Перевод Б. Ф. Володина

КНИГА – ХРАНИТЕЛЬНИЦА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Е. Г. Муравьева — ст. науч. сотр. Научно-методического отдела РНБ

Под таким названием в конце июня 2001 г. в Российской национальной библиотеке (28 июня) и в Центре современной литературы и книги (29 июня) в рамках Санкт-Петербургской международной книжной ярмарки "Фолиант – Белые ночи" прошла Всероссийская научно-практическая конференция.

Для нашего города проведение такого рода конференций и встреч, посвященных проблемам книги и чтения, стало хорошей традицией. Проводимое РНБ всероссийское исследование "Чтение в библиотеках России" позволяет собрать воедино людей, неравнодушных ко всему происходящему в нашей российской культуре. Общая любовь к книге, литературе собрала под одной крышей именитых писателей, ученых, историков, редакторов литературно-худож-

ественных журналов, издателей и библиотечарей из ближних и дальних уголков России – Москвы, Вятки, Екатеринбурга, Хабаровска, Магадана, Мышкина, Кашина, Тотьмы, Холмогор, Ачинска, поселка Овсянка Красноярского края и многих других.

Речь на конференции шла о прошлом, настоящем и будущем книги как феномена культуры и хранительнице менталитета нации. Как показывает наша насыщенная событиями история, человеческая память крайне изменчива. Процесс переписывания истории еще не закончен. Появляются новые монографические исследования, художественные произведения, учебники, представляющие нетрадиционный взгляд на наше прошлое. Книга отражает этот процесс новых откры-

тий, нового мифотворчества. Состоялся заинтересованный разговор о роли книги в формировании национального самосознания, ее значении в истории России, о социологии чтения и читательских пристрастиях в эпоху свободы слова, о предметности в чтении отцов и детей, о проблемах современного книжного рынка, об издательской политике и проблемах редактирования.



Приветствовали участников конференции генеральный директор РНБ В. Н. Зайцев, главный специалист Отдела библиотек Министерства культуры РФ В. В. Ильина и академик РАН, ответственный редактор "Исторических записок" Б. В. Ананьич. "Тема конференции вечная, — сказал Б. В. Ананьич, — но сегодня она особенно важна на фоне кризиса в отношениях между читателем и книгой, вызванным техническими достижениями рубежа столетий, появлением компьютерной техники. Нынешний молодой человек на много часов погружается в Интернет и оттуда получает информацию о "Войне и мире" и "Евгении Онегине" и иногда довольствуется этой информацией. Но мы должны из этого кризиса выйти. Есть надежда на обновление. Конференции подобного рода должны этому способствовать. Я надеюсь, что процесс культурной интеграции в мировое сообщество будет не только успешным, но в этом процессе мы не потеряем те культурные отечественные достижения, которые для нас представляют ценность. Обращение к исторической памяти, к книге, может быть даже в электронном варианте, должно способствовать интеллектуальному обновлению общества".

Ведущий заседание петербургский писатель Михаил Кураев отметил, что

сегодняшние обстоятельства чрезвычайно благоприятны для работы с историей, потому что сегодня без посредников есть возможность обращаться к тому, что имело место в нашей жизни. В этой связи книга приобретает совершенно новое качество. "Не помню кто-то из великих сказал, что событию недостаточно произойти, оно должно быть записано, только после этого оно становится историческим фактом. Какой история предстанет перед нашими потомками, зависит от книги, от исторической книги.

Вот это и должно быть осмыслено этой конференцией".

А как уже эти исторические факты интерпретируются писателями, учеными, историками и воспринимаются читателями — об этом и многом другом говорилось в течение двух дней конференции.

Известный критик, профессор факультета журналистики МГУ Владимир Новиков напомнил, что в одном из своих последних интервью Булат Окуджава, который верил в торжество позитивных ценностей, на вопрос корреспондента, кто же спасет Россию, ответил: "Да вот библиотекари ее и спасут!" Далее он продолжал: "Звучит парадоксально, но именно через библиотеки автор находит своих читателей. Я никакого кризиса книги не предвижу. Интернет всегда ос-

танется информационным хаосом, в хорошем смысле этого слова, он ничем дурным книге не грозит, а в словесном искусстве книга будет вечна. Единственно, что угрожает сегодня книге и ее автору — это подчас варварское отношение к ее изданию. В книгоиздании пришли люди энергичные, но необразованные, с экономическим, техническим образованием, которые поставили своей целью получать прибыль и они эту прибыль умеют получать, но при этом они считают, что совершенно не нужно консультироваться со специалистами. Такие издатели берут на себя смелость менять даже названия книг, как это произошло, например, с "Евгением Онегиным", который появился под названием "Мой дядя" и т. д. Читатели должны получить книги в том виде, как их задумал автор. Книга, как и человек, тоже нуждается в экологической защите. И если с правовой точки зрения не всегда возможно воздействовать на горе-издателей, то необходимо создавать атмосферу нетерпимости к подобным изданиям." По мнению В. И. Новикова, в конце 90-х гг. и начале этого века книга обрела настоящую свободу, помимо литературы массового спроса, все больше стало издаваться стоящих книг, которые хочется либо прочитать, либо обязательно просмотреть.

Один из самых ярких и активных публицистов последних лет, а также замечательный петербургский прозаик А. М. Мелихов выступил с докладом: "Литература — творец и хранитель коллективных иллюзий". "Народ — какместилище исторической памяти не терпит ничего мелкого, — сказал он, — Да, эта память очень часто искажена, хранит нелепости, вздор, но она, мне кажется, отсеивает мелкое, низкое. Соглашаясь с мнением, высказанным М. Кураевым, что историческим фактом становится только то, что записано, хочу уточнить, не просто записано, а вооружено красотой

и преобразено в какой-то образ — ужасный или чарующий, но волнующий и не мелкий. Скажем в сборник о ленинградской блокаде могут войти стихи О. Берггольца, и они вошли в память народа, как безусловная правда о ней. Но когда Золотоносов пишет о том, что во время войны было много людоедства, ссылаясь на архивные данные, эта чистая правда в народную память не войдет. Или вообще исчезнет память о блокаде, или она будет существовать как подвиг. То есть народ хранит только высокое, романтическое, хотя это и приводит подчас к ужасным последствиям. Способность жить иллюзиями, творить иллюзии падает, но народ хранит коллективные иллюзии, иногда жестокие, нелепые и просто смертельно опасные. Исчезновение иллюзий, распад общества на группы прагматиков опасен прежде всего не обществу, а самим прагматикам, люди почти не могут выжить, если они исключены из системы иллюзий. Они их начинают черпать в масскульте, и здесь он выполняет позитивную роль. Между человеком, читающим Маринину, и человеком, читающим Толстого или Пруста, конечно, очень глубокий овраг, но между человеком, читающим Маринину, и человеком, ничего не читающим, — бездна!"

В. Д. Стельмах, ведущий научный сотрудник РГБ (Москва), отметил, что главной тенденцией, главным изменением последнего десятилетия является то, что "читающая" аудитория не резко, но неуклонно сокращается, соответственно увеличивается объем той аудитории, которая не читает ничего и никогда. "За 90-е годы объем нечитающей публики вырос в 1,5 раза и составляет примерно 35–37 %. В чтении лидируют по-прежнему детективы и любовные романы. Массовая словесность имеет право на существование, это единое тело культуры, без которого не может существо-

вать массовый читатель. Регресс в культуре, это не плохо и не хорошо, это указание вектора движения, ведь и движение вперед может быть отрицательным. Сегодня массовый читатель представляет собой удивительный симбиоз "Нового мира" и В. Кочетова...Вернулся в чтение советский роман, роман-эпопея. Четверть читательской аудитории провинциальной России достаточно регулярно читает толстые журналы (программа Сороса приблизила их к массовому читателю), но в чтение вернулась массовая беллетристика самого дурного толка — Кочетов, Бубеннов, Нагишкин, Елизар Мальцев. Здесь есть сильная экономическая составляющая — прошедшие акции пополнения фондов библиотек "Принимаем все!" насытили фонды именно такого рода литературой. Региональный книжный рынок скуден, поэтому читают то, что есть в библиотеках. Наблюдается разлом книжной системы и, что очень тревожно, библиотечной системы тоже — такое же различие отмечается между большими и малыми библиотеками. Чем занимаются сейчас крупные библиотеки, куда закачали большие деньги? Отцифровыванием фондов, созданием электронных каталогов, реконверсией каталогов, созданием интернет-классов... А в малых библиотеках пришлось вернуться к громким читкам!

Произошел колоссальный разрыв между читающей элитой и массой, совсем исчез средний слой, который выполнял роль медиаторов, передающих стандарты высокой культуры, эталон чтения к массам. Сфера реального потребления классики остается стабильной, но что происходит сейчас? Двойственность снова наблюдается, вернулась символическая роль классики, и классика снова воспринимается как национальное достояние. Это говорит о восстановлении неких культурных норм".

О преемственности в чтении художественной литературы разных поколений, о сходстве и различии в читательских предпочтениях, базируясь на данных последнего социологического опроса населения, проведенного совместно РНБ и НИ-ИКСИ СПб ГУ в марте-апреле 2001 г., говорила В. В. Яльшева, старший научный сотрудник Научно-методического отдела РНБ. Интереснейшими наблюдениями за чтением исторической беллетристики в библиотеках Вятского края поделилась с аудиторией Е. А. Чемоданова, главный библиотекарь Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

О читателе-пользователе современной публичной библиотеки провинциальной России рассуждали наши московские коллеги из сектора "Социологии чтения и библиотечного дела" РГБ Т. П. Воловельская и Е. В. Захарова.

Вопросы тематической и жанровой структуры книжного рынка, взаимоотношения авторов, издателей, библиотек затрагивались многими докладчиками и были предметом жарких дискуссий, но наиболее полно они были раскрыты в докладе "Авторы. Издатели. Библиотеки: параллельные миры в галактике Гутенберга" И. В. Эйдемиллер, директора НП "Санкт-Петербургский книжный центр", старшего научного сотрудника РНБ.

О новом издательском проекте "Центрполиграф" рассказала В. А. Благово, ведущий редактор и одна из создателей серии "Россия забытая и неизвестная" (Москва). Эти книги издаются в тематических циклах "Российский образ жизни", "Русские фамилии", "Государственные деятели и полководцы" и др. С. А. Сапожников, соавтор данного проекта, передал в дар РНБ первые пять изданных книг. Они содержат уникальный фактический материал, богато иллюстрированы и красочно оформлены.

Петербургский писатель, историк А. Л. Мясников изложил свой взгляд

на историю России в созданной им "Русской летописи. Хронографе"; Е. Н. Самойленко рассказала об уникальной работе, проводимой издательством "Тропа Троянова" по собиранию народных сказок и былин и познакомила присутствующих с первыми изданными книгами. Среди участников конференции оказались люди, как раз из тех областей (губерний), где проходил



сбор материалов для этих изданий, и их библиотеки оказывали посильную помощь ученым и составителям в этой работе. Они высказали большую благодарность издательству за такой подвижнический труд и с удовольствием приобрели книги для своих библиотек.

Ряд выступлений был посвящен конкретным историческим событиям и отдельным персоналиям, что вызвало большой интерес и благодарность у слушателей. Среди докладчиков можно отметить Ю. В. Мудрова, президента Фонда культуры, заместителя директора по научной работе государственного музея-заповедника "Ораниенбаум", который на изысканиях библиотеки императора Петра III многое смог поведать о правде и вымысле об этой загадочной личности. Е. П. Пирогова, зав. отделом редких книг Свердловской областной научной библиотеки им. В. Г. Белинского (г. Екатеринбург), увлеченно рассказала о своей научной работе по разысканию и описанию личных библиотек рода Демидовых. Тщательное изучение этих материалов позволило автору составить новое, свежее суждение о тех или иных представителях семьи Демидовых, их кругозоре, культурном уровне, литературных пристрастиях и прочем. Е. П. Пирогова

представила подготовленную ею книгу "Библиотеки Демидовых: книги и судьбы", изданную в Екатеринбурге в 2000 г. и передала ее в дар РНБ.

В. В. Бубнов, директор Орловской областной публичной библиотеки им. И. А. Бунина говорил о надписях на книгах как источнике изучения региональной истории, такая исследовательская работа помогла создать новую книжную серию "Золотая книга Орловщины", в которой будут переиздаваться первые книги, напечатанные в Орле с 1814 года. Первые две изданные книжки в этой серии "Нечто для размышления о молитве и сущности христианства" и "Театр графа Каменского" также были переданы в дар РНБ.

Высокий уровень конференции поддерживали ее ведущие: петербургский писатель М. Кураев; известный литературовед и писатель В. Курбатов (г. Псков); Директор Центра современной литературы и книги, писатель Д. Каралис; заместитель главного редактора журнала "Октябрь" И. Барметова (Москва).

Участники конференции выразили надежду, что новые коммуникационные технологии все же не уничтожат "кусочек дымящейся совести", как образно назвал книгу Борис Пастернак.

В интервью, данном петербургской прессе по окончании конференции В. Я. Курбатов на вопрос корреспондента — "Ваше мнение об этой конференции, насколько необходим был этот разговор, насколько он актуален и состоялся ли он?" ответил: "По-моему состоялся. Странно, бывают случайные доклады, когда человек выговаривает, что наболело, но видно состояние общества, видны ожидания друг от друга, общей готовности к тому, что завтра прозвучит какое-то более — менее внятное слово, словно мы все расточали — расточали и постепенно начинаем собирать слово за словом, сами еще не зная, что собирать. Но душа умнее нас, она всегда в России умнее собственного сердца, умнее ума, и она постепенно нашептывает, что надо делать. Интонация слышания

друг друга — вот что важно, Это было ощущение целого, живого разговора, к которому все устремлены".

В. Д. Стельмах сказала: "Сегодня, когда научная жизнь, прямо скажем, не бьет ключом и научные коммуникации достаточно ослаблены, возможность приехать и пообщаться с коллегами, причем не вообще поговорить о бедах и проблемах, а обсудить конкретные профессиональные вопросы — это редкая возможность, за что мы и благодарны библиотеке. Это первое. Второе — это возможность услышать библиотекарей малых провинциальных городов, участников всероссийского исследования "Чтение в библиотеках России", которые уже традиционно приглашаются на такие конференции в Санкт-Петербург".



Петерб.
Сибл. Цикл

2001 №1)

У ПОВЕСА
КНИЖНАЯ
У СЕТЬ РЪКИ
НАПОЮЩАЯ
ВСЕЛЕННУЮ